80

ПИОНЕР 9

1983

Л. СИМОНОВА,
лауреат премии Союза журналистов СССР

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

ГЛАВЫ ИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Вместо предисловия

У входа в 109-ю челябинскую школу висит привычный для глаз транспарант, на котором белым по красному написано: «Добро пожаловать». Но восклицательного знака нет, и это мне нравится. Мне тоже кажется, что детству гораздо больше нужны знаки вопросительные. Тот, кто скорее научится беспокоить себя вопросами и бесконечным поиском ответов на них, проживет жизнь более интересную. И легче найдет опору в самом себе в минуты жизненных неурядиц и невзгод.

Не думайте только, что я против радостного, хорошего настроения. И бури, и грозы, и восторг, и восхищение, и удивление необходимы растущему человеку, как воздух, как витамины. Не стоит только путать все это с крикливой болтовней, с шумихой по пустякам, с ложной торжественностью. Чтобы потом не обмануться в главном: в чувствах, в поступках, в оценках.

Добро пожаловать. Когда это сказано просто и спокойно, всякому не страшно заглянуть на огонек и, может, даже остаться. И в будни, и в выходные дни двери этой школы открыты. И если, проходя мимо, вы услышите стук мяча в спортивном зале, никто не откажет вам участвовать в состязаниях. Никто не удивится, если вы пристроитесь к верстаку, у которого ребята с кем-то из родителей своего класса мастерят модели или учебные пособия. И даже будут рады, если в клубный день вы войдете в школу с интересной идеей, волнующей вас мыслью или дельным предложением. Можно и просто так зайти, посмотреть и послушать и отдохнуть душой, если на душе скверно.

Три года назад, когда я писала о шестиклассниках этой школы, в которую и сама в далекие годы войны пошла в первый класс, я не захлопывала наглухо двери в документальное повествование «Человек приходит из Детства». Чуть-чуть придержала я их фразами, приглашающими к размышлению, к общению, к доброму разговору. Приятно, что ребята поняли это.

«Повесть «Человек приходит из Детства» помогла нам понять,— рассказывает в письме Шура Голунова из г. Верхний Уфалей,— что такое настоящий, дружный класс, что нужно сделать, чтобы отряд жил весело и не было такого, что мальчишки грубят девчонкам!»

«Документальное повествование подсказало мне, как искать друзей среди взрослых, как достичь взаимопонимания с родителями»,— высказывает свое мнение Зоя Карпенко из села Лиман Одесской области.

Ребята и взрослые, в реальной жизни оказавшиеся далеко друг от друга, в письмах, которые я получала, словно бы объединялись: делились впечатлениями, обсуждали важные для всех проблемы, задавали друг другу вопросы. И день ото дня я утверждалась в мысли, что у документального повествования есть свои особенности: читатели могут смело входить на его страницы через приоткрытую дверь и располагаться рядом с героями, о которых уже рассказано.

Кстати, многим ребятам хотелось знать: как теперь живут бывшие шестиклассники 109-й челябинской школы, пионеры отряда имени Гули Королевой? Какой в этой школе музей «Судьба семьи в судьбе страны»? Продолжается ли дружба с родителями и шефами?

«Я думаю,— написал мне Саша Исаев из Челябинска, только не из 109-й, а из 31-й школы,— вы правы, говоря о том, что сколько человек получил в детстве тепла, столько сумеет передать его окружающим, сколько увидел доброты, столько поселилось ее в нем для других, сколько любви и энергии вложили в его воспитание, столько внесет он их в свое дело, в свой поступок, в свое отношение к людям. Вот я и хотел бы узнать о дальнейшей судьбе шестого-первого класса...»

Что ж, читайте, дорогие мои друзья, продолжение документального повествования «Человек приходит из Детства». Оно называется «Добро пожаловать».

Общие песни

Расставаясь в конце шестого класса и в последней главе документального повествования «Человек приходит из Детства», мы договорились с моими друзьями — героями повествования, что встретимся через три года.

Снова весна. Солнечный свет заполняет классы радостью и беспокойством: что там за окном? Как идут дела в большом, таком привлекательном мире? Не произойдет ли что-то главное, пока мы сидим на уроках, без нас, без тебя и меня?..

Мы встречаемся в этой главе, чтобы ненадолго вернуться в прошлое — в наш прекрасный дружный пионерский отряд, в наше детство. С грустью сказать друг другу: «А помнишь, как мы придумывали сбор-поиск «Судьба семьи в судьбе страны»? А помнишь, как оторвали ручку у портфеля Сашки Пучкина? Помнишь, как первый раз пришли в цех к шефам? А как ставили «Сударушку»? Как выпускали газету «Класс-фильм»?..»

Мы собрались, чтобы вместе с друзьями взглянуть на себя повзрослевших, уже юношей и девушек, устремившихся во взрослую жизнь. Нет, мы, как и никто другой, не в силах остановить бег времени, но чуть-чуть придержать шаг, чтобы в мыслях взглянуть на себя со стороны, сурово и требовательно, мы можем. Мы научились этому еще в пионерские годы.

Мы уселись, как любим, как привыкли в пионерском отряде, в кружок, плечом к плечу, и снова тихонько запели нашу песню про алые паруса, про дружбу и про то, что верим в чудеса, а еще больше друг в друга... Наши общие песни, от них всегда на душе легко и светло, и увереннее смотришь в будущее...

Весна идет. Скоро нальются почки на деревьях, уже пахнет свежестью высвобождающейся из-под снега земли, и так весело жить...

Я смотрю на них и не узнаю. Так они выросли, такие они красивые, независимые и чуть-чуть загадочные. Пожалуй, уже неловко говорить им «ты», как три года назад, как теперь говорю я, обращаясь к тебе, мой юный читатель. Они совсем почти взрослые — девятиклассники, комсомольцы. И я смотрю на них с удивлением...

Они и сами себе удивлены, так мне кажется. И я прошу их написать немного о себе, что-то самое

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

важное, чтоб не спугнуть общим разговором самые сокровенные свои мысли и чувства. Я не должна была бы рассказывать о нашем откровении, но как иначе передать величие взрослеющей души, если не показать ее смятения перед сложностями мира взрослых и своим новым, еще непонятным для самого себя «я».

ИРА ИВАНОВА. «У меня одна большая тревога: появилось много людей безразличных. Они живут только своими интересами, а мне кажется, что в наше время жить только своими проблемами невозможно. Я не понимаю людей, которые ни секунды не могут пожертвовать ради коллектива и школы, и не знаю, как им противостоять.

Раньше мы не умели осмысливать свои поступки, и теперь я с ужасом думаю, сколько бессонных ночей принесла своими глупостями нашей Людмиле Александровне, а она мне все прощала. Мне кажется теперь, что умение прощать — очень важная человеческая способность. Она воспитывала ее в нас, и, может, без этого мы не стали бы такими дружными?

Очень волнует меня еще, что за моей внешностью может скрываться пустая голова, а это страшнее, чем быть некрасивой. Я впервые так смело высказываю свою тревогу, но все время думаю о том, как важно совмещать свой внешний облик с умом и как плохо это у меня получается...»

ДИМА ПЕРВУХИН. «Не знаю, что со мной происходит. Я прекрасно отношусь к нашим девчонкам, но чувствую, что говорю иногда с ними пренебрежительно, отлыниваю от каких-то дел. Мы повзрослели, у всех появились личные свои интересы. Я хожу в самодеятельный театр при Дворце пионеров, а иногда и просто хочется посидеть, почитать или посмотреть телевизор одному, без всех. Но, наверное, и не в этом дело. При желании и самоорганизации, которой, кстати, я чувствую, мне не хватает, можно все успеть. Но мешает какое-то зазнайство, что ли? Но и девчонки стали другими, непонятными, гордыми. Может, зазнались, а может, повзрослели? Нет, вы не подумайте, мы очень хорошо, как и раньше, относимся друг к другу, просто повзрослели и никак не можем привыкнуть к себе в новом качестве...»

ВЛАДИК АЛЕКСАНДРОВ. «Я хотел поступить после восьмого класса в автотранспортный техникум, но не поступил и пошел в ПТУ на автослесаря. Может, позже удастся мне исполнить свою мечту?

Учиться мне нравится, но не нравится, что некоторые люди не слишком стараются на работе. Не нравится, что в карбюраторном цехе, где я практикуюсь, работы не очень много, так как карбюраторы ломаются редко. Чтоб не разлениться, в воскресенье утром я пошел с ребятами разгружать вагоны с сухими сливками и заработал деньги на цветную бумагу для фотографий.

Беспокоит меня нерешительность в моем характере. У всех моих друзей давно уже есть девочки, а у меня как-то не получается подружиться с девчонкой. Может быть, это потому, что я очень скучаю по своему классу и часто хожу грустный и злой?»

Раньше их «почему» были обращены к окружающему миру, теперь они устремлены к открытию тайн внутри самих себя. А это, как видите, сложная работа, и не у всех она получается.

Летом вместе с Людмилой Александровной четверо из них поехали в пионерский лагерь помощниками вожатых: Ира Иванова, Наташа Вергуленко, Элла Штефан и Лариса Кудрина. Но сложилось так, что одна из вожатых срочно должна была уехать. И их попросили встать во главе отряда десятилетних пионеров. Людмила Александровна радовалась: они все умели — провести «Зарницу», выпустить газету, весело и быстро подмести дорожки и прибрать клумбы и даже пытались поставить оперу, которую сочинила Элла.

Мальчишки поначалу безобразничали, чувствовали, что их вожатые не совсем еще взрослые люди. Но вожатые оказались мудрыми педагогами: пионерский отряд научил их такту в человеческих отношениях. Они не кричали на малышей, не одергивали их за каждую провинность, они изобрели «свой метод» — так объяснили они свои действия Людмиле Александровне. Стали обращаться к десятилетним своим друзьям как к равным, как и положено в дружбе. Они принимали любую игру, интересную мальчишкам, бегали с ними наперегонки и даже переселились в их корпус, чтобы быть поближе. И мальчишки растаяли, потеплели.

Так хорошо получилось у них с мальчишками, и так сложно складывались отношения в своем собственном классе, когда половина ребят ушла в техникумы и ПТУ, а вместо них пришли новенькие, из восьмилетней школы.

«Честно говоря, трудно создавать новый коллектив,— напишет мне комсорг девятого-первого класса **ЛАРИСА КУДРИНА.**— В нашем пионерском отряде, может, и не все учились хорошо, но до работы все были жадные, никто никогда ни от чего не отлынивал, особенно если надо было постоять за честь класса. И мы были потрясены, когда новички отказывались мыть пол во время дежурства, не участвовали в смотре политической песни или сбегали с уроков. Но больше всего нас убивали их фразы: «Тебе что, больше всех надо?», «Тебе какая разница, если я уйду с урока?», «Какое тебе до меня дело?». Помогала нам только наша дружба и девиз нашего пионерского отряда: «Один за всех и все за одного». В душе мы до сих пор остались пионерским отрядом, хотя внешне и очень изменились. Мне кажется, что-то нам удалось сделать. Во всяком случае, я рада была услышать от новенькой, Оли Кутузовой: «Вы и вправду какие-то не такие. Вам до всего есть дело, у вас нет безразличных». И я почувствовала, что мы и гору свернем, если все вместе».

НАТАША КОЧУРОВА. «Этот год, девятый в школе, был для нас большим испытанием. Сменилась почти половина класса, Людмила Александровна стала заместителем директора по внешкольной и внеклассной работе, так что у нас новый классный руководитель. Мы должны были доказать всем, что не зря в свои пионерские годы были правофланговым отрядом. Нам было очень трудно. Новички на уборке картофеля работали неохотно, на дежурства не оставались, часто сбегали с уроков. Мы отчаянно боролись, чтоб сохранить атмосферу своего пионерского отряда. И так радовались, когда один новенький мальчик сказал: «Зачем тащиться на дискотеку, если и тут на вечере неплохо?» А другой, Вадим Сажаев, сказал: «Про таких, как вы, я только в книжках читал и в кино смотрел. Рядом с вами как-то хорошеешь».

Конечно, мы уже не те, что были в пионерские годы. Мы повзрослели, нам по шестнадцать, а это, как говорят, золотая пора для любви, но дружба, которая родилась в отряде, помогает нам и сейчас преодолевать трудности жизни. И приятно, что многие в школе отмечают теперь у нашего класса большую самостоятельность».

Честно говоря, я была удивлена, когда услышала, что завуч Софья Давыдовна Кантор объявила: во второй класс пойдет вести урок чтения вместо

заболевшей учительницы Лена Истомина. А Любовь Ивановна Агафонова, директор школы, удивилась, что я этому удивлена. Оказывается, не только Лена, но и Света Забенкова, и Лариса Кудрина, и Элла Штефан, и Наташа Вергуленко да и почти любой из «старичков» девятого-первого класса в случае надобности прекрасно справляются с малышами на любом уроке.

Держится Лена спокойно, уверенно, с достоинством. Нет, она не учительница, она старший товарищ и только заменяет Алевтину Михайловну, чтобы время ни в коем случае не пропало даром. Когда Лена самостоятельно ведет урок, видишь, как здорово научилась она в своем пионерском отряде ценить время, умело его распределять, до малейших деталей продумывать и организовывать работу. Второклассники успевают повторить сказку Виталия Бианки «Заяц, Косач, Медведь и Весна», ответить на вопросы — это повторение пройденного. Потом Лена читает им новую сказку Григория Скребицкого «Счастливый жучок». Снова задает ребятам вопросы. Потом сказку по очереди читают второклассники. Снова вопросы — удивительно хорошо заданные. Малыши должны понять: кто из героев сказки им больше понравился и почему? Каким хотели бы подражать поступкам? Какие черты характера Жучка они хотели бы воспитать в себе? Жучок скромен и добр: он отказывается от нарядного платья и получает взамен фонарик, который будет освещать дорогу. «В чем же счастье человеческой жизни?» — спрашивает Лена у малышей. И так хорошо подводит их к разумным мыслям, что, слушая их ответы, думаешь: «Неужели второклассники стали теперь такими философами?» «Жучок счастлив, потому что любит свой лес,— отвечают дети.— Он всем нужен и для всех полезен: он будет освещать дорогу не только для себя, для всех». Вопросов множество, а ответов еще больше: всем хочется высказаться. И Лена хорошо понимает, что никак нельзя погасить в детях желание во всем участвовать. Одни ребята читали, другие отвечали на вопросы, а теперь несколько человек еще сыграют небольшой спектакль — сказку распределили по ролям.

За коротенькие сорок пять минут Лена-девятиклассница, Лена-учительница ухитряется еще обратить внимание второклассников на то, как построена сказка. «Очень хорошо вы сказали,— хвалит Лена,— главная мысль сказки глубокая и серьезная: думать не только о себе, но и о других, и автор повторяет эту мысль трижды: в словах Весны, в словах Жучка и в своих словах — Автора. Найдите эти места».

Когда-то на уроке биологии в шестом классе, где училась Лена Истомина и ее одноклассники, я была поражена, как много они успевают. Учитель биологии Людмила Викторовна Павлюченко и классный руководитель Людмила Александровна Рублева сказали мне тогда, что помогает им особый микроклимат доброжелательности в этом классе. И теперь я хорошо вижу, как создает такой климат на уроке у малышей сама Лена.

«Пожалуйста,— говорит она,— начинай ты, мальчик с последней парты. Очень хорошо». И я вспоминаю принцип Людмилы Александровны: «Хвалить всегда начинаю с Камчатки». В своем желании отличиться кто-то кричит: «Он не все сказал. Он перепутал». Лена смотрит сердито: «Но в основном-то он сказал правильно. Давайте его похвалим за это». Ябедничать уже никому не хочется. «Что же смешного в том, что он сказал? Он же все равно остается вашим товарищем, если даже немножко ошибся». И снова я узнаю в поведении Лены законы, по которым жил и живет сейчас уже повзрослевший Ленин класс. У каждого можно найти что-то, за что стоит его похвалить,— от похвалы человек становится лучше. И всем так необходимо на глазах у товарищей хоть один раз выглядеть молодцом. Лена не скупится лишний раз сказать: «Ты умница. Ты все правильно понял.

Раньше их «почему» были обращены к окружающему миру, теперь они устремлены к открытию тайн внутри самих себя.

Многому научились они в пионерские годы и сейчас стараются передать все свои знания ребятам, у которых они вожатые.

Какой ты молодец». Незаметно для ребят, и я все думаю, может, и для себя незаметно, Лена располагает их друг к другу, воспитывает отношение уважительности всех ко всем: «Может быть, кто-то думает по-иному? — спрашивает Лена. — Может, кто-то еще хочет сказать? Не будем шуметь, когда говорят наши товарищи. Девочки, я думаю, мы дадим слово мальчикам, мы с вами всегда стараемся быть активнее, а это не совсем правильно». Если сейчас с этим не справиться, — Лена знает по своему опыту, — в пионерском отряде, мальчики не захотят оказаться на главных ролях.

Я с восторгом и уважением смотрю на Лену, и все время урока думаю о том, как много получает человек, выросший в дружном коллективе, которым руководит прекрасный воспитатель. «По-моему, ничто так хорошо не помогает человеку создать себя, выстроить свой характер, найти свои принципы в жизни, как жизнь в дружном коллективе, — так высказывает свои мысли **ЛЕНА ИСТОМИНА.** — Друзья помогают мне разобраться в себе, обратить внимание на недостатки. И все в нас всех еще от нашей доброй, умной и справедливой Людмилы Александровны, которая взяла нас, можно сказать, «цыпушками» и вырастила до больших «деток». И все это так помогает нам во взрослой жизни, где не все и не всегда тебя понимают и так много проблем. Пришла пора любви и юношеской дружбы, пора споров друг с другом и со взрослыми. Ведь некоторые взрослые до сих пор нас считают детьми и «залезают» в самую душу, а так хочется во всем разобраться самому. Хочется быть счастливыми своими силами».

Они уже поняли: непросто быть счастливым. Жизнь прекрасна и удивительна, но и сложна и часто оборачивается неприятностями и даже бедами. И если не готовить себя к тому, что на жизненном пути встречается не только радостное, но и трудное, от неожиданности можно при случае и растеряться и потерять себя.

Еще в восьмом классе у одного из них, не станем называть его имени, умерла мать. Несколько лет болела неизлечимой болезнью и тяжело погибала. Отец у этого человека егерь, бродит по лесам, охотится и редко попадает домой. Они оставались вдвоем со старшей сестрой. Постараемся представить себе, как им было страшно и горько. Этот мальчик, их одноклассник, растерялся, но ни за что не хотел показать этого. И не мог учить уроки, и сбегал из школы. Он перестал слышать и понимать то, что ему говорили, и защищал себя грубостью. Жизнь бросила ему вызов, он бросал вызов всем, даже товарищам, которые его любили. «Отстаньте, убирайтесь, ненавижу!» — кричал он им, любящим. И даже Людмиле Александровне, их классному руководителю, которую они так любили, он выпалил с горящими злостью глазами: «Что ты мне сделаешь?» Так и выпалил: «ты мне».

Они все замерли. Они тоже растерялись. Даже не совещаясь, выработав за долгие годы школьной жизни привычку понимать друг друга глазами, они отступили в сторону, перестали досаждать. Ему нужно было вымучиться, пережить горе внутри самого себя и самому выстоять. «Не станем обижаться, — сказала спокойно Людмила Александровна, — у человека несчастье. Если мы оттолкнем

его, он останется один, у него, кроме нас, нет близких людей».

Он хоть и не сразу, но все понял и все оценил. Великодушие учит гораздо больше, чем насилие и нравоучения. К лету они с сестрой притерпелись к мысли, что матери уже нет. Вернулся домой отец, как-то все стало образовываться. И однажды в классе он сказал тем, кто оказался рядом: «Не держите на меня зла. Спасибо вам».

Только теперь, повзрослев и уже кое-что осмыслив в жизни, они по-настоящему оценили приобретенную в пионерском отряде способность чувствовать чужую боль как свою. Не случайно **ГУЛЯ ДИНЕВА** напишет: «В моей жизни много неприятностей. Не хочу сказать, каждый день, но все же хватает. Это все семейные сложности. Рассказывать о них неправильно. Единственное, что могу сказать, отдыхаю только в школе. Это мое единственное место, где отдыхаю я полностью. Тут мои друзья». И не случайно **ИРА ИВАНОВА** скажет: «Не знаю, что бы я делала без своего класса, только в нем я и живу. Если есть у меня дома обиды, а у меня их бывает больше, чем радостей, то я с ними иду в свой класс, и развеять их мне помогают мои друзья-одноклассники. Я никогда бы не хотела расставаться с ними и с Людмилой Александровной, которая для меня самый лучший человек».

Для всякого человека нет, наверное, в жизни большей опоры, чем уверенность в том, что среди многих людей есть для него — свои. Свои, к которым можно отступить. Свои, перед которыми совестно. За скверный поступок, за недоброе слово и даже за то, что не сделал, но мог сделать. Совестно, но не стыдно обнажить душу: они все поймут и даже, если они осудят, придут на помощь.

СВЕТА ЗАБЕНКОВА. «За восемь лет мы так привыкли делить все радости и горести, что я не представляла себе, что на месте нашего горниста, нашего любимого Ванечки Тихонина, будет сидеть какой-то другой человек. Я не могла придумать, как мы будем без Карпова Сережи, без Булагина и Пучкина, без Пилипчука и Майорова, которые, твердо знаешь, в любую минуту придут на помощь. Как там в песне поется: «Будет и солнце, и моря прибой, только не будет смены такой...»

АНДРЕЙ ПИЛИПЧУК. «Мне очень нравится профессия, которую я для себя выбрал. Некоторые смеются: вот, мол, сапожник и есть сапожник. Но без обуви никто не ходит. И я рад, что настоял на своем, хотя родители тоже возражали. Я сделал свой первый самостоятельный шаг. Мой пионерский отряд научил меня самостоятельности, и всему лучшему, что во мне есть, я обязан своему отряду. У нас в училище хорошая, дружная группа, хороший мастер, который всему нас учит, мы шьем уже тапочки и обувь для себя, но нет для меня лучшего места и лучших людей, чем мой класс. Я прихожу в школу, постою просто так, подышу школьным воздухом, увижу всех и иду дальше, но уже с хорошим настроением. Я никогда и ни в чем не хотел бы подвести свой отряд. Я очень жалею, что часто в школе ленился. Я постараюсь окончить училище с отличным дипломом и пойти учиться дальше на модельера».

Читая откровения ребят, мне так хочется им сказать: «Берегите в своей душе друзей, свой класс, свой отряд, это ваша ракета-носитель, она выведет вас в большую жизнь».

К этому памятнику танкистам-добровольцам они, теперь вожатые, приходят вместе со своими пионерами.

Получив в пионерском отряде заряд немалой душевной силы, они обрели теперь, я вижу это по их поступкам и по их рассказам, великое умение черпать эту силу в себе самих для борьбы с обстоятельствами и даже с собой.

ДИМА МАЙОРОВ. «Мне хотелось самостоятельной жизни. Хорошо подумав, я пошел в Челябинский политехнический техникум. «Устройство и наладка станков с программным управлением» — специальность современная, сейчас на всех предприятиях внедряются такие станки. Но самостоятельная жизнь получается пока какой-то скучноватой. Я скучаю по своему отряду очень. Группа, в которой я учусь, дружная, но я привык, чтобы все вокруг кипело, а здесь силком затаскивают в хор, в танцевальный кружок или в ансамбль народных инструментов. И меня беспокоит, что я стал занимать не очень активную жизненную позицию. Это болезнь многих ребят, и ею так легко заразиться. Иногда бывает так неохота ничего делать. Пойти домой, лечь, послушать музыку, почитать книжку. Наверное, в каждом человеке живет лентяй. И все зависит от того, как человек умеет бороться с лентяем в себе. Хочется прожить жизнь так, чтобы кто-то тебя помнил. Значит, надо жить не только для себя, но и для других».

ЭЛЛА ШТЕФАН. «Я, наверное, не смогу уже жить спокойно. Меня все время что-то тревожит, что-то мне необходимо еще сделать, кому-то помочь. Меня огорчает, что люди обособляются друг от друга. А мы в пионерском отряде учились понимать и любить, и мне страшно уходить во взрослую жизнь. Мне сейчас очень трудно. Иногда мне кажется, что я не нужна никому. Я чувствую себя лишней в семье, в музыкальной школе. И только в своем родном классе я нахожу успокоение. Я была больна музыкой, а сейчас мне кажется, что я ничего не смогу в музыке сделать. Самое плохое в жизни — потерять веру в себя и свою цель. Но я обязательно буду бороться с собой, хоть это так трудно. Я хочу освободиться от пустоты, которая вошла в меня, и я ищу причины своего «крушения». А может, это и не крушение, а просто меня качнуло? Почему так мало пишут об ошибках людей? Не зря же говорят, что на ошибках учатся. Что со мной происходит? Никогда не думала, что в этом так сложно разобраться. Но придется. Кто сделает это, кроме меня?»

Давайте еще раз перечитаем то, что написали Дима и Элла, и отдадим должное их человеческой позиции. «Все зависит от того, как человек умеет бороться с лентяем в себе», — говорит Дима. «Я обязательно буду бороться с собой, хоть это так трудно», — пишет Элла. Тот, кто думает, что мужество нужно только для подвига, на мой взгляд, глубоко заблуждается. Мужество необходимо всякому дню человеческой жизни, потому что жизнь вовсе не простая штука, и понять это хорошо еще в пионерском отряде.

Жить для себя или для людей? Продолжать заниматься музыкой, даже если родились сомнения, или все перевернуть, и пока не поздно, отчаяться шагнуть в неизвестное? Решиться, и выбрать, и поступить — это и взрослому человеку не всегда по плечу.

Ответственность за себя, за других и за все, что происходит вокруг, отличает взрослого человека от ребенка, хотя и взрослые люди не всегда умеют взять ответственность на себя. Взять на себя за что-то ответственность — дело непростое, и этому тоже нужно успеть научиться как можно раньше.

Этот класс, девятый-первый, стал теперь в школе опорой. Так считает директор Любовь Ивановна Агафонова, так считают учителя, старшие вожатые, так считают все. Нужно было поставить танцы к фестивалю дружбы народов, в котором участвовала вся школа, и что же? Только Наташа Вергуленко и Лена Лошак создали танцы для двадцати двух пионерских отрядов.

Я прихожу в танцевальный кружок. Слушаю Лену и Наташу: «Ручки откроем пошире, вот так», «Следим за спинкой», «Ножку вытянем, вот так, коленочку уберем», «Оксана, почему у тебя снова провисают локти? Улыбнись, пожалуйста!» — и слышу пришедший издалека голос Людмилы Александровны, обращенный когда-то к ним, Лене и Наташе: «Прошу вас, тяните носочек, не сгибайте колени, улыбнитесь друг другу...»

Идет Неделя детской книги, и я удивляюсь и радуюсь, как четко и прекрасно все продумано и организовано. Оказывается, взялся за это учком, а председатель учкома кто? Элла Штефан из девятого-первого, наша Элла. Ребята говорят о сказках Корнея Чуковского, о стихах Сергея Михалкова, о повести Анатолия Алексина «Безумная Евдокия», о всех любимых своих книгах. Идет конференция «Какую книгу ты подарил бы своему лучшему другу?». Пионерские отряды проводят конкурс иллюстраций к любимым книгам, рисуют к конференции эмблемы, выпускают газеты. В библиотеке

открылась «Книжкина больница». Рейсы в библиотеку, в классы, в дома к ребятам обнаружили, кто читает больше, кто хранит книги и учебники лучше. На большой и торжественной линейке Элла говорит всем: «Мы прожили интересную неделю. Мы учились думать о том, что прочли, и говорить о литературе. Вместе со Штабом бережливых мы провели рейды. Мы поздравляем победителей... Мы награждаем победителей...» Она хвалит, она называет только лучших. Худшие и сами поймут, что они худшие, когда не услышат названными свои имена. Все лучшие отмечены сувенирными медалями, и веселыми грамотами, и сувенирами, которые Элле помогли сделать ее одноклассники, пользуясь бумагой, красками и своей неуемной фантазией. Все довольны, и у всех праздник!

И я вспоминаю свой далекий разговор с Любовью Ивановной Агафоновой о том, как важно научить ребят еще в пионерском отряде продумывать свою работу до мелочей и с каждым разом организовывать ее еще лучше. И каждый день решать хоть маленькую практическую задачу.

ЛЕНА ЛОШАК. «Мы выросли, изменились, но, мне кажется, в нас осталось все то, что мы вынесли из пионерских лет. Многому научилась я в пионерские годы, и сейчас все тепло, которое получила я, все знания стараюсь отдать ребятам, у которых вожатая. Не все у меня выходит, но мне очень хочется создать такой же отряд, какой был у нас. И поэтому я почти всегда со своими пионерами.

Создать настоящий коллектив — дело непростое. Очень важно, каким воздухом человек дышит, и поэтому самое главное, я думаю, создать атмосферу доброты и доброжелательности всех к каждому и каждого ко всем.

Мы с малых лет привыкли все делать самостоятельно. Новички, которые пришли к нам в девятом, увидели, как мы готовили «Арбузник», КВН с 10-м классом, конкурс политической песни, к которому сами придумали и поставили композицию «Японский журавлик», и они тоже стали понемногу втягиваться в общие дела. Поняли, что мы привыкли говорить друг другу только правду и все в глаза, и тоже отказались от некоторых дурных привычек. Мы очень дорожим нашим микроклиматом доброты и доброжелательности и бережно его охраняем. Сохраняем мы по-прежнему и нашу дружбу с шефами: 23 февраля и 8 Марта, как и в пионерские годы, ходили в цех с концертами. Дела очень много, а времени мало. И я переживаю, что все время куда-нибудь опаздываю. Это мой большой недостаток, и я стараюсь его исправить».

ДИАНА ДМИТРИЕВА. «Сколько за пять пионерских лет встретила я добрых, интересных людей, научилась дружить и ценить дружбу. Я научилась отличать, где свет, где тень, где честные и порядочные люди, а где лживые и злые. Такие ведь тоже есть, к сожалению. Пионерский мой отряд научил меня говорить только правду в глаза, и я верю, что только правдой можно поднять человека, если он споткнулся. Помогать людям — это высший долг каждого человека, и эту истину я поняла в своем пионерском отряде. Мне кажется теперь, что я и дня не могла бы прожить без своих друзей, без наших сборов и диспутов, без костров и песен, без КВН и смотров, на которых мы выкладывали все наши таланты и узнавали, что они у каждого из нас есть. И теперь я все время терзаю себя вопросом: неужели я не смогу передать все, что было хорошего в нашей пионерской жизни, ребятам, у которых я вожатая? Наш класс, наш отряд после того, как о нас написана была повесть «Человек приходит из Детства», знает вся школа, многие люди в Челябинске, потому что нас потом приглашали на телевидение. И это для всех нас большая ответственность. Идешь по школьному коридору, а к тебе подбегает какой-нибудь малыш, трогает так смешно одним пальчиком за руку или за платье, проверяет, наверное, настоящий ли ты? А иногда говорит шепотом: «Я видела тебя по телевизору» или «Я видел, как ты кадриль танцевала». А ребята из пионерских классов засыпают нас вопросами: «Как сделать, чтобы класс был дружным? Почему мальчики не хотят танцевать? Как отучить мальчишек давать всем клички?» И еще куча вопросов. Иногда на некоторые я даже затрудняюсь ответить, тогда я начинаю рассказывать о своем отряде, о своих ребятах и чувствую, это им чем-то помогает. Удивительно хорошая работа — быть вожатым. Правильно сказал поэт: «Вожатый — профессия-птица!»

Только теперь, став вожатыми, они по-настоящему поняли, сколько нужно терпения, и доброты, и мудрости, чтобы видеть среди всех каждого, и всех собрать воедино, и совершенно по-новому, с еще большей теплотой и признательностью стали думать о Людмиле Александровне.

В четвертом-пятом классе, где они вожатые, уже провели «Арбузник», такой же веселый, с капустником и чаепитием, какой до сих пор еще устраивают и для себя. Помогли ребятам сделать интересный отрядный уголок, учили выпускать газету, мастерить игрушки в подарок мальчишкам — к Дню Советской Армии и девчонкам — к Международному женскому дню. Устраивали вместе с четвероклассниками вечер музыки, готовились к читательской конференции в Неделю детской книги. И все же время от времени возникает этот тревожный, этот самый трудный в пионерской жизни вопрос: как все-таки отряду стать дружным? Чтобы «один за всех и все за одного»? Нет, тут, как хотите, нужно всякий раз изобретать, для всякого отряда придумывать свой рецепт действия, потому что отрядов, как и людей, нет похожих.

«Знаете что,— сказали они своим пионерам из четвертого-пятого,— вы большие зануды. Все что-то решаете, постановляете, кого-то отчитываете. Давайте вместе попрыгаем, побегаем, поиграем, вы любите играть?» И начались «Веселые старты». Вести их взялась Ира Иванова. Отряд разделили на две команды: во главе одной встала Лена Лошак, во главе другой — Диана Дмитриева. Председателем жюри назначили четвероклассника Сергея Сергеева, как и у них водилось, не за то, что Сережа — отличник или особо примерный мальчик, а за то, что справедливый и хороший товарищ. К тому же еще у него нога в тот день болела, и сам он бегать не мог. Вместе с Сережей за судейский стол сели Наташа Вергуленко и Лена Попова, а еще классный руководитель четвероклассников Маргарита Михайловна Черных и воспитавшая их, вожатых, Людмила Александровна Рублева.

Команды поприветствовали друг друга и ринулись в бой. Они прыгали через скакалочку, пролетали в прыжке через кольца, бросали в стену мяч, развинчивали детские пирамидки, преодолевали скамейку, которая заменяла бревно, шли словно по минному полю, передвигая перед собой небольшие картонные полоски, за пределы которых ступать запрещалось, и, наконец, бегали в мешках. Мы смеялись, радовались, волновались. Победа команды зависела от всех и каждого. И, мне думается, вожатые поступали мудро. Все, что они успели пережить вместе за час, так необходимо было для дружбы. А еще для дружбы, как фундамент для

дома, нужна общая позиция, общий взгляд на события и поступки. И, может быть, это главное? Вожатые, как бы советуясь, ненавязчиво, даже незаметно для ребят, высказывали свое мнение о том, что происходило, а потом вместе с ними оценили соревнования целиком и разобрали по косточкам. «Не будем расстраиваться,— подбадривали они команду, которая отставала,— у вас еще все впереди». «Если мы позволим себе ссориться, попрекать друг друга оплошностями, дружбы никогда не получится», «Надо учиться проигрывать с достоинством», «У нас ведь команда: когда все хорошо — все молодцы, если что-то не так — все виноваты», «Ну, вот, итог 39—39, ничья, победила дружба!»

Переодевшись и умывшись, четвероклассники уселись на скамейки, по которым бегали, и сказали: «Не хочется идти никуда, давайте еще посидим, поговорим». И они принялись задавать вожатым вопросы.

Такие вопросы возникают у многих ребят, и в этом разговоре они тоже могут найти разгадку своих сложностей.

«Говорят, подружиться можно в общем деле. Мы уже не одно хорошее дело затевали, а дружбы настоящей нет». «В деле надо научиться понимать друг друга — это главное». «А если кто-то не хочет участвовать?» «Надо выяснить, почему не хочет, и ПОНЯТЬ человека. Не враг же он себе, если всем весело?» «А если все разбились на кучки и тащат класс в разные стороны?» «Нельзя запретить дружить с тем, кто больше по душе и характеру. Разве близкая дружба нескольких ребят может помешать общей дружбе?»

И они рассказывают, как всегда дружили да и сейчас дружат стайкой пять девочек: Наташа Вергуленко, Ира Иванова, Диана Дмитриева, Лена Лошак и Лена Попова. Мальчишки прозвали их «Шиками», потому что они еле заметно шикали, когда звали друг друга на помощь. Даже у доски, неудобно вспоминать, если плохо знали урок и просили подсказать, подавали сигнал шипением. Они никогда не расстаются. Вот и вожатые в двух пионерских отрядах сразу все впятером. Но от их крепкой дружбы отношения всех в классе, в отряде только выигрывали. Они и ко всем были открыты душой.

«Мы» не станет силой, если каждое «я» по отношению к другому «я» не будет терпеливым и доброжелательным.

Так они долго сидели и разговаривали, и, мне кажется, четвероклассники ушли на уроки (они учатся во вторую смену) чуть-чуть дружнее.

НАТАША ВЕРГУЛЕНКО, председатель совета дружины, директор музея «Судьба семьи в судьбе страны», вожатая. «Я счастлива, что у меня были такие замечательные пионерские годы, я рада, что меня окружают друзья, на которых можно положиться в любую беду, я всегда буду гордиться нашим отрядом. Мечтаю, чтобы у моих детей сложился такой же дружный коллектив, где каждому из нас было так хорошо. Я рада, что я сейчас пионерская вожатая. Скажу словами из песни: «...Вожатые, вожатые, прекрасная профессия, романтики, мечтатели, открытые сердца. Профессия чудесная, такая интересная, и ей вожатый верен до конца...» Хорошо, что я могу передать младшим пионерам то, чему научилась сама. Для меня построить настоящую жизнь в отряде представляется таким же делом, как построить город. Каждый должен положить свой камень, свой кирпич, вложить свой вклад».

Как люблю я смотреть на этих ребят, на отряд имени Гули Королевой. Да, они выросли, повзрослели, стали комсомольцами, многие уже получили паспорт, но они остались отрядом и в их сердцах по-прежнему звучит сигнал горна и будет звучать всю жизнь.

Неторопливо, без всякой суеты и лишних разговоров они принимаются за необходимые к встрече дела: накрывают на стол, моют фрукты, ставят самовары. И даже на скорую руку выпускают газету-«минутку» — у них всегда прекрасно получались газеты, это их «конек». Никто никому ничего не указывает, никто ни с кем ни о чем не договаривается — словно невидимая волшебная палочка дирижирует ими. Просто все они давно знают, у кого что лучше получается, и с полувзгляда понимают друг друга. Как в доброй большой семье: у каждого сложились свои привычки, но есть и определенные обязанности. Им хорошо вместе, а мне рядом с ними.

Я слушаю песни и думаю о том, что общие песни — это общая жизнь, пережитое, выстраданное и обретенное, это общая душа, общее понимание жизни.

О чем они поют? Что танцуют? Как говорят?

«Ребята, надо верить в чудеса.
Когда-нибудь весенним утром ранним
Над океаном алые взметнутся паруса
И скрипка пропоет над океаном...»

— А помните, как сорвали урок географии, когда Владик Александров, Валера Левченко и Вова Вострецов стали защищать малышей от Коли Демьяненко? А Наташка Вергуленко, наш председатель, не стала их пробирать за то, что они Кольку стукнули, затянула наши любимые «Алые паруса»...

«Не за огонь люблю костер,
За тесный круг друзей.
На огонек иди, устав,
И знай, что там друзья,
Есть у костров простой устав,
Его запомнил я».

— Ребята, что-то случилось, должно быть, с Ванечкой Тихониным, если он не пришел? Что случилось? Говорят, там в училище одни мальчики учатся, и утверждаются они силой. Может, Ванечка как-нибудь не так утверждался? Надо поехать к нему, узнать, что с ним.

«И в сентябрьский день погожий,
И когда летит февраль
Школа, школа, ты похожа
На корабль, бегущий вдаль...»

— А помните, как мы ездили в Москву? Как встречались с «Пионером», с Тимуром Аркадьевичем Гайдаром, с Юрием Михайловичем Чичковым? Как Дима Майоров с Андрюшей Черновым заблудились и опоздали, когда ехали в Детский музыкальный театр к Наталье Ильиничне Сац, как неожиданно вызвали нас всех на сцену в Театре зверей у Натальи Юрьевны Дуровой?

«Ты да я да мы с тобой,
Здорово, когда на свете есть друзья.
Если б жили все в одиночку,
То давно бы на кусочки
Раскололась бы, наверное, земля...»

— Ребята, как хочется вывести новый сорт цветов и назвать их «Шики».

— Девчонки, что-то вы больно стали воображать, к вам теперь и не подступишься!

— Ну, уж и вы, мальчишки, стали пижонами, то у вас парашют, то репетиция в театре...

— Ребята, а ничего мы поставили узбекский танец? Гуля весь танец держит. И хорошо, что песню ввели в композицию, правда? Пионерам нашим нравится.

«В класс пришли мы просто девочки,
В класс пришли мы просто мальчики,
Сели мы за парты, парты первые свои,
Мы писать учились,
Мы считать учились,
По слогам слагать слова, а из слов — рассказы.
И вот последний раз звенит звонок,
Остановить его нельзя,
А между нами проплывают года, года,
Ну, куда же вы спешите, подождите, подождите,
Подождите нас, пожалуйста, ну, куда же вы, куда?»

Скоро и для них прозвенит последний звонок. Когда я думаю о них, пытаюсь осмыслить действия, их отношения, они представляются мне альпинистами, поднимающимися в гору в одной связке. Только канат невидимый, во всяком случае, для не вооруженного знанием и памятью взгляда. Но и каждый сам по себе молодец, стойко держится и устоит. Хочется верить.

Однажды в школьной столовой подсела ко мне учительница географии Нина Павловна Мельникова, сказала: «Мы с вами учились в первом классе?»

Я почувствовала ее волнение, и у меня задрожали руки. Мне так хотелось найти одноклассников своего военного детства, но столько лет не удавалось. «Мне как-то не вспомнилось раньше,— говорит она,— а вот Роза, Роза Лаврова, вы ее помните?..»

Я пытаюсь и не могу вспомнить. Столько лет прошло. Мы едем к Розе Георгиевне Лавровой, к нашей Розе, в ее 30-ю школу. Она тоже учительница и преподает химию. Мы сидим час, и другой, и третий в ее химическом кабинете и вспоминаем, вспоминаем. Как было страшно за тех, кто на войне. Как жевали вар, чтоб не так хотелось есть. Как копали огороды за городом и какой вкусной казалась картошка.

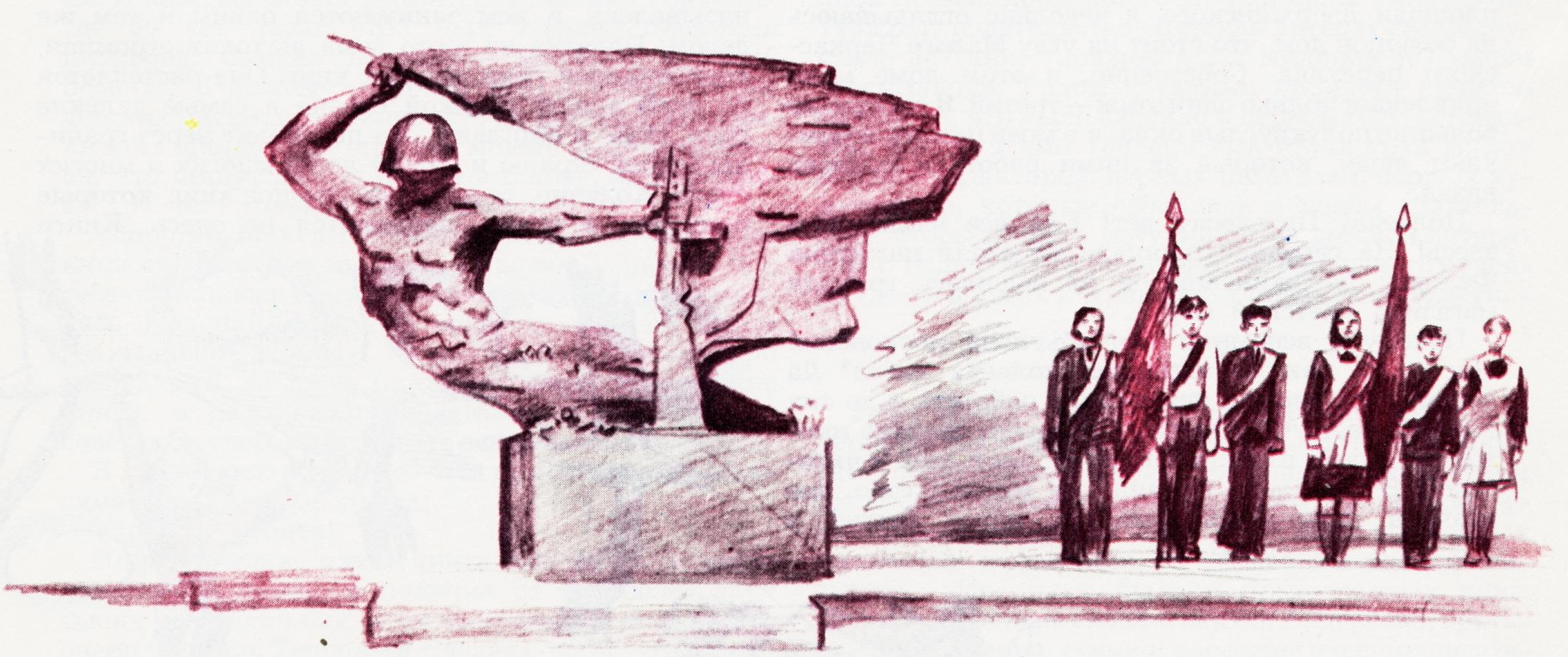
Роза вспоминает, как она, Нина (Нина Павловна), и еще кто-то пугали эвакуированного из Ленинграда мальчика Игоря Лазарева, обещая побить. Он тихий, худенький, друзей у него еще не нашлось на новом месте, и ему, видно, было не по себе, и он убегал от досаждавших ему девчонок. «До сих пор, как вспомню, стыдно,— говорит Роза Георгиевна.— Хорошо, хоть призналась теперь, вроде у Игоря попросила прощения». И мне тоже хочется сказать им, что я всю жизнь помню, как в далеком первом классе обманула учительницу. Не получалась никак у меня задача, и я списала ее у соседа, а сказала, что сделала сама. Все оттого, что боялась задержаться в школе и идти потом домой одна: пурга уже успела свалить меня, замести, и я отморозила пальцы на руках и ногах. Чувствую, что и мне стало легче. Как будто бы я освободилась от чего-то тяжкого, что долгие годы мучило меня.

Почему нам всем так хочется сохранить, найти друзей детства? Может быть, потому, что они помогают нам вернуться в прожитые годы и хотя бы мысленно поправить свои уже непоправимые ошибки? Может, с ними легче сохранить способность совеститься, радоваться и удивляться? И они помнят, что когда-то мы были лучше, не умели притворяться и оставались всегда собою, были искренни и открыты для добра и для людей.

Мы вспоминаем, как нас водили стайкой в баню, и это было праздником в то время, и однажды мы подняли визг, потому что в дверь просунули головы мальчишки. Мы вспоминаем, как мы, первоклашки, разгружали большую машину с углем, по цепочке передавая небольшие ведерки. Мы вспоминаем, как Роза приходила ко мне в гости. Как принято было тогда, ее угощали всем немногим, что оказалось в доме, а она отказывалась, зная, что ни у кого лишнего куска нет.

Мы вспоминаем, и я думаю о том, что искорки тепла, которые мы успеваем заронить друг в друга в детстве, готовы в любую минуту воспламениться, и теплом этого огня человек может согреваться всю свою жизнь.

Может, поэтому так хочется вернуться в Детство?



Лев РАЗГОН

Полвека!

Рисунки А. БОРИСОВА.
Фотографии В. КРУПСКОГО.

Каждый раз, когда мне приходится проходить по площади Дзержинского, я невольно оглядываюсь на большой дом, что стоит на углу Малого Черкасского переулка. Собственно, в этом доме меня привлекает только один этаж — третий. Я смотрю на большие полукруглые окна, и в моей памяти возникают люди, которые за ними работали полвека назад.

Полвека! Пятьдесят лет! Как все изменилось здесь! На середине площади не стоял памятник Феликсу Дзержинскому и не высилась громада магазина «Детский мир»...

Почему я вспомнил этот обычный московский дом и то, как он выглядел полвека назад? Да потому, что тогда в нем начало работать и до сих пор работает учреждение, с которым связано множество судеб: взрослых и детей, писателей и читателей. В этом доме помещается издательство, оно сначала называлось Детиздат, потом Детгиз, а теперь «Детская литература». Но как бы оно ни называлось, в нем занимаются одним и тем же делом. Полвека из этого дома выходит огромная, нескончаемая река детских книг. Она растекается по всей нашей великой стране в самые далекие села, аулы и кишлаки, она переходит через границы нашей страны и радует детей многих и многих стран. Конечно, те сотни миллионов книг, которые приходят к детям, печатаются не здесь. Книги

печатаются в больших типографиях в Москве, в Ленинграде, Калинине, да и в других городах. Но где бы ни печаталась любая книга, она рождается здесь, в этом сером доме. Сюда писатель приносит рукопись своей новой книги; здесь ее читают и обсуждают редакторы; здесь рассматривают и утверждают рисунки к ней; тут внимательные корректоры следят, чтобы в книге не было ошибок; здесь художественные и технические редакторы делают макет будущей книги. А потом этот макет отправляют в типографию, и в скором времени он превратится в сотни тысяч экземпляров книги, радующей глаз яркостью цветных и черных рисунков, красивым шрифтом, броскостью переплета.

* * *

Когда же и как все это началось? Вспоминается лето 1933 года — пятьдесят лет назад. В «Пионерской правде» на первой странице огромный заголовок: «Письмо Максима Горького пионерам!»

«Я обращаюсь к вам от газеты «Пионерская правда» и лично от себя. Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: что вы читаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?

Последний вопрос поймите так: что именно вы особенно хотели бы знать, какие вопросы интересуют вас. Отвечайте просто, искренно, ничего не выдумывая, не притворяясь умнее, чем вы есть на самом деле. Вы и так достаточно умненькие.

Письма посылайте в редакцию «Пионерская правда», а кто хочет — пусть посылает мне, по адресу: «Москва, Малая Никитская, 6».

Мы соберем все ваши письма, прочитаем их и будем знать, что и как надобно делать, какие и о чем написать новые книжки, какие старые снова напечатать. Привет!

М. Горький».

Прошло совсем немного времени. И вот уже 13 июля на первой странице «Пионерской правды» новый заголовок на всю газетную страницу: «Отвечаем Максиму Горькому!» Десятки писем читателей пионерской газеты. А еще больше писем из далеких и близких уголков страны шли к самому писателю, ему домой, на Малую Никитскую.

Теперь эта улица называется улицей Качалова. А дом, где жил Горький, превращен в музей. Там все осталось так, как было при жизни великого писателя. И каждый может заглянуть в кабинет Горького, где 50 лет назад стол был завален письмами пионеров. Самуил Яковлевич Маршак, который помогал Горькому разбираться в этом потоке детских писем, вспоминал, что по листкам, вырванным из школьных тетрадей, можно было догадаться, что пишут ребята прямо в школе, на переменке... И чего только там не писалось!

«Дорогой Максим Горький! Я люблю смешные книжки! Мне восемь лет», «Максим Горький! Я к тебе обращаюсь с таким вопросом: как организовалась Красная Армия и как боролась во время гражданской войны»; «Очень люблю книжки про зверей»; «Я, Андреев Анатолий, хочу читать такие книги: о дальних путешествиях и экспедициях советских ученых, о разных зверях и животных...»

В «Пионерской правде» был помещен ответ Максима Горького. Он писал:

«Дорогие ребята!

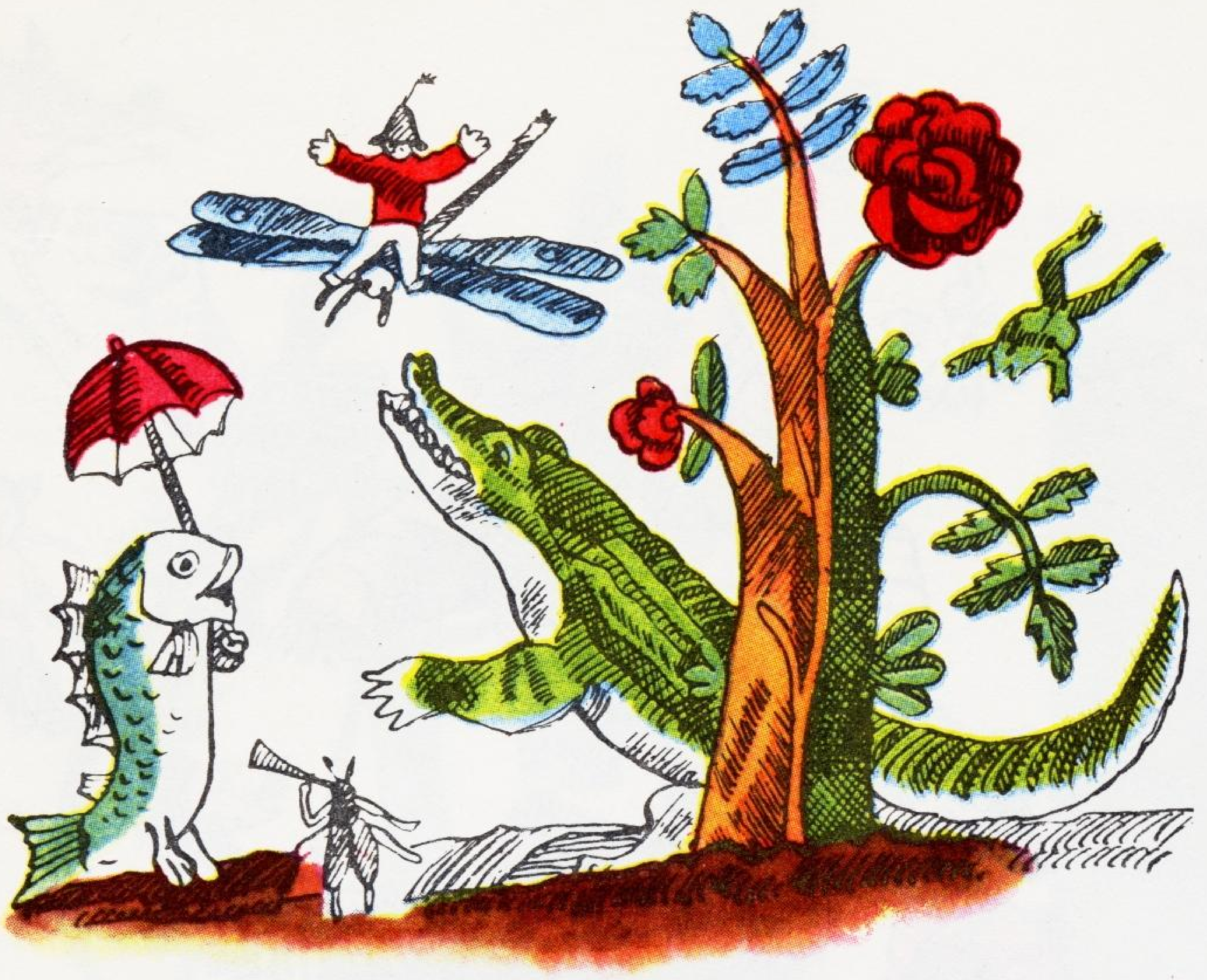
На мой вопрос: какие книги читаете вы и какие хотели бы читать, я получил от вас более двух тысяч единоличных и коллективных писем. Это очень хорошо. Теперь «Детиздат» знает, что нужно ему делать, и, наверное, вы скоро получите интересные книги».

Вот кто был организатором и главным наставником первого в нашей стране да и, наверное, во всем мире издательства книг для детей. До самой своей смерти Горький заботливо и неустанно вникал во всю жизнь, которая начинала разгораться на третьем этаже старого московского дома. Он сам составил большой перечень тем, на которые должны быть написаны детские книги; он внимательнейшим образом рассматривал первые планы молодого издательства и делал к ним свои замечания; он не переставал обращаться к известным писателям, к выдающимся ученым с предложением писать для детей. Горькому писало много молодых, только что начинающих писателей, они посылали ему рукописи своих первых произведений. И когда Горький замечал в этих произведениях приметы подлинного детского писателя, он не жалел никаких усилий, чтобы привлечь к детской литературе нового талантливого человека.

Алексей Максимович не обманывал советских детей, когда писал им, что они скоро получат интересные книги. Уже в первый год своей жизни Детиздат выпустил 168 книг тиражом в 7 миллионов экземпляров. Много это или мало? В прошлом, 1982 году издательство «Детская литература» выпустило 567 книг тиражом в 221 миллион 807 тысяч экземпляров. Рядом с такими цифрами кажется малым то, что было сделано в первом году Детиздатом. Но за этими 168 книгами стоял труд самых первых редакторов, первых писателей, первых художников, которые собрались в новом издательстве, чтобы создать могучий поток детской литературы. Ведь и Волга начинается с маленького ручейка где-то в лесах и болотах Калининской области...

* * *

Было время — давно, до революции, — когда для детей состоятельных родителей выпускались дорогие «подарочные» книги: толстые, с множеством рисунков, с красивым, блещущим золотом переплетом. Много среди них было повестей о примерных мальчиках и девочках, их сейчас смешно перечитывать... Но много было и превосходных книг: русские народные сказки, сказки Андерсена, братьев Гримм, Перро, стихи и рассказы русских писате-



На этом снимке (слева направо) — К. Ф. Пискунов — директор издательства «Детская литература», С. В. Михалков, В. Г. Компанеец — главный редактор издательства, П. И. Суворов — художественный редактор. 1963 год.

лей и поэтов. Да вот беда: книги эти были дорогими, выпускались небольшими тиражами, они были доступны немногим.

Детиздат стал выпускать книги с такими же красивыми рисунками, с тем же золотым, тисненым переплетом. Только теперь они выходили сотнями тысяч экземпляров, они были доступны всем, потому что в нашей стране детские книги были и сейчас остаются самыми дешевыми из всех книг. И стало выходить для детей все, что писали для них великие русские писатели: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Лев Толстой, Аксаков, Чехов, Горький... Они выходили тоненькими книжечками и толстыми однотомниками с предисловиями и пояснениями лучших литературоведов страны.

И тогда стали выходить для детей серии тех книжек, какие сейчас можно увидеть в каждой детской библиотеке, почти в каждом доме: «Мои первые книжки», «Книжка за книжкой», «Золотая библиотека», «Умей делать сам», «Школьная библиотека», «Библиотека приключений и фантастики»...

* * *

Ну, а все же самым главным в жизни нового детского издательства было создание для детей новых книг. И по призыву Горького, по велению своего писательского сердца в Детиздат приходили, приезжали из других городов все те, чьи фамилии сейчас стали так знакомы, так близки многим поколениям советских детей.

Ах, какая же интересная, полнокровная жизнь кипела в комнатах и узком коридоре на третьем этаже дома, выходившего своими окнами на площадь Дзержинского! Тогда были живыми, веселыми и бодрыми все те, чьи лица мы сейчас видим только на памятниках или портретах. Как ледокол во льдинах, прокладывал себе дорогу в коридоре грузный, широкоплечий Алексей Николаевич Толстой. Он принес в издательство свою сказку «Золотой ключик» о Буратино, он много часов сидит с редактором, подготавливая для детей свой знаменитый роман «Петр Первый». Он, веселый, похохатывающий, еще не скоро превратится в тот бронзовый памятник, который поставлен в сквере перед домом, где он жил. Совсем рядом с домом, где Максим Горький составил первые планы детского издательства...

Запыхавшись, с огромным, разбухшим от бумаг портфелем, пробирается всегда озабоченный Самуил Яковлевич Маршак. Застенчиво улыбаясь, здороваясь с друзьями, идет приехавший из Киева Лев Квитко. Ну, а самым заметным человеком был высокий, на целую голову выше других, почти всегда улыбающийся Корней Иванович Чуковский. Его звонкий, всегда молодой голос, читающий стихи, раздается из какой-нибудь редакционной комнаты, и люди останавливаются послушать эти веселые, еще не знакомые никому строки. Это потом они станут известны всем детям нашей страны...

И в тесной комнате редакции, где всегда не хватает стульев и часто гости сидят на столах, можно увидеть Константина Паустовского, Рувима Фраермана, Агнию Барто, Бориса Житкова...

В Детиздате еще очень мало комнат, жизнь из них выплескивается в коридор, где продолжается обсуждение стихов, сказок, рассказов.

Высокий, красивый, двадцатилетний юноша, собрав около себя несколько редакторов, читает им стихи:

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин,
По прозванью «Каланча»,
По фамилии Степанов,
А по имени Степан...

В этом номере «Пионерской правды» опубликованы ответы детей на обращение Максима Горького.

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

ОТВЕЧАЕМ Максиму Горькому

О ТЕХНИКЕ И О ПРИРОДЕ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Здравствуйте, тов. Горький!

ЖДУ КНИГ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ

Я предлагаю

Стихи всем очень нравятся. Ни слушатели, ни сам Сергей Михалков еще не знают, сколько стихов, басен, пьес, киносценариев, статей будет им написано. И не знает еще ни он и никто другой, что через десятки лет знаменитый писатель и общественный деятель Сергей Владимирович Михалков как бы примет горьковскую эстафету и станет главным заботливым наставником в детской литературе.

* * *

Здесь спорят о том, интересно ли будет для детей, понятно ли им будет написанное; тут иногда спорят о каждой фразе и об одном слове в новой книге. Худенький, задиристый писатель и редактор Михаил Гершензон нападает на плотного, высокого, улыбчивого Аркадия Гайдара. А их старается примирить редактор журнала «Пионер» писатель Беньямин Ивантер. Если со стороны посмотреть, то может показаться, что эти люди ссорятся. А они — друзья, для которых делание книг для детей

не только профессия, но и счастье. Это — их общая жизнь. И ждет их общее героическое будущее. Меньше чем через десять лет на Украине, под Леплявой, прикрывая друзей, погибает в бою с фашистами Аркадий Гайдар. И под Москвой, подымая роту в атаку, падает смертью храбрых Михаил Гершензон... В жестоких боях лета 1942 года погибает политработник Беньямин Ивантер...

22 июня 1941 года — день, когда фашистская Германия напала на нашу страну, — рубежная дата для всего советского народа. Защита социалистического Отечества стала главным делом всех советских людей.

Тихо стало в большом сером доме. Большинство тех, кто здесь работал, кто приносил свои новые книги, — на обширных, от моря до моря фронтах Великой Отечественной войны. Часть издательства в эвакуации и в глубине страны налаживает выпуск книг для детей: жизнь продолжается, дети ходят в школы, детям нужны книги... Закрылось в Москве много типографий, на строгом учете каждый лист бумаги — ее стало так мало. Ну, а все же продолжается жизнь детского издательства. И днем, и поздними ночами, когда окна дома затянуты плотными шторами светомаскировки и ни один луч света не пробивается из-за них. А там, за этими шторами, работают.

Маленький коллектив редакторов во главе с Борисом Камиром продолжает выпускать книги. Только это уже не сказки, не стихи о весне, о зимних удовольствиях. Теперь тут выпускают книги, которые нужны старшим школьникам — ведь очень скоро они станут солдатами. И книга за книгой выходит «Военная библиотека школьника». И в ней книжки о том, как научиться метко стрелять, как ориентироваться на местности, как тушить зажигательные бомбы, как обращаться с противогазом...

И от писателей, находящихся далеко от Москвы, стали поступать первые рукописи о войне. А в 1943 году выходят книги К. Федина «Мальчики», В. Каверина «Орлиный залет». Еще в полном разгаре ожесточенные битвы на всех фронтах, а уже выходят книги А. Первенцева о детях на фронте, Р. Фраермана «Подвиг в майскую ночь», Л. Плескачевского «Партизанскими тропами»...

Эти книги печатались на серой, ломкой бумаге, в бумажных обложках, они были бойцами, давали уроки мужества, учили борьбе с врагом, они доходили до ребят в далеком тылу и до тех, кто дрался на фронте, партизанил в глухих лесах Белоруссии и Брянщины.

И вот он наступил, День Победы! День возвращения нашего народа к мирной жизни. Еще тихо в коридорах детского издательства, еще наполовину пусты редакционные комнаты. Как много недосчитывалось писателей, художников, редакторов, печатников! Их фамилии на мраморных, на памятных досках в Доме литераторов, Доме художников, в издательстве, в типографиях.

Но к своему родному дому, родному издательству стали возвращаться те, кто остался жив. Пришли солдаты и офицеры, чтобы снова стать редакторами детских книг. Пришел израненный артиллерист,

Скромные книжки военных лет.

всю войну провоевавший сержантом, Иосиф Прусаков — он и сейчас работает в издательстве «Детская литература», заведует исторической редакцией. Пришел майор Василий Компанией — после войны он много лет будет главным редактором издательства. И вернется из военного лазарета, оправившийся после тяжелых ранений, минометчик Константин Федотович Пискунов. С первых дней Детиздата запомнился мне этот худенький молодой редактор. Вся его жизнь, сразу же после школьной скамьи, была отдана детской книге. Он стал редактором еще задолго до того, как возник Детиздат. В новом детском издательстве Константин Пискунов редактировал книги для малышей. А после войны целых 26 лет Константин Федотович Пискунов был директором издательства «Детская литература», при нем оно стало одним из самых крупных издательств нашей страны, самым большим издательством детской литературы в мире. Это он и другие редакторы-фронтовики, а затем и новые молодые редакторы начали выпускать первые послевоенные книги для детей.

Они были написаны писателями, еще не остывшими от пламени войны, в этих книгах горе и героизм военных лет пропитывали каждую страницу. Валентин Катаев — «Сын полка», Валентина Осеева — «Васек Трубачев и его товарищи», Лев Кассиль и Макс Поляновский — «Улица младшего сына», Алексей Мусатов — «Стожары». До сих пор эти и многие другие прекрасные книги о подвигах советского народа в великой войне с фашистами переиздаются из года в год, они не застаиваются на библиотечных полках и приобщают к народному подвигу мальчиков и девочек, чьи отцы и матери родились уже после войны...

И подошел 1983 год — год, когда исполняется полвека издательству «Детская литература». Давайте оглянемся назад, это стоит сделать! За эти полвека оно выпустило 25 тысяч книг тиражом в 5,4 миллиарда экземпляров. Почти пять с половиной миллиардов книг! Представим себе это количество! Оно поражает наше воображение... Эти миллиарды разошлись по сотням тысяч детских библиотек, они осели в школах, интернатах, детских домах, легли на полочки домов в городах, поселках, деревнях, кишлаках, аулах...

Но не в количестве только дело. А в том, из каких же книг составились эти миллиарды. Это были прежде всего книги великих русских, советских, мировых писателей. Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов... Вальтер Скотт, Даниэль Дефо, Чарльз Диккенс, Виктор Гюго, Александр Дюма, Фенимор Купер, Майн Рид, Жюль Верн... Максим Горький, Михаил Шолохов, Александр Твардовский, Константин Федин... И рядом с ними книги украинцев Тараса Шевченко и Ивана Франко, армянина Аванеса Туманяна, таджика Айни, латыша Райниса.

Ушло из жизни целое поколение замечательных писателей, но их книги по-прежнему живы, они всегда захватывающе новы и интересны для тех мальчиков и девочек, что берут их в руки. Корней Чуковский, Самуил Маршак, Лев Кассиль, Агния Барто, Лев Квитко, Алексей Мусатов, Александра Бруштейн, Рувим Фраерман, Виталий Бианки, Борис Житков, Любовь Воронкова...

Наверное, нет в нашей стране человека, который бы в свои школьные годы не читал книги этих писателей.

И еще один отряд детских писателей обязательно следует назвать. Это писатели, которые в наших братских республиках пишут на своих родных языках. Но книги киргиза Бейшеналиева читают

эстонские дети, а повести и сказки эстонского писателя Эно Рауда можно найти во всех детских библиотеках Киргизии. Потому что в нашей огромной многонациональной стране есть язык, который понятен в равной степени и киргизским и эстонским детям, — русский язык!

Когда пятьдесят лет назад Максим Горький составлял для нового детского издательства список тем для книг, он очень большое внимание уделил книгам о Ленине и революции, об истории народов мира и нашего народа, о науке и технике, о природе и ее защите. И верные горьковским заветам полвека создавались и продолжают создаваться книги на эти темы. Выходит большое десятитомное издание «Жизнь Ленина». Там собрано все, что в стихах и прозе написано о Владимире Ильиче Ленине советскими писателями, писателями мира. В этом юбилейном году выйдет уже пятый том.

Конечно, одна из главных тем издательства, которое называется «Детская литература», — это жизнь Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Недаром детские писатели так часто бывают в пионерских дружинах и отрядах, в пионерских лагерях. В своих книгах они стремятся показать не только внешнюю, парадную сторону пионерской организации, но и внутреннюю, душевную и духовную жизнь пионеров: их взаимо-

отношения друг с другом, множество сложных вопросов жизни детей в семье, в школе.

Нет такой науки, о которой талантливый писатель не смог бы написать весело и интересно. И кто из вас не увлекался книгами о необыкновенных приключениях в стране математики, книгами о чудесах современной техники, о природе и необходимости ее защищать. За те пятьдесят лет, что прошли с тех пор, как Максим Горький составлял списки тем книг о науке, в ней произошли величайшие изменения.

И теперешний читатель хочет читать о том, чего и не знали дети полвека назад: о космических полетах, о раскрытых тайнах мироздания, устройства живых организмов — от мельчайших до человека. И выходят книги о новых, на наших глазах возникших науках: кибернетике, электронике, бионике...

Как бы ни была нова книга, впервые появившаяся в свет, многие читатели узнают в ней героев и события, о которых они уже читали. Как же это так? А происходит это потому, что многие произведения — и среди них самые известные, — прежде чем стать книгой, печатались в журналах: «Пионер», «Костер», «Юность», «Новый мир»...

А обратили ли вы внимание, что в конце каждой книги, вышедшей в издательстве «Детская литература», есть обращение к читателям? «Отзыв об этой книге просим присылать по адресу: Москва, ул. Горького, 43, Дом детской книги». Этот Дом был создан при издательстве в 1950 году. Весь первый этаж огромного дома занят залами и кабинетами этого удивительного учреждения. В одних комнатах читают письма — их приходит в год около 35 тысяч. Эти письма пересылаются писателям и редакторам, на них шлют ответы, они прочными нитями соединяют писателей и издательство со своими читателями. А кроме того, в Доме детской книги часто собираются писатели, библиотекари, педагоги, чтобы совместно обсудить самые важные вопросы развития детской литературы; есть там огромная научная библиотека, где работают критики и исследователи детской литературы; есть читальные залы для школьников, где можно получить и прочитать любую детскую книгу, книгу, только что появившуюся из печати.

И есть еще один зал, куда часто приходят — экскурсиями или в одиночку школьники — и москвичи, и приехавшие из других городов. В этом зале размещена постоянная выставка детских книг. Конечно, не все детские книги, выходящие в нашей стране даже в одном издательстве, могут разместиться в этом зале. Выставка постоянно обновляется, чтобы можно было на ней увидеть — да и не просто увидеть, а взять в руки, разглядеть — все новое, все интересное, что печатается для детей.

Но есть на этой выставке один раздел, в котором книги не меняются. И он не блещет яркими красками, лакированным переплетом, целлофановым супером — всеми новинками и ухищрениями современной типографской техники. Обложки их более тусклые, бумага не такая белая, цветных рисунков меньше... Но с уважением и интересом рассматриваем мы их — это первые книги Детиздата. Это книги, которые держали в своих руках и рассматривали авторы — Гайдар, Паустовский, Житков, Маршак, Чуковский... И среди этих книг есть и те — тоненькие, в серых обложках, — которые выходили в дни войны. И между этими книгами — фотографии тех писателей и редакторов, которые полвека назад создавали детское издательство. Когда-нибудь из этого раздела, наверное, разовьется Музей детской книги. Можно только догадываться, каким большим, ярким, веселым, захватывающе интересным будет такой музей. Но если он будет создан, то заслуженно почетное место в нем займет издательство, возникшее полвека назад и гордо называющееся «Детская литература».

Марина БОРОДИЦКАЯ

Первое сентября

Обернуты книги,
Готовы закладки,
Бумагою гладкой
Сияют тетрадки.

В них будут отныне
Писать аккуратно:
Прощайте навеки,
Помарки и пятна!

Простой карандаш,
Карандаш красно-синий
И три запасных —
Так и будет отныне.

Взамен деревянной
Линейки невзрачной
Вчера еще куплен
Угольник прозрачный.

Вот новенький ранец
С защелкой тугою:
Его никогда
Не ударят ногою,

На нем ни за что
Не прокатятся с горки,
В нем станут селиться
Сплошные пятерки!

А утро начнется
С холодного душа;
На завтрак завернута
Желтая груша.

И вкус ее сладок,
И вид ее ярок,
Как свет новой жизни —
Без клякс и помарок!

* * *

С мудреной задачкой управясь,
Наморщив старательно лбы,
Девчонки рисуют красавиц,
Мальчишки рисуют гербы.

Девчонки рисуют вуали
И платья как можно длинней;
Мальчишки рисуют дуэли
И бег тонконогих коней...

Из тусклых обложек тетрадных
Верхом унесется душа
В страну облачений парадных,
Где можно играть не спеша,

Где вдоволь и блеска, и риска,
И брезжит счастливый конец...
Летит над рядами записка.
Торопится тайный гонец.

Вечер

Как быстро сумерки пришли!
Во всех квартирах свет зажгли,

И разноцветные квадраты
Легли на снег сиреневатый.

Хожу с квадрата на квадрат,
Из света в свет, за рядом ряд.

На черточки не наступаю,
Из дома в дом переступаю:

Я обхожу микрорайон,
Как доктор или почтальон...

Нет! Я гроссмейстер над доскою!
Скачу конем! Скольжу ладьею!

...Никак домой не попаду.
Ключи посеял. Маму жду.

Юрий КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЕГКАЯ ЛОДКА В МИРЕ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Рисунки автора.

Предисловие к рисункам

На протяжении всей истории, о которой рассказывается в повести, автор вел дневник. А в дневнике он не только записывал, но иногда и зарисовывал, что видел.

Вот эти самые рисунки из дневника и предлагаются читателю взамен иллюстраций. Вместе с ними автор приносит читателю и свои извинения. Ну, во-первых, на некоторых рисунках сбоку видны дырочки. Это дырочки дневникового происхождения. В эти самые дырочки как раз всовывается шнурок, связывающий весь дневник воедино.

Во-вторых, некоторые рисунки сильно подмочены, то есть они побывали в воде Илистого озера, омывались чаем и дождями.

И, в-третьих, самое главное: если внимательно просмотреть все рисунки от конца до начала, то ясно увидишь, что их нарисовали вроде бы две руки. Одна рука рисовала спокойно и неторопливо, другая же дергалась, прыгала и рисовала все сикось-накось.

К удивлению автора, все это нарисовала его правая рука. Вот за эту самую руку, которая раздваивалась и вела себя порой капризно и своенравно, автор и приносит извинения.

Автор

* Журнальный вариант.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Морской волк

С детства я мечтал иметь тельняшку и зуб золотой.

Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блестел, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и думали: «Это морской волк».

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он не был ударник труда. Он был ударник-барабанщик. Он играл на барабане в кинотеатре «Ударник».

Витя Котелок отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника. Я расстегивал воротник, как только выходил на улицу.

По вечерам ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Сумерки опускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой, и в бронзовых красках заката я видел вечное движение волн.

Распахнув пошире воротник, я бродил по Дровяному переулку. Порывы ветра касались моего лица, я чувствовал запах водорослей и соли.

Море было всюду, но главное — оно было в небе, и ни дома, ни деревья не могли закрыть его простора и глубины.

В тот день, когда я пришил к майке треугольный кусок тельняшки, я раз и навсегда почувствовал себя морским волком.

Но, пожалуй, я был волком, который засиделся на берегу. Как волк, я должен был бороздить океаны, а вместо этого плавал по городу на трамвае, нырял в метро.

Редко приходилось мне мореходствовать. Как-то две недели проболтался в Финском заливе на посудине, которая называется «сетеподъемник», обошел Ладожское озеро на барже с диким названием «Луза».

Каждый год собирался я в далекое плавание, но не мог найти подходящее судно. Покупать яхту было дороговато, строить плот — громоздко.

— Да купи ты резиновую лодку,— советовал старый друг художник Орлов.

— Мне нужно судно, а не надувное корыто. К тому же хочется придумать что-то свое, необычное.

— Придумай корабль из пустых бутылок,— предлагал Орлов.— В каждую бутылку — по записке на случай крушения — и плыви!

Целый вечер сидели мы у Орлова в мастерской и составляли в уме корабли и лодки из разных материалов — птичьих перьев, разбитых гитар и даже членских билетов спортивного общества «Белая лебедь».

И вдруг мне пришла в голову некоторая мысль. Я вздрогнул, сжал зубы, но мысль все-таки легко выскочила наружу:

— Я построю лодку самую легкую в мире.

— Самую легкую? В мире? А сколько она будет весить?

— Полтора-два кило... не знаю. Хочется поднимать ее одной левой.

— Без бамбука тут не обойтись,— сказал Орлов, задумчиво пошевеливая бородой.— Тут нужен бамбук, самый легкий материал.

— Куплю десятка два удочек.

— Удочки — это несерьезно. Прутики. Нужны бамбуковые бревна.

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Каждый вечер разыгрывалась в переулках метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал, расспрашивал знакомых. Мне советовали купить удочку, ехать в Сухуми, писать письмо в Японию. Некоторый наш знакомый Петюшка Собаковский подарил коготь бамбукового медведя.

Постепенно разошелся по Москве слух, что есть на свете человек, ищущий бамбук. Неизвестные лица, большей частью с Птичьего рынка, звонили мне:

— Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по адресам — чаще в сторону Таганки, но всюду находил удочки или лыжные палки. Кресла, этажерки, веера.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» художник Орлов.

— Ты знаешь,— сказал он как-то,— на Сретенке живет милиционер Шура. Говорят, он видел бамбук.

— Какой еще милиционер Шура?

— Не знаю, какой-то милиционер Шура, художник.

— Что за Шура? Кто он? Художник или милиционер?

— Сам не пойму,— сказал Орлов.— Петюшка Собаковский рассказал, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура. Он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что нужно.

Несколько дней через некоторого нашего знакомого Петюшку мы договаривались с Шурой. Наконец Петюшка сообщил, что милиционер Шура, художник, будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

Глава II

Бамбук или граммофон?

К ночи разыгралась метель.

Подняв воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Орловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто: мороз разогнал прохожих по домам. Иногда проезжали троллейбусы, совершенно замороженные изнутри. На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в служебных валенках.

— Не знаю, как с ним разговаривать,— шепнул я Орлову,— как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

— Это вы ищете бамбук?

— Да.

— Следуйте за мной,— сказал милиционер и направил свои валенки в переулок. Он шагал быстро, рассекая метель, взрывая сугробы.

Скоро он свернул в низкорослую подворотню, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной каморке. На столе стояли электрическая плитка и неожиданный старинный граммофон. На стене висела картонка, на которой был нарисован тот же самый граммофон. Признаков близкого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер, не снимая шапки, включил плитку, поставил чайник.

— Это моя мастерская,— строго сказал он.

— Мало метров,— живо откликнулся Орлов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы.

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. Стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком не пахло.

Меж тем милиционер все больше превращался в художника. Он уже снял шапку и размахивал руками, как это делают живописцы. Орлов хвалил этюды, а я маялся, вопрос «где бамбук?» крутился у меня в голове.

— Ты что молчишь?— сердито шепнул Орлов.— Хочешь бамбук— хвали этюды.

— Отличные этюды,— сказал я,— сочные— вот что ценно. Но где же, кстати, бамбук?

— А зачем вам бамбук?— спросил милиционер-художник, слегка превращаясь в милиционера.— Для каких целей вам нужен бамбук?

Орлов объяснил, в чем дело, и не забыл похвалить этюды, напирая на их сочность. Милиционер-художник-любитель немного смягчился.

— Да бросьте вы, ребята, этот бамбук,— неожиданно сказал он.— Хотите, я вам граммофон отдам?

Я растерянно поглядел на Орлова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось иметь граммофон. Я перевел взгляд на

Здесь, в Серебряническом переулке, была мастерская художника Орлова.

милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

— Погодите!— сказал я.— Какой еще граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать.

— Да на улицу выходить неохота,— признался милиционер-художник.— Надоела эта метель, совсем замерз на посту. А там еще в подвал лезть. Лучше бы посидели, о живописи поговорили... Ну ладно, раз обещал— покажу. А граммофон сам починять буду.

Глава III

Провал

За полночь метель разыгралась всерьез. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками.

Я замерз, но веселился про себя, мне казалось смешным ночью, в метель идти по Москве за бамбуком. Орлов отставал. Кажется, его тормозил оставшийся сзади граммофон.

— Я не уверен, что это бамбук,— говорил милиционер-художник.— Торчит из подвала что-то, какие-то деревянные трубы.

— Вот видишь,— сердито шептал Орлов,— надо было брать граммофон.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трехэтажному дому. Окна его были темны, а стекла выбиты, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнезда.

— Дом скоро снесут,— сказал Шура.— Жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен коричневый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Орлов шагнул вперед и остановился.

— Это не подвал, а провал,— ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, которую заполнила гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда,— трубы, покрытые столетней пылью.

— Нужен крюк,— сказал Орлов.— Или загогулина. Дотянемся до трубы и вытащим ее наружу.

— Да зачем загогулина?— нетерпеливо сказал я.— Держи меня за хлястик, а милиционер пусть фонариком светит.

Орлов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперед руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя все вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сантиметра два, хлястик неминуемо лопнул, и я полетел в тартарары.

Ударившись коленями о груду щебня, я повалился на бок. Какие-то кривые кроватные спинки, углы корыт, гнилые батареи центрального отопления окружали меня.

Под светом фонаря я забрался на груду щебня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я не мог, но труба оказалась легкая и неожиданно длинная. Я направил конец ее в пролом, и Орлов с милиционером вытащили трубу наружу.

Я остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подает какие-то совершен-

но небамбуковые команды, вроде «заноси левее», «ложи ее под фонарь» и т. д.

Наконец свет фонарика снова ослепил меня, и я услышал голос:

— Ну, брат, граммофона нам не видать. Это бамбук!

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне пропыленного подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые бревна. Я даже представить себе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощупывал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Орлов вытаскивал бревна на улицу, а милиционер-художник освещал все это фонариком. Надо сказать, что в эти минуты он как-то стушевался и не смог сразу сообразить, как ему поступать в данной ситуации: как милиционеру или как художнику,— поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять бревен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

— Хватит.

— Почему? Мало на лодку.

— На самую легкую в мире хватит.

При свете уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук.

Орлов воткнул бревна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, оранжевые и коричневые, блестели они, будто покрытые лаком.

— Увязывайте и пакуйте,— сказал Шура-милиционер,— а в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шурину руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Орлов даже обнял милиционера и сказал:

— Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Орловым. Я обнял Шуру с другой стороны:

— Не слушай его, будь милиционером.

— Я и сам не знаю, как тут быть,— признавался милиционер-художник, притопывая валенками.— Душа разрывается. И то и другое — дело нужное.

— Надо избрать что-то одно,— сказал Орлов.— И дуть в эту дудку. А то душа разорвется.

— У меня душа крепкая,— объяснял Шура.— Ее так просто не разорвать.

— Дуй в две дудки,— уговаривал я его.— Это душу укрепляет.

Так обнимались мы под метелью, и, когда обнялись окончательно и Шура скрылся за углом, Орлов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, проржавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ
Т-во Чайная торговля
В. ВЫСОЦКИЙ и К°
Москва

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

— Ты знаешь, чего я думаю,— сказал Орлов,— я думаю, что в этих бревнах раньше перевозили чай. Насыпали внутрь сухого чаю и перевозили вот на таких лодках, которые назывались «чайный клипер».

Орлов осторожно понюхал бревно.

— Пахнет чаем.

— Видимо, в этом подвале были чайные склады купца Высоцкого,— рассуждал я.— Вместе с чаем он привез и бамбук. Хотел, наверно, построить бамбуковый домик, чтоб чай в нем пить.

— Бамбук применялся для упаковки,— спорил со мной Орлов.— Этими бревнами обшивали тюки с чаем. Они работали как спасательный пояс, чтоб чай не утонул, если корабль перевернется.

Глава IV

Идея зарастает мохом

Мне хотелось начать строительство лодки немедленно.

Несколько дней бродил я вокруг бамбука, чистил бревна, гладил их, измерял. В тельняшке, с топором в руках парил я над бамбуком, примеривался, прицеливался.

Прошла неделя. Бамбук по-прежнему лежал у Орлова в мастерской. Посетители спотыкались о него, восхищались таким толстым, невиданным бамбуком. Орлов гордился, расхваливал бамбук и мою идею.

Прошел месяц, и настроение Орлова переменилось.

— Здесь не чайный склад купца Высоцкого,— шутил он.— Пора превратить бамбук в лодку.

За месяц Орлов совершенно излечился от «бамбуковой болезни». Он подхватил где-то «керосиновую болезнь» — стал собирать керосиновые лампы и в короткий срок набрал столько ламп, что их некуда было ставить.

А я не знал, с чего начать, и, главное, не представлял себе, какой должна быть самая легкая лодка в мире. Я рисовал бамбуковые проекты, а ночами снились мне бамбуковые корабли.

— Тебе, наверно, мешает бамбук? — заискивая, спрашивал я Орлова.

Орлов молчал.
— Ну, хочешь, я увезу бамбук домой?
Помалкивал Орлов, помалкивал.
— А что? Возьмем за пятерку самосвал и отвезем на квартиру.
— Для этого надо иметь квартиру,—отвечал наконец Орлов.
Квартиры у меня не было. Была комната, которую я снимал у опасного человека по имени Петрович. Этот Петрович запросто мог в сердцах растоптать бамбук, а то и продать соседу, возводящему голубятню.
Да, так получилось, что, прежде чем иметь лодку, я должен был заиметь квартиру, в которой мог бы хранить строительный материал. Меня всегда поражало, как в жизни все связано между собой:
Лодка—
бамбук—
милиционер-художник—
керосиновые лампы—
Петрович—
квартира.
Казалось бы, нет в этом никакой связи, а в голове моей все это связалось, переплелось, запуталось морским узлом.
Случайно, совершенно случайно наткнулся я на фотографию в журнале «Рыбоводство». На ней изображена была лодка, легкая, очень легкая на вид. В лодке сидел человек с подлещиком в руке. Под фотографией была и подпись:
«Известный писатель-путешественник любит порыбачить и поразводить рыбу в свободное от литературы время. Хорошо отдыхать на водоемах Подмосковья».
В справочном бюро я узнал телефон, позвонил и, путаясь, извиняясь, объяснил, в чем дело.
— Ладно,—сказал писатель-путешественник,—заходи завтра ко мне. Покажу лодку.

Глава V

Писатель-путешественник

В подъезде дома, где жил писатель-путешественник, меня остановила женщина, которую хотелось назвать теткой. Она сидела у лифта в полуразвалившемся кресле, из которого торчали хвосты мочалок, и читала роман Толстого «Война и мир».
— Куда?—спросила она.
— К писателю.
— Здесь все писатели.
— Как это?
— А так—полон дом. Ты к кому?
Я ответил и, пораженный, не решился ехать на лифте. Целый дом писателей я встретить никак не ожидал и даже представить себе не мог, что такие дома на свете существуют.
Добравшись до квартиры писателя-путешественника, я хотел было позвонить, как вдруг увидел табличку:

Звонить воспрещается!
За нарушение—смертная казнь!

Я потоптался у двери, не зная, что делать. На всякий случай звонить не стал, а легонько поскребся в дверь. За дверью в общем-то было тихо, только кто-то поскреб ее с той стороны.
Вдруг распахнулась дверь, и я оказался лицом к лицу с огромной собакой без хвоста. Она глядела на меня тяжелым, изучающим взглядом.
— Чанг, кто там?—послышался голос.—Если Гусаков,—загрызи его, а если тот тип, что звонил насчет лодки, пускай войдет.
Чанг посмотрел мне в глаза, сообразил, что я не Гусаков, и вильнул обрубком хвоста в сторону комнаты.
Я вошел и увидел писателя-путешественника. Он сидел на полу, на медвежьей шкуре, и курил кривую трубку. По левую руку от него на шкуре росомахи стоял радиоприемник «телефункен». По правую, на шкуре волка, красный телефон.
Прямо под потолком висела настоящая длинная лодка, по виду напоминающая эскимосский каяк. Я видел ее боевое дно, исцарапанное, покрытое шрамами и облепленное старой, засохшей рыбьей чешуей.
Я поздоровался и спросил:
— А как Чанг отличил меня от Гусакова?
— По запаху,—серьезно ответил писатель и негромко приказал:—Чанг, принеси гостю чего-нибудь помягче.
Громко топая, бесхвостый Чанг сходил на кухню и принес шкуру рыси. Я расстелил ее и уселся.
— У меня есть еще шкура австралийского ежа. Я стелю ее, когда приходит Гусаков.
— Как же Чанг его до сих пор не загрыз?
— Это не так просто. Чанг грызет его второй год, а тот—как новенький.
Чанг виновато опустил голову, дескать, что ж тут поделаешь, бывают такие несгрызаемые гости.
— Ваша лодка похожа на каяк,—сказал я, чувствуя, что тему Гусакова лучше не развивать.
— Это смесь байдарки с каяком. Я прошел на ней восемнадцать рек Западной Сибири... А ты случайно не знаком с Гусаковым?
— И в глаза его не видел.
— А может, все-таки знаком? Только не хочешь сказать, а? Ты не подосланный?
— Не знаком и не хочу знакомиться,—твердо ответил я.—Я на лодку пришел поглядеть. Интересно, сколько она весит?
— Двадцать пять.
— Тяжеловата. Мне нужно на двадцать килограммов легче.
— Купи детское корыто.
— Погодите,—принялся объяснять я.—У меня есть бамбук. Из него можно сделать лодочку полегче.
— А зачем тебе легкая? Лодка должна быть основательной. Как дом.
— А кто вашу лодку построил?—спросил я.—Может, вы дадите мне адрес Мастера?
— Адреса не дам,—сказал писатель-путешественник.—Но в следующее воскресенье я сам поеду к Мастеру в Каширу. Бери бамбук—поедем вместе. Чанг, ты поставил чайник?

Глава VI

Отрезанная голова Орлова

В следующее воскресенье мы с Орловым взвалили на плечи бамбук и притащили его на вокзал.
Писатель-путешественник ожидал нас у пригородных касс. Величина бамбука удивила путеше-

ственника, но еще больше удивил его Орлов. Как видно, писатель ожидал только меня с бамбуком, и Орлов не входил в его расчеты.

— Вы очень похожи на одного моего знакомого,— сказал писатель Орлову, когда поезд тронулся.

— Не может быть,— ответил Орлов, который всегда был уверен, что не похож ни на кого на свете.

— Если сбрить вам бороду — будет вылитый товарищ Гусаков.

— Зачем же мне бороду сбривать?

— Это мы сбриваем мысленно, чтоб на Гусакова быть похожим.

— Да не хочу я быть похожим!

— Вот это правильно. И я бы не советовал походить на Гусакова. Потому что он неприятный человек.

Неожиданно беседу оживил человек в золотых очках, который сидел напротив и все это время шуршал газетой.

— И зачем это молодые люди носят бороду! — сказал он.— Ну, зачем? Не пойму. Я бы всех бородатых взял и насильно им бороду сбрил, чтоб на людей были похожи.

— Сбрить бороду — это мало,— ответил Орлов.— Я бы всем, кто носит бороду, голову отрезал.

— Это уж потом, если бороду не сбреют.

Орлов пошарил в кармане, достал оттуда кривой садовый нож и протянул человеку в золотых очках.

— Режьте,— сказал он.

— Что такое?

— Голову мне режьте.

— Перестаньте дурака валять.

На соседних лавках люди забеспокоились, стали прислушиваться к разговору. Кто тянул по-гусиному шеи, кто протискивался через проход к нам поближе, а кто, наоборот, подальше.

— Вы хотели насильно сбрить мне бороду,— напирал Орлов,— а потом отрезать голову — режьте!

— Режьте-режьте,— поддержал писатель-путешественник.— Хотели резать — режьте. Чего тянуть?

— Ничего я не хотел. Я хотел только бороду сбрить.

— Ничего подобного,— сказал и я, обращаясь к пассажирам.— Он хотел отрезать голову моему другу. Это все слыхали!

— Не хотел я резать! — отбивался человек в золотых очках, привставая и отталкивая нож.

— Вот вам моя голова! — наседал Орлов.— Что ж вы не режете?

Все больше народу собиралось вокруг нас. Человек в золотых очках не выдержал, стал сдергивать с крючка свою сумку.

— Только брить хотел, только брить! — объяснял он, пробираясь к выходу из вагона.

Глава VII

Время компота

Мастер жил на окраине Каширы, и вокруг его дома росли старые яблони. С веток свешивались сверкающие сосульки, меж которыми летали синицы и воробьи.

Я думал, что увижу человека преклонных лет, но Мастер был вполне молод, с добрым и внимательным, но очень белым, даже белоснежным, каким-то зимним лицом.

За столом собралась уже вся семья Мастера — дедушки и тетушки, сестры с мужьями, племянники. Мастер представил нас как «великих друзей писателя-путешественника».

Мы краснели, кланялись, не зная, как подтвердить свое величие.

— Да, да! Это мои великие друзья! — поддакивал писатель-путешественник.— Один из них, правда, немного похож на Гусакова, но это сходство чисто внешнее. На самом деле он — великий человек. Ему в поезде чуть голову не отрезали!

А стол, за который усадили нас, был завален угощением: горы салата, застывшие озера холодца. Белоснежное лицо Мастера порхало над столом, мелькали добрые руки тетушек, которые подкладывали писателю-путешественнику и его великим друзьям свеколки с чесноком, селедочки в шубе, картошки в мундире.

— Кстати,— пояснил писатель-путешественник,— мои друзья задумали великое дело. Они решили построить самую легкую лодку в мире. И тут не обойтись без Мастера, который велик, как гора. Скажем, Казбек.

Тут все принялись обсуждать, какой должна быть самая легкая лодка в мире. Кинулись к окнам глядеть на бамбук.

— Постойте-постойте,— успокаивал Мастер.— Сейчас не время бамбука — время борща.

И он принялся разливать борщ таким половником, на котором в пору было отправиться в плавание.

— Лодка не получится,— говорил Мастер чуть позже,— если мы не отведаем гуся.

Мы принялись за гуся, у которого оказалось столько ног, сколько людей сидело за столом,— двенадцать.

— А все-таки бамбук не такой уж и легкий,— сказал вдруг дядюшка Карп Поликарпыч.

— Я раньше никогда не работал бамбук,— заметил Мастер, недовольно двинув бровями.— И ты бы, Карп Поликарпыч, лучше бы думал о гусе.

— А я думаю не только о гусе, но и о бамбуке,— ответил Карп Поликарпыч.

Подняв брови повыше, Мастер внимательно оглядел Карпа Поликарпыча. В глазах его светило сильное сомнение в том, что в голове у дядюшки могут уместиться две такие важные мысли.

Дядюшка глаз своих не отвел, а гусиную ногу стал грызть более напряженно, как бы намекая: вот видишь — ем гуся, а думаю о бамбуке.

Отложив свою недоеденную гусиную ногу, Мастер встал и вышел из-за стола в свой кабинет.

В комнате создалась неловкость. Многие родственники глядели на Карпа Поликарпыча с большим осуждением. Кто-то из тетушек сильно толкнул его в бок. Карп Поликарпыч, не теряя достоинства, упорно ел ногу, делая глазами вид, что по-прежнему думает о бамбуке.

Меж тем Мастер вернулся из кабинета, держа в руках скальпель, пинцет и увеличительное стекло. Он прошел к выходу, и кто-то из племянников накинул ему на плечи полушубок.

В окно мы видели, как Мастер трогает пинцетом бамбук, скоблит его скальпелем и разглядывает в увеличительное стекло.

Вернувшись в дом, он молча уселся за стол и принялся доедать гусиное блюдо. Все напряженно молчали, ожидая, что скажет Мастер.

Откашлявшись, Мастер сказал:

— Время компота!

И только когда прикатили бочку компота, когда всякому были выданы и груша сморщенная, и черносливина, и яблочко, и виноградье, и мирабель, Мастер ободряюще поглядел на меня:

В этом сарае на Сретенке был найден бамбук.

— Приезжайте через месяц. Не знаю, будет ли это самая легкая лодка в мире, но самую легкую в Кашире я сделаю.

Глава VIII

Самая легкая лодка в Кашире

Ровно через месяц я снова поехал в Каширу. Теперь я ехал один. Самую легкую лодку я должен был легко — одной левой — принести домой.

Уже был март. Сосульки на яблонях в саду у Мастера доросли до земли, белоснежное доброе лицо его к весне поголубело.

— О делах потом, потом,— встретил меня Мастер.— Вначале к столу. Все уже в сборе. Ну, как поживают наши великие друзья?

Родственники, собравшиеся за столом, встретили меня как родного, а с дядюшкой Карпом Поликарпычем мы даже расцеловались.

— Ну как лодка? — нетерпеливо расспрашивал я.— Где она?

Оказалось, лодку никто не видал. Мастер до поры до времени скрывал ее где-то, возможно, в сарае.

Снова начались салаты и кулебяки, речи в честь отсутствующих великих друзей, занятых великими делами, потом наступило время борща, время гуся, время компота. За столом говорили о чем угодно, только не о лодке. Как только кто-нибудь заикался насчет лодки, Мастер смыкал брови и недовольно кашлял.

— Да ты что! — сказал Карп Поликарпыч.— Построил лодку или нет?

— Какую лодку? — как бы удивился Мастер.

— Самую легкую в мире.

— Ах, ты про это! Вон оно что. Да ты что ж, Карп Поликарпыч, разве не видел ее?

— Не только я. Никто ее не видел. Пойдем в сарай.

— Зачем в сарай? В сарай идти незачем. Уберите стол, поставьте стулья вдоль стен, а посреди комнаты надо постелить ковер. Тот новый, который на шкафу в прихожей.

Скоро посреди комнаты был расстелен ковер «Богатырь», а родственники чинно сидели вдоль стен. Для меня чуть вперед было выставлено кресло.

— Ковер попрошу зря не топтать,— сказал Мастер и вышел из комнаты. Довольно долго он пропадал в глубинах дома и наконец вернулся. Он был в новом темно-синем костюме, а в руках держал с десяток тонких реек, которые хотелось назвать палочками. Мастер показал эти палочки зрителям и принялся раскладывать их на ковре.

Совершенно потрясенный смотрел я на палочки в руках Мастера. Мои бревна, мои чудесные толстые, массивные, не виданные никем в Москве бревна превратились в бамбуковую щепу. И родственники глядели на Мастера недоверчиво. Они тоже, видно, никак не ожидали, что Мастер так искрошит бамбуковые бревна.

Разложив бамбуковинки в некотором порядке, Мастер вышел и принес еще с десяток точно таких же палочек. Среди них имелась и штуковина, которая напоминала лесенку. Уложив лесенку среди палочек, Мастер успокаивающе помахал нам рукой и снова вышел.

Эти бесконечные его уходы и приходы совершенно измучили нас. Родственники смущенно пожимали плечами и боялись смотреть мне в глаза. Палочки и лесенка были такие тонкие, что всем ясно было — ничего, кроме детской игрушки, составить из них невозможно.

На этот раз Мастер принес брезентовый мешок и шесть полумесяцев из светлого металла. Наклонившись, он быстро соединил все бамбучины так, что получились длинные прутья, концы которых он пристегнул друг к другу. Что-то вроде длинного бамбукового огурца лежало теперь на ковре. Все это выглядело жидко, но, когда я увидел эту бамбуковую корзину, сердце мое стукнуло от волнения в первый раз.

«Неужели что-нибудь получится? — думал я.— А вдруг и вправду сейчас появится лодка?»

Теперь я понял, почему Мастер надел новый костюм. Он стал сейчас Артистом, фокусником, который должен был сотворить чудо — составить из прутиков настоящее судно.

— Сочленяем! — сказал Мастер и, привстав на колено, начал «сочленять» бамбук и полумесяцы.

Полумесяцы всовывались в корзину-огурец, распирали ее изнутри, изгибали так, что казалось, вся конструкция вот-вот лопнет. Каждый бамбуковый прут натягивался, как тетива, а по форме напоминал лук. И когда последний полумесяц замкнулся, я увидел длинную и узкую птичью клетку, лежащую на ковре, и понял, что птицею в этой клетке буду я сам.

— Каркас составлен,— сказал Мастер.

«Да ведь это каркас,— думал я,— а вовсе не птичья клетка. И разве клетка может быть похожа на скелет стремительного морского существа? Нер-

па? Нет, нерпа коротка, угловата, а здесь — легкость, полет».

В каркасе лодки видна была скорость, как в стреле, которая еще не выпущена на волю.

— Бью! — воскликнул вдруг Мастер и слегка ударил каркас ногой. Весь скелет чуть отъехал в сторону.

— Бью сильней! — сказал Мастер, ударил, и будущая лодка отпрыгнула к стене.

— Топчу! — воскликнул Мастер и топнул-наступил ногой на бамбуковые ребра. Они прогнулись под ударом, напряглись, как пружины, и отбросили Мастера, так что он еле устоял на ногах.

— Бейте и топчите!

Смертельно побледнев, Мастер отошел к стене и встал, сложив руки на груди.

Родственники зашептались, глаза их расширились.

Дядюшка Карп Поликарпыч поднялся, подошел к лодке, и в этот момент я проснулся. Я вдруг понял, что не желаю, чтоб с этого момента кто-нибудь прикасался к лодке, которая, только что родившись, обнаженная, лежала на ковре.

— Стойте! — сказал я.— Трогать лодку запрещаю! Мастер, продолжайте представление!

Дядюшка Карп Поликарпыч отошел на место.

Мастер поморщился. Я подпортил его спектакль. Как видно, он рассчитывал, что лодку будут бить и топтать все присутствующие. Потеряв нить, он сразу не мог вспомнить, что делать дальше. Поглядев на мешок, принесенный Мастером, я понял, что в нем — оболочка лодки, ее платье.

— Одевайте ее поскорее,— твердо предложил я.

Мне казалось, лодка слишком уж обнажена, мне было неловко за нее и немного стыдно.

Глаза Мастера стали печальны. Он только сейчас понял, что существо, которое лежит на ковре, уже ему не принадлежит.

Мастер вынул из мешка серебристую ткань, быстро и ловко натянул ее на каркас, отчего нос лодки приподнялся. На корме он стянул ткань, зашнуровал черною шнуровкой.

Я глядел на свою лодку — самую первую в жизни и самую легкую в мире,— и сердце мое плыло и качалось.

Длинная,
изогнутая,
остроголовая,
тонкая и длиннохвостая,
в серебряном платье,
она лежала поперек комнаты на помертвевшем ковре и, как стрелка компаса, рассекала комнату пополам, прорезала стены, чтоб вылететь из Каширы к берегу, к ветру, к воде...

Мастер подошел ко мне, заглянул в глаза и сказал вполголоса:

— Забирайте свою невесту.

Мы обнялись.

Потом я подошел к лодке и поднял ее одной левой рукой.

Глава IX

Невеста под кроватью

Поздней ночью добрался я до Москвы. Разобранная лодка покоилась теперь в двух брезентовых мешках, один из которых висел у меня на спине, другой — на груди.

На троллейбусе добрался я до Крестьянской заставы, где снимал комнату, и только лишь открыл дверь, как сразу наткнулся на своего хозяина Петровича.

— Что это у тебя в мешках? — спросил он.

— Ничего особенного,— махнул я рукой. Не хотелось рассказывать Петровичу про лодку. Он не слишком-то был достоин такого рассказа.

— Парашют украл?

Я промолчал и прошел в свою комнату. Петрович не поленился пойти за мной. Он внимательно наблюдал, как я снимаю мешки и засовываю их под кровать.

— Ты это брось,— сказал он.— За принос неизвестных предметов, знаешь, чего бывает? Телевизор-то смотришь? Вынь мешки и предъяви для опознания.

Петрович стоял рядом со шкафом и так был широк в плечах, так монументален, что казалось, это стоят рядом два брата-близнеца.

— Принос мешков в ночное время,— говорил Петрович,— недавно по радио говорили и по телевизору показывали...

Я сидел на кровати и слушал Петровича. Я не возражал и не спорил, но мне было обидно и больно за бамбуковую мечту.

Так, отрывочно и грозно, Петрович мог говорить часами, и против этого было одно средство — три рубля.

Я отдал Петровичу трешку, и он ушел наконец в кухню, где немедленно принялся что-то готовить, зажигать газ, греметь посудой. Казалось, что он немедленно, не заходя в магазин, превратил трешку в продукты. Но на самом деле продукты были давно заготовлены, и Петрович только вынул из холодильника колбасы и свинины ровно на три рубля, а то и на два пятьдесят, чтоб разбогатеть на полтинник.

Я погасил свет и лег. Хотелось поскорее отвлечься от колбасы и Петровича — подумать, помечтать о своей лодке.

Прикрыв глаза, я увидел ее лежащей на ковре у Мастера, мигнул — перенес на озеро. Серебристая по голубому, легко резала она волны, перелетала подводные камни, пробиралась узкими протоками через болотные травы — таволгу, камыши.

На кухне гремел кастрюлями Петрович, шипело и лопалось на сковородке сало, а лодка моя плыла к далеким островам, и казарки летели ей навстречу.

Вдруг стало стыдно, что я засунул лодку под кровать. Пожалуй, она должна была находиться на более почетном месте.

Я зажег свет и оглядел комнату. В старом, продавленном кресле лодка не умещалась, а на шкафу, пыльном и паутинном, место было скорее позорным, чем почетным.

И особенно жалким и горьким показался мне пол, где, давно прогнившие, шевелились и прогибались доски, где из-под облупленной красной краски вылезала старая зеленая, из-под зеленой — древнейшая охра, а из-под охры — совсем нечеловеческая доисторическая чернота.

И потолок был невыносим — покрытый водорослями, желтыми медузами. Нет уж, пусть лодка не видит этого потолка, пусть лежит под кроватью, тем более что кровать — единственный предмет в комнате, принадлежащий мне, а значит, и ей. Эту кровать-раскладушку я купил, когда въезжал к Петровичу. Лодка, раскладушка и я были теперь одной семьей и должны были уж как-то поддерживать друг друга.

Я погасил свет и лег, решив назавтра вымыть пол под кроватью.

Петрович булькал и журчал на кухне, а мы трое забились в угол холодной чужой квартиры и старались заснуть, тесно прижавшись друг к другу.

«Мастер назвал лодку невестой, — вспомнил я. — Действительно похожа — в серебряном платье, легкая, веселая».

Я заснул, и мне приснилась невеста, которая, свернувшись калачиком, дремала под кроватью.

Глава X

Увядший букет

Все-таки держать лодку у Петровича я боялся. Он мог проверить, что лежит в мешках, вытащить бамбучину, чтоб чистить ею, скажем, водопровод.

И я повез лодку к Орлову.

Я был уверен, что она ему понравится, и уже в трамвае представлял себе, как будет подпрыгивать от счастья Орлов, как будет обнимать меня и трясти руку, радуясь, что идея доведена до конца. Меня и самого переполняли восторг и счастье, я сиял, и мне хотелось, войдя в мастерскую, обнять старого друга.

— Что это у тебя в мешках? — спросил Орлов, открывая дверь.

— Сейчас увидишь! — с восхищением пообещал я.

— На картошку не похоже, — сказал Орлов, — неужели лодка? Сделал все-таки! Сколько же она весит?

— Сейчас взвесишь! — снова подмигнул я и стал распаковывать мешки. Развязывая тесемки, я то и дело лукаво поглядывал на Орлова, приглашая его поволноваться в ожидании сюрприза.

Орлов, однако, смотрел на мешки с недоверием, а когда я вынул бамбуковые рейки, недоверие его усилилось.

— Все, что осталось от бамбука? — спросил он.

— Погоди, погоди, не торопись, — сдерживал его я и внимательно, шаг за шагом стал собирать лодку. Мастер подробно показал мне, как это делается, и все-таки я возился долго, пока составил скелет. Красота скелета особенного впечатления на Орлова не произвела.

— Хило, — сказал он. — Слабовато.

Я вытащил серебристую оболочку, натянул ее, надеясь, что это прорвет плотину. Орлов немного оживился, но рыданий слышно не было.

— Легкая лодочка, — сказал он, небрежно приподымая корму. — Не думаю, что самая легкая в мире. В Кашире — возможно. А где-нибудь в Кашмире есть небось и полегче.

Я заставил его все-таки сесть в лодку, дал ему весло и сам устроился на корме. Раскачивая лодку, я придумывал будущее плавание, но Орлов шевелил веслом тускло, и спина его была каменной, неинтересной.

Когда я пришел в мастерскую, восторг, счастье, радость распирали меня. Восторг торчал из меня, как букет из кувшина. Орлов повытаскивал из букета все цветы и бутоны, пообрывал лепестки.

Я не мог понять, в чем дело. И бамбук мы доставали вместе, и в Каширу ездили — все ему нравилось, все его интересовало, а теперь, когда лодка готова, он скис.

— Слушай, — сказал я, — в чем дело? Тебе лодка не нравится?

— Да нет, почему не нравится.

— А что ж ты молчишь?

— А что ты хочешь, чтобы я подпрыгивал от счастья?

— Мог бы и подпрыгнуть.

— Не хочется, — сказал Орлов. В голосе его неожиданно прозвучала обида. Но я его не обижал. Неужели он обижался на судьбу? Бамбук доставали вместе, в Каширу ездили вместе, а лодка получилась моя.

— Слушай, — сказал я. — Эта лодка ведь у нас на двоих. Давай будем два капитана.

— Ну нет, — ответил Орлов. — Это твоя лодка. Хотя я и сам не понимаю, почему она твоя. Бамбук мы доставали вместе, и делал ее не ты, а Мастер. Ты и топор-то держать в руках не умеешь. Так что особенно не хвастайся. А то раскричался: самая легкая в мире! Я построил!

Я слушал Орлова, и голова моя клонилась все ниже. Уже не увядшим букетом и даже не пустым кувшином чувствовал себя я, а разбитой бутылкой, в которую временно ставили цветы.

Моя лодка лежала передо мной, и ничего моего не было в ней — бамбук милиционера-художника, помощь Орлова, талант Мастера. Моими оставались только тельняшка и зуб золотой.

— Ладно, — сказал я. — Будь ты капитаном, а меня возьми матросом.

— Будь сам капитаном, — возразил Орлов, — а матросом бери кого хочешь.

Орлов отказывался от меня, посылал вместе с лодкой на все четыре стороны.

Пришибленный, просидел я в мастерской Орлова до вечера.

Давно пора мне уже было разобрать лодку и уйти, а я сидел, пил чай.

К вечеру в мастерской стали собираться люди. Пришел некоторый Петюшка Собаковский, при-

шла девушка Клара Курбе и неожиданно милиционер-художник. Оказывается, Орлов близко сошелся с ним на почве граммофона. Милиционер Шура и принес граммофон, завернутый в газету.

Увидев меня и лодку, Шура-милиционер частично растерялся. Рыская глазом, пытался он найти признаки бамбука, спрятанные под серебряным платьем.

— А почему она серебряная? — сказал наконец он.

Я стал объяснять, а Петюшка и девушка Клара подошли к лодке, не замечая принесенного граммофона.

Между тем по замыслу Шуры именно граммофон должен был оказаться героем вечера. В глазах милиционера-художника мелькнуло беспокойство. Он понял, что лодка может помешать граммофону. Послушав меня минутку, Шура кинулся разворачивать граммофонную трубу.

— Осторожно! — воскликнул Орлов. — Не повреди раструб!

Тут я понял, что и Орлову лодка мешает.

Орлов с милиционером повернулись к лодке спиной, девушка Клара, привыкая к обстановке, хлопала ресницами, ну а Петюшка Собаковский торопился сесть за стол перекусить.

Орлов зажег с пяток керосиновых ламп, появился чайник, в комнате сделалось уютно.

Граммофонную трубу приладили к ящику. Петюшка Собаковский схватился было за рукоятку, но Орлов с милиционером оттащили его от граммофона и стали крутить рукоятку сами. Пластинка завертелась, и послышался вальс «Амурские волны».

Старинный вальс из древнего граммофона еще усилил керосиновый уют. В комнату спустились откуда-то нежность и легкая грусть.

— Бедные звуки... — шептала Клара Курбе. — Какие они тоненькие и маленькие...

— Вот это настоящая музыка! — подхватывал Орлов.

Милиционер-художник гордился граммофоном и командовал:

— Тише! Тише! Дайте послушать!

Подперев руками щеки, все сидели вокруг граммофона. Орлов то и дело толкал Петюшку локтем, боясь, что тот пропускает красоту звука. Петюшка и вправду красоту пропускал, налегая на кильку и яблоки.

Стали пить чай. Про лодку все позабыли, и Шура-милиционер купался в лучах граммофонной славы.

— Это и есть самая легкая лодка в мире? — спросила вдруг Клара.

— Самая легкая.

— Неужели?

Клара подошла к лодке и вдруг, перешагнув через борт, плюхнулась на капитанское место. Этого я стерпеть не мог.

— А ну-ка вылазь! — крикнул я, вскакивая.

Потрясенная моим тоном, Клара оглянулась на Орлова.

— Он хозяин, — развел руками Орлов. — Раз говорит «вылазь», значит, вылазь.

Клара Курбе выкарабкалась из лодки, подсела к столу и нервно глотнула чаю.

Вечер, кажется, был испорчен.

— Слушай, — сказал Петюшка, — а как называется твоя лодка?

— Сам не знаю, — ответил я, — еще не придумал.

— Ты знаешь, чего я думаю, — сказал Петюшка. — У самой легкой лодки в мире должно быть и название самое легкое в мире.

Глава XI

Самое легкое название в мире

Такой выходки от Петюшки не ожидал никто. В первую секунду все окаменели, раздумывая, что, собственно, сделал Петюшка: брякнул ли глупость или высказал нечто разумное?

— Как это может быть — самое легкое название? — сказал Шура. — Легкая лодка — я понимаю. А название?

Петюшка Собаковский и сам растерялся.

— Ну взять, к примеру, название «Пена», — сказал он. — Пена-то легкая.

Тут уж всем стало ясно, что Петюшка ляпнул глупость. Только полный дурак может назвать свою лодку «Пена».

Клара замкнуто звякала ложкой. Теперь и на Петюшку смотреть ей не хотелось. Во-первых, он брякнул глупость, во-вторых, он разговаривал со мной. А после того, как я выгнал Клару из лодки, разговаривать со мной не должен был никто. Глянув на Петюшку, как на некоторую неприятную пену, Клара углубилась в чай.

Орлов с милиционером сразу поняли, что Петюшка потерял золотое место в сердце Клары, и молчали, решив свои места пока сохранить.

Милиционер-художник заерзал на стуле. Ясно было, что он придумал легкое название, но не решался его сказать, оглядываясь на Клару. Он так и сяк замыкал свой рот, но придуманное слово рвалось наружу.

— Ласточка! — гаркнул он.

Эта милицейская ласточка прорвала плотину, и птичьи названия полетели одно за другим: «Чиж», «Горихвостка». Вспыхнув на миг, название тут же меркло.

— Название должно быть даже легче птицы, — сказал Орлов. — Надо, чтоб оно звучало легко и просто. Например, «Эхо».

— «Эхо» не очень лодочно, — сказал я.

— Лодочно! Лодочно! — сказал Орлов. — И лодка, как эхо, будет летать от берега к берегу.

Я заволновался и неожиданно подлил чаю Кларе Курбе.

— Есть кое-что полегче, чем эхо, — сказал Петюшка. Он давно помалкивал, выращивая в голове легкое название.

— Что же это? — спросил Орлов.

— Ау. Просто — ау!

— Ну и название! — усмехнулся Орлов. — «Ау». Вот лодка утонет, тогда и будет ау!

— Зато всего две буквы, — защищался Петюшка, — «А» и «У».

— Можно придумать название из одной буквы, — сказал Орлов. — Например, «О»! Чего уж легче — «О». Что может быть легче, чем «О»?

— Привет, — сказала Клара Курбе, и мы не сразу поняли, что она предлагает свое название.

На миг я представил слово «привет», написанное на борту лодки, и мне стало скучно.

— «Привет» для названия лодки не годится, — сказал Орлов. — Надо придумать что-то другое.

— Тогда — «Мечта», — сказала Клара и задумчиво посмотрела на художника Орлова. — Мечта даже легче привета.

— То привет, то мечта, — грубовато хмыкнул Орлов. — Больно уж красиво.

Девушка Клара Курбе огорченно посмотрела на

художника Орлова, который по собственной воле уходил из ее сердца.

— А если я мечтаю о двухпудовой гире? — спросил Петюшка, и милиционер-художник неожиданно хрюкнул от смеха, а потом ухмыльнулся.

Тут уж все мы — и я, и Орлов, и Петюшка — тревожно поглядели на Клару, надеясь, что она это хрюканье с ухмылкой не заметит.

Милиционер и сам напугался. Да ведь он и ничего такого не сделал, только хрюкнул, только ухмыльнулся!

С ужасом в глазах Шура-милиционер искал выход из неприятного положения.

— Ха-ха, — нервно засмеялся он в открытую. — Ну и насмешил ты меня, Петюшка. Вот так мечты! — Изо всех сил он приглашал Клару посмеяться над Петюшкой, но Курбе даже не улыбнулась. Поджав губы, она глядела внутрь керосиновой лампы. Ясно было, что она хоть треснет, а больше никогда в жизни не взглянет на милиционера-художника.

Но и на художника-немилиционера, то есть на Орлова, ей смотреть не хотелось: он сам, по собственной воле, ушел из ее сердца. А меня и Петюшку она давно уж видеть не могла. В глупое, неприятное положение попала девушка Клара Курбе — сидела за общим столом и ни на кого не могла смотреть.

Милиционер-художник прервал свой смех, вытер губы носовым платком. Отвага и безумие шевельнулись в его глазах. Бедняга-милиционер-Шура-художник-любитель решился на отчаянный шаг.

— Если б у меня была лодка, — тихо сказал он, — если б у меня была лодка, самая легкая и самая лучшая в мире, я бы назвал ее «Клара».

Я и теперь, через несколько лет, часто задумываюсь, какое же слово, какое название самое легкое в мире? То вспоминаю я милицейскую «Ласточку», то Петюшкину «Пену», то снова придумываю:

«Пыль»,

«Печаль»,

«Тень»,

«Рассвет».

Но ни на одном слове я никогда не могу остановиться. То кажется мне слово недостаточно легким, то не очень чистым, то совсем уж нелодочным. Где взять, как выбрать из миллионов слов самое легкое?

И пыль, и печаль, и тень, и рассвет — все эти слова беспокоят меня, и я не понимаю, что же лучше, что легче — пыль или печаль?

Конечно, все эти слова не очень-то лодочные. Хотелось бы услышать наконец настоящее лодочное слово!

Но лодочное слово это — «весло». Настоящим лодочным словом лодку не назовешь. Что тогда мучиться, что выбирать? Не взять ли первое, что пришло в голову? Так и сделал милиционер-художник. Он сказал «Клара», и это слово действительно было для него самым легким в мире.

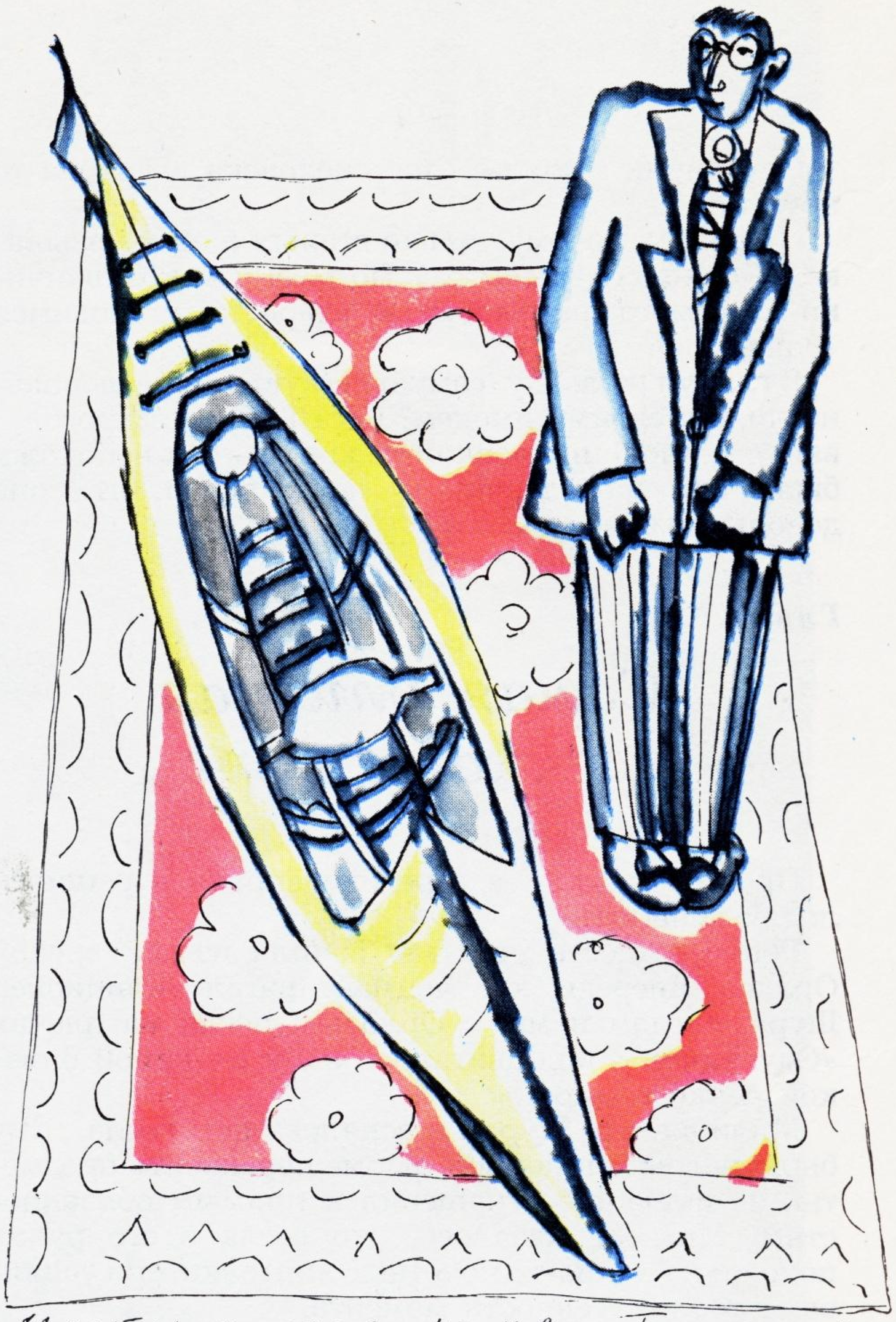
Клара Курбе, чьим именем собирался Шура назвать свое судно, упорно глядела внутрь керосиновой лампы. По лицу ее ясно было, что она свою лодку «Шурой» не назовет.

— Может, назвать лодку «Снежинка»? — сказал я, жалея милиционера. — Легкая, по небу летает.

— Назови лучше «Стратостат», — сказал Орлов.

Грубоватая шутка Орлова никого не развеселила. Интерес к легким названиям угасал вместе с керосиновыми лампами. А лодка моя, безымянная, лежала на полу в тени. Сама-то она знала, как ее звать, да сказать не могла.

— Послушайте! — сказал вдруг милиционер-влюбленный и показал на меня пальцем. — Его лодка — пусть сам и название придумывает. Мы стараемся, лезем из кожи, а он только «Снежинку» придумал. Сразу видно, что в голове пусто.



Мастер и лодка на ковре „Богатырь"

— Я потом придумаю название, — миролюбиво сказал я.

— Ну уж нет, — возразил милиционер. — Придумывай сейчас, чтоб мы все знали, на что ты способен.

— Подумай о пухе, — сказал Орлов. — Все-таки пух — самое легкое.

«Глупое название «Пух, — подумал я. — Но как легок тополиный пух, летящий над городом! А пух одуванчика над полем! Дунешь — и летят по небу светлые пушинки».

— Давай, давай, — подгонял меня Шура. — Придумывай скорей или сдавайся!

— Я придумал, — сказал я. — Лодка называется «Одуванчик».

И тут холодный пот прошиб меня.

«Глупо, глупо! — думал я. — Слишком нежно, слишком красиво!»

И все-таки в этом что-то есть.

Трудно из миллиона слов выбрать одно-единственное, а если выбрал — держись!

— Лодка называется «Одуванчик», — повторил я и окончательно понял, что лодка моя и это наше с нею дело, как мы назовем друг друга.

В одуванчике есть воздух — оооооооооооооо...

В нем смешно дует ветер — дуууууууууууууу...

В нем кричит лягушка — ваааааааааааааа...

А потом пора уж и тормозить — нннннннннннннннн...

И как ножиком отрезать в самом конце — чик.

И это веселое «чик» особенно подходит к моей лодке, самой легкой в мире.

Одуванчик похож на человека. Голова-то круглая.

Не пойму, почему только старых людей называют «божьи одуванчики». По-моему, мы одуванчики с самого начала, а к старости становимся «божьими».

Я глянул на лодку, самую легкую в мире, довольна ли она своими именем? Серебряная, остроголовая, с черною шнуровкой на корме — так непохожа была она на одуванчик, но я видел, что она довольна мною.

Глава XII

Самая близкая речка в мире

Прошел март, и в середине апреля я решился лодку испытать.

Ровно в шесть утра мы вышли из мастерской Орлова. Впереди, как лоцман, шагал милиционер Шура, следом и мы с Орловым несли на плечах «Одуванчик». Мы двигались к Яузе — самой близкой речке в мире.

Милиционер Шура, стесняясь, нес весла. Ему было неловко в полной форме переносить предметы, не имеющие отношения к прямым обязанностям. Мне же казалось, что весла в его руках похожи на какие-то почетные винтовки, они усиливали торжественность момента.

Выйдя на Серебряническую набережную, мы остановились. Далеко внизу, за чугунной решеткой, текла речка Яуза, окованная в гранит. Редкие черно-зеленые льдины плыли по коричневой воде, направляясь к Москве-реке.

— Самая грязная речка в мире,— сказал Орлов, печально оглядев яузские берега.— Отложим испытание. Потеплеет — поедем на Клязьму, лодку-то хотя бы пожалей.

Я и сам понимал, что самой легкой лодке в мире, пожалуй, обидно плавать впервые по Яузе. Мне было жалко ее, но поделать я ничего не мог. «Одуванчик» родился здесь, у Яузских ворот, и в первый раз должен был проплыть мимо родных берегов. Пускай закаляется. Невозможно плавать всю жизнь по светлой воде. Мне казалось — лучше огорчить немного лодку, чем навеки оскорбить Яузу.

Осторожно, держась за милиционера, сел я в лодку. Орлов подал мне весло. От моей тяжести «Одуванчик» погрузился поглубже, нос его задрался высоко передо мной. Я увидел, как под давлением воды напряглось, натянулось туже серебряное платье, загудели бамбуковые ребра, звонко скрипнули шпангоуты-полумесяцы.

— Пошел! — крикнул Орлов, и я неловко оттолкнулся веслом от берега.

Силу толчка я не рассчитал, и «Одуванчик» буквально вылетел на середину реки. С барабанным звуком — бум-бум-бум — ударили волны в дно лодки. Я гребанул слева — нос лодки резко повернул вправо, гребанул справа — «Одуванчик» выровнялся. Только два раза и ударил я веслом, а лодка уже летела стремительно вперед, и я не знал, как ее затормозить.

— Надо было веревку взять! — выкрикивал Шура какую-то не вполне ясную мысль. То ли он хотел привязать «Одуванчик», то ли вытягивать меня, уже утонувшего.

Кое-как взмахивая веслом, я быстро плыл по дну гранитного колодца, передо мною уплывала в Москву-реку темная обтаявшая льдина. На ней, как пингвин, сидела ворона.

— Оглянись! — кричал мне Орлов.— Это последняя льдина!

Я оглянулся — за нами не было видно ни одной льдины. Хоть и мутная, а свободная от зимы вода.

А над нами, над гранитными стенами виднелись маленькие человеческие головки — бородатая орловская и милицейская в фуражке. Такими они показались мне далекими и милыми, что я поневоле засмеялся. Я понимал, что минут через двадцать снова увижу их, когда вылезу на берег, и все же — казалось — уплыл от них бесконечно далеко и жалел их, оставшихся дома.

Последнюю льдину я обгонять не стал. Положил весло, течение неторопливо повлекло лодку.

«Неужели совсем, навеки мертва эта отравленная городская река? Неужели умерла навсегда?»

И вдруг прямо перед нами, из-под носа «Одуванчика» поднялись с воды две утки. Это были чиркитрескунки — уточка с синим зеркалом на крыле и селезнек с буйной зеленой головой. Отчаянные, летели они на Север, остановились на Яузе передохнуть. Они не боялись мертвой воды.

Потрескивая, полетели чирки перед нами, из гранитного колодца выбираясь к небу. Я глядел им вслед — и над высотными домами, еще выше, еще глубже в небе, увидел летящих на Север журавлей.

Глава XIII

Ловля Орлова на граммофонную удочку

Пришла весна, и я стал готовиться в плавание. Давно уже мечтал я пробраться на Багровое озеро, недоступное и далекое, затерянное в болотах. Для такого интересного и опасного плавания нужен был напарник, а напарником мог быть только один человек — художник Орлов.

Я, конечно, помнил, что Орлов отказался плавать со мной, но все-таки еще раз решил поговорить с ним, уговорить, заманить. И я пошел в мастерскую.

На этот раз в мастерской не было милиционера и этой ужасной Клары, зато посреди стола стоял тот самый, к моему удивлению, граммофон. Упорный Орлов выменял его у милиционера.

Подперев руками щеки, у граммофона сидели сам Орлов и фотограф-профессионал Глазков. Наслаждаясь граммофоном, Орлов втолковывал профессионалу, что лучшего звука на свете не бывает.

— А магнитофон? — спрашивал наивный фотограф.— Неужели он хуже?

— В десятки раз! — наваливался Орлов.— У магнитофона звук — дуб!

— Но граммофон слишком тихо играет,— сомневался фотограф.

— Магнитофон — гроб! — ввязался я, чтоб поддержать Орлова.— А у граммофона не звук, а воздух! Шумы залива!

Орлов обрадовался поддержке, и тут я понял, что судьба посылает мне подарок, кажется, я мог поймать Орлова на граммофонную удочку.

Объединившись, вдвоем с Орловым, ловкими ударами справа и слева мы принялись раскачивать фотографа. Однако профессионал оказался на редкость упорен, отстаивая магнитофон.

В этом самом месте, на Яузе, была впервые спущена на воду самая лёгкая лодка.

— А что бы ты стал фотографировать?—коварно спросил я.—Магнитофон или граммофон?

— Магнитофон,—сжав зубы, ответил фотограф.

— Фотографировать магнитофоны — глупость,—сказал я.—Куда лучше фотографировать дальние озера, невиданных рыб и зверей и вообще места, по которым не ступала нога человека.

— Таких мест уже на свете нет,—сказал профессионал, твердо держась за магнитофонную линию.

— Мало,—поправил я его,—но все-таки они есть. Конечно, любители магнитофонов таких мест не знают, а вот мы, граммофонные души, знаем кое-что.

— Конечно, знаем,—сказал Орлов, сам не понимая, что клюет потихоньку на мою удочку, и радуясь, что мы оба с ним граммофонные души.

— Есть на свете Багровое озеро,—сказал я.—На нем никто не бывал уже лет двести.

— Почему же?—спросил фотограф.

— Он не знает почему!—усмехнулся Орлов и показал на фотографа пальцем.

Между тем Орлов и сам не знал, о чем идет речь, но прекрасно понимал, что я знаю, и спокойно нападал на Глазкова. Он надеялся, что после разговора о Багровом озере фотограф признает, что граммофон лучше магнитофона.

— Дело в общем-то простое,—сказал я.—Давно, наверно, лет двести назад, берега Багрового озера стали зарастать. В конце концов они так заросли, что превратились в непроходимые болота. Люди, которые хотели пробраться к воде, погибали или возвращались ни с чем. Много лет никто не может пробраться на Багровое озеро. А вот мы, пожалуй, попробуем. Дело в том, что Багровое озеро связано с другим озером—Сиверским. От Сиверского ведет к нему узкая протока. По этой протоке и можно добраться до Багрового на лодке.

— Разве до тебя эта идея никому в голову не приходила?

— Приходила,—усмехнулся я.—Но на обычной лодке по протоке не проплыть. Слишком узка, заросла травой и болотом. Многие пытались, да поворачивали. А мы с Орловым можем пройти, во всяком случае, попробуем.

— Как?

— Очень просто. У нас есть «Одуванчик»—самая легкая лодка в мире. На ней, только на ней можно пройти протоку.

Наконец-то Орлов понял, в какую ловушку я его заманил.

Как огромный и мудрый бородатый голавль, смотрел он на меня, будто из-под воды. Он сидел на крючке у старого, опытного рыбака и знал, что рыбак этот вот-вот вытащит его на берег.

Последний шанс остался у голавля—ударить хвостом, разорвать леску. И он напрягся, собираясь сделать это немедленно.

Но и старый рыбак был не лыком шит.

— Кстати,—сказал я,—по дороге на Багровое озеро много деревень, в которых много керосиновых ламп. И даже есть одна деревня, которая так и называется—Керосиновка.

— Да,— вздохнул фотограф, выслушав меня с печальным восхищением.— Вот это путешествие! А когда отплываете?

— Пожалуй, через недельку.

— Может, меня возьмете?— робко спросил Глазков.

— Ну уж нет,— засмеялся я,— лодка не выдержит троих. Да и зачем нам люди с магнитофонной нервной системой? Верно, Орлов?

Орлов пискнул что-то утвердительное.

— Да что ты привязался к этому магнитофону?— примирительно сказал фотограф.— Ладно, пускай граммофон лучше, я согласен.

— Ты слышишь,— хлопнул я по плечу голавля,— слышишь, как он заговорил?

— Слышу,— глухо ответил Орлов,— но только не слишком ли ты торопишься?

— Надо спешить,— ответил я,— позже на озеро не пробраться. Протока так зарастает травой, что ее не найти.

— Ну что ж,— сказал Орлов,— плыви, когда хочешь, а на меня не рассчитывай.

— Как то есть?

— Я не плыву, остаюсь в Москве.

Голавль, которого я с таким трудом вытащил на берег, вдруг встал на ноги и на своих двоих пошел обратно в реку.

— Стой!— крикнул я.— Стой! Останься на берегу!

— Я и остаюсь на берегу. Это ты плывешь,— сказал голавль и спокойно прыгнул с берега в воду.

Горькая и ужасная обида вошла в мое сердце, я понял, что сделать ничего не могу, надо сматывать удочки, уползать потихоньку домой.

— Да возьми ты с собой фотографа,— сказал Орлов.— Видишь, он рвется в плавание и душа у него вроде бы граммофонная.

Я усмехнулся. Бородатый старый голавль подсовывал вместо себя пескаря. Правда, тоже бородатого.

Глава XIV

Последний торт

Обычно за много недель до отъезда ложусь я на диван и начинаю думать, что взять с собой в дорогу. Это приятно: лежать и думать о консервах, о фонарях и удочках, о сапогах и колбасе.

Впрочем, я никогда не знаю, как уложить в рюкзак колбасу и сапоги, что должно лежать внизу, а что сверху.

Вроде бы надо сунуть вниз сапоги — до болот доберемся еще не скоро, сапоги пока не понадобятся, а колбаса всегда уместна. Но, с другой стороны, колбасу надо экономить. Вовсе не обязательно съедать ее в первый день, можно купить на станции пирожков. Значит, колбасу снизу — сапоги сверху. Но ведь пирожков на станции может не оказаться, где ж тогда быть колбасе?

— Да сунь ты ее в сапоги,— сказал фотограф-профессионал.

В огромнейших и резиновейших сапогах-бахилах он ходил по комнате, которую я снимал у Петровича, и рассуждал о колбасе. Фотограф отправлялся со мной в плавание.

Наши сборы и суета вызвали у Петровича крайнюю тревогу. Он стоял рядом со шкафом и, хотя давно получил трешку, уходить не собирался. С большим подозрением рассматривал он фотографа, колбасу и сапоги.

Раздался звонок — в комнате явились Орлов и Петюшка Собаковский.

Внезапное нашествие сомнительных людей до того растревожило Петровича, что он собирался бежать за милицией. Но тут раздался новый звонок — появилась внезапная Клара Курбе, за нею — милиционер-художник.

При виде милиции Петрович прирос к шкафу. Он смекнул, что сейчас начнется стрельба, отбор колбасы и задержание преступников.

Милиция, однако, пожав нам руки, уселась за стол.

— Это ты пригласил Клару?— потихоньку спросил меня Орлов.

— Да нет.

— Сама пришла,— сказал Орлов и поморщился.

Клара между тем держалась скромно, но зато принесла чудовищный торт, на котором росла неприятно розовая толстая роза.

Фотограф взялся заваривать чай, а Клара резать розу.

Стали пить чай с Клариным тортом.

Задавленная тортом беседа текла вяло. Я рассказывал о Багровом озере, о легкости «Одуванчика».

— Слушай,— сказал Петюшка, всосав остатки розы,— а кто у вас капитан?

— Что такое?— не понял я.— Кто капитан?

От кого от кого, но от Петюшки я такой глупости не ожидал. Кажется, всем ясно, что капитан — я. Я строил лодку, задумывал плавание, все организовал, так кто же капитан?

— Он,— сказал фотограф и показал на меня пальцем.

— По-моему, он безрассуден,— сказал милиционер Шура, еле ворочая своим тортолюбивым языком.— Он не годится в капитаны.

Я задрожал от удивления и обиды. Я надеялся, что кто-нибудь возразит Шуре, но все молчали. А Клара обиженно поглядывала на меня. Она прекрасно заметила, как невнимателен я был к ее розе.

— Но ведь он построил лодку,— сказал фотограф,— значит, он капитан.

— Неважно, кто что строил,— сказал милиционер,— важно, чтоб плавание прошло удачно.

— Слушай,— сказал Петюшка, чувствуя, что обидел меня,— а зачем тебе быть капитаном? Ты и лодку построил, и плавание задумал, вот и плыви себе. А капитаном пусть будет фотограф, надо же и ему за что-то отвечать.

— Да какой из фотографа капитан!— возмутился наконец Орлов.— Он и весло-то держать не умеет, не знает, где север, где юг. Тоже мне нашли капитана.

— Проголосуем?— спросил милиционер-художник.

За меня проголосовали Орлов и фотограф, а за фотографа — все остальные и даже Петрович махал у шкафа лапой. Милиционер и Клара обрадовались, что победили, а Петюшка подмигивал: да зачем тебе быть капитаном? Брось ты это.

И я понял, что Петюшка прав. Главное — плыть, куда хочешь. И я вдруг обрадовался, что капитаном у меня стал профессионал-фотограф и получил совсем неслыханный титул: капитан-профессионал-фотограф. Но с Петровичем мне захотелось разделаться немедленно, раз и навсегда.

— Нам пора в дорогу,— сказал я, вставая.— У меня осталась единственная просьба: пускай Орлов заберет мою раскладушку. К Петровичу я больше не вернусь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К 75-летию
Ираклия
Андроникова

Секрет Андроникова

— Ираклий Луарсабович, все знают, как вы прекрасно рассказываете. Уже не одно поколение советских людей слушает ваши рассказы по радио и телевидению. Когда выходит в свет новая передача из телевизионного цикла «Рассказывает Андроников», люди независимо от возраста откладывают свои дела. В чем секрет вашего успеха?

— У меня нет от вас секретов. Я выхожу на эстраду большого зала таким, какой есть. Столик, кресло, стакан чая. Началось это еще в школьные годы в Тбилиси. Хотел рассказывать, но не умел. Говорил сбивчиво, бестолково. Сам первый смеялся, тряс ногой, словно собирался проткнуть паркетную половицу сквозь потолок первого этажа. В среду в нашем классе уроков не было. Были часы «рассказывания». Рассказывать можно было о чем угодно. У одного захворала тетка, другой пересказывал «Приключения Робинзона Крузо». Я выбрал «Ромео и Джульетту» Шекспира. Вышел к доске: «Они любят, а их не любят». Учительница перебила: «Кто это они?»

Тогда я обижался на эти замечания. Теперь вижу — они принесли мне пользу. Во-первых, рассказчику полезно слышать себя, проникать в смысл каждой фразы, каждого слова. Кроме того, звучащее слово несет целый мир интонаций, которые каждому слову могут придать самые необыкновенные оттенки. И это не все. Звучащее слово сопровождается игрой лица. И редко кто обходится без жестов. Я не собираюсь противопоставлять здесь слово устное слову написанному. Не секрет для вас моя любовь к литературе, театру, музыке, искусствам пластическим. Я признался в этой любви в телефильмах, в передачах Центрального телевидения и в радиопередачах. При этом мне помогала моя странная способность схватывать характерные черты наших современников. Я понимал, что нельзя рассказывать описывая или пересказывая. Рассказывая, я всегда показываю. Показываю людей, воспроизвожу их интонации, даже целые сцены.

Еще надо уметь импровизировать. Рассказывая не первый раз какую-нибудь историю, я вдруг увлекался, начинал импровизировать. Мне самому становилось интересно — какое новое слово появится на месте уже привычного. Такие выступления оказывались самыми удачными. Недавно я перечитал свой рассказ о том, как я провалился в филармонии, и чуть не расхохотался от неожиданности. Все оказалось не совсем так, как я помнил.

Особенно важно уметь «показывать», когда разговариваешь с детьми. Именно детям рассказывал я многие сюжеты своих будущих статей и рассказов. И это мне помогало.

— Значит, не случайно первая ваша работа — известная теперь всем «Загадка Н. Ф. И.» — была опубликована в «Пионере»?

— Вряд ли это было случайно, но очень удачно. Надо сказать, что этой первой моей публикации предшествовала длинная история.

Все началось с моего знакомства с Беньямином Абрамовичем Ивантером, или Бобом Ивантером, как его называли. В тридцатые годы Ивантер был редактором «Пионера». Ваш журнал и в те годы пользовался необыкновенной популярностью. Его читали взрослые и дети от первой обложки вплоть до задач, кроссвордов, фокусов и загадок. Было в журнале что-то заразительно интересное, масса выдумки, острое чувство времени, понимание величия свершающихся вокруг тебя дел... Ивантер работал в «Пионере» с увлечением и азартом. О чем бы серьезном или веселом мы с ним ни говорили, он старался использовать что-нибудь для журнала.

Надо сказать, что мои тогдашние занятия, как мне казалось, никакого отношения к «Пионеру» иметь не могли. Я был начинающим историком литературы, мечтал о репутации серьезного ученого. Именно тогда — в 1937 году — я закончил расшифровку таинственных инициалов Н. Ф. И., которые Лермонтов поставил в заглавии нескольких юношеских стихотворений. В купе поезда, в котором мы с Ивантером ехали в отпуск на Кавказ, я и рассказал ему об истории поиска этой загадочной Н. Ф. И. Я рассказал ему, как нашел в Москве внучку Наталии Федоровны Ивановой, той самой девушки, в которую был влюблен Лермонтов, как напал на след старинного семейного альбома, а в нем оказались еще неизвестные лермонтовские стихи... Об этом я написал научную статью, в которую все подробности поиска, разумеется, не вошли. «Ты с ума сошел! — вскричал Ивантер.— Ты академическим стилем задурил себе голову! Это же детективная повесть. Если ты не можешь ее написать так, как ты ее рассказал, мы пригласим в редакцию ребят и посадим стенографистку. А потом ты обработаешь запись, и мы дадим ее в февральский номер. Назвать это надо как-нибудь вроде "Одна из загадок Лермонтова"... Нет! Лучше — "Лермонтовская загадка"... Или... постой: "Тайна Н. Ф. Ивановой". Или, может быть, лучше — "Загадка Н. Ф. И."? Да ты не спорь, ты сперва напиши...»

В Москве все так и произошло, как обещал Ивантер,— он пригласил в редакцию «Пионера» стенографистку, посадил передо мной ребят. В одной из ближайших книжек журнала «Загадка Н. Ф. И.» была напечатана.

— Ираклий Луарсабович, а что вы любите читать сами?

— В детстве у меня была очень хорошая хрестоматия. В ней были стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета... Я очень любил их читать. Любимый мой писатель Гоголь. А «Войну и мир» Льва Толстого я перечитываю всю жизнь. Вообще, по-моему, самое приятное — это перечитывать. Когда я был уже взрослым, появилась удивительная детская книга Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». К этой книге я отношусь как к чуду — трудно представить, чтобы ее не было. Ее не может не быть.

— Так же трудно представить себе, что в нашей литературе нет имени Андроникова. Все читатели «Пионера» и редакция благодарят вас за ваш труд и надеются на новые встречи с вами.

НЈИ

Интервью взяла А. ДРУЯНОВА.

СТРАНЕ НУЖНЫ СТРОИТЕЛИ!

Заместитель министра сельского строительства СССР Иван Тихонович Филин.

Во время беседы.

Замечательная профессия — строитель! Сразу представляешь себе современный дом этажей в двадцать, окруженный подъемными кранами. Но это в городе. А на селе? Что там возводят строители? Что будут строить в XII пятилетке? Об этом шел разговор на встрече пионеров из подмосковной Орудьевской школы Дмитровского района с заместителем министра сельского строительства СССР Иваном Тихоновичем ФИЛИНЫМ.

В беседе принимали участие корреспонденты журнала «Пионер» и пионервожатая Орудьевской школы Римма Евгеньевна Рыбакова.

Корреспондент журнала «Пионер». Иван Тихонович, нашим читателям — а их вместе с участниками этой встречи более полутора миллионов! — начинать свою взрослую трудовую жизнь в будущей, двенадцатой пятилетке. Расскажите, пожалуйста, какая работа ждет тех, кто станет сельским строителем, что им придется строить?

И. Т. Филин. Вопрос очень интересный и актуальный, но я все же хочу начать с наших сегодняшних дел: двенадцатая пятилетка продолжит их.

А главное сегодня заключается в том, что наше Министерство сельского строительства — активный участник и исполнитель Продовольственной программы.

Судите сами: у нас около миллиона строителей, работающих на селе. На огромных пространствах нашей страны — в Белоруссии, Нечерноземье, Сибири, Средней Азии — они строят все, что нужно сегодня сельскому хозяйству. Крупнейшие птицефабрики и животноводческие комплексы, предприятия по переработке и хранению зерна, комбикормовые заводы, мельницы.

Несколько слов о мельницах. Мы считаем это очень важной своей задачей. Почему? Это ведь не старая мельница — водяная или с ветряными крыльями. Сейчас мельница — это крупное предприятие, начиненное различным оборудованием, трубопроводами...

Такая мельница может дать прекрасный помол муки, а от помола зависит и качество хлеба, и количество выпечки. Хорошо смолота мука — и хлеба можно выпечь больше, и он будет вкуснее, чем из муки плохого помола.

Так во всем, что мы строим. Построим современные круп-

ные мясокомбинаты, молокозаводы, консервные заводы, овощехранилища — больше будет в стране продуктов питания, меньше потерь от плохого хранения.

Виталий Фролов. Иван Тихонович, а чем работа сельского строителя отличается от работы в городе?

И. Т. Филин. В принципе труд строителя везде одинаков. Разница, пожалуй, в том, что на селе мы строим рассредоточенно и более мелкие объекты. И еще: рабочие трудятся вдалеке от своего дома. Одни уезжают дней на двадцать, потом возвращаются на отдых — это вахтовый метод. Другие каждый день ездят на стройку в другой район или область.

Вот почему у нас строительные организации, можно сказать, все время на колесах. Недаром их называют передвижные механизированные колонны.

Раз строители работают далеко от дома — мы стараемся, чтобы у них были условия для отдыха. Привозим к ним хорошо оборудованные вагончики. Там есть гардероб, столовая, вагон-общежитие.

Профессия строителя интересна. Он приходит на место, где ничего нет, начинает с нуля, с колышка, а оставляет за собой прекрасное сооружение — элеватор, школу, детский сад. И сельский строитель быстрее, чем городской, может увидеть плоды своего труда и порадоваться тому, как быстро — на глазах — поднялось новое здание.

Володя Роганов. А какими будут новые дома на селе?

И. Т. Филин. Вот мы и подошли ко второму нашему главному делу — строительству жилья на селе. Ведь чтобы люди работали на новых элеваторах и птицефабриках, чтобы выполнялась Продовольственная программа, надо, чтобы и жилье на селе было хорошее, современное, и школы для ребят, и ПТУ, и детские сады. Мы стараемся на селе строить комплексно — не только жилье, но и все необходимое для человека, чтобы здесь, как в городе, были все условия для жизни. В этом году мы построим жилья в колхозах, совхозах, небольших городах на 6 миллионов квадратных метров, а на конец двенадцатой пятилетки наш план — 12 миллионов квадратных метров!

Какие дома мы строим? Ответ тут непростой. Было время, когда мы хотели строить на селе и трех-, и четырех-, и пятиэтажные дома. Но со временем пришли к выводу, что сельский дом не должен быть копией городского. И мы теперь строим в основном одноэтажные дома, причем так, чтобы рядом было место для огорода, строим и помещение для скота, птицы, погреб, а в будущем — и гараж при каждом доме.

Я беседовал с новыми хозяевами таких домов, когда был совсем недавно в Орловской области,— они довольны своим новым жильем.

Мы стремимся, чтобы сельский дом сочетал городской комфорт и особенности сельской жизни. Так, уже сейчас строим две кухни в домах: одна, чтобы готовить для семьи, и другая — для домашних животных. Предполагается, что жилое помещение будет соеди-

няться с подсобным теплым переходом, чтобы можно было, не выходя на улицу, пойти покормить корову или птицу.

Наладить массовое строительство таких домов непросто, но нам необходимо это делать, чтобы люди охотно жили и работали на селе, чтобы молодежь не уезжала в город.

Есть уже и проекты домов на двух уровнях: внизу все подсобные помещения (кухня, столовая и т. п.), красивая лестница ведет на второй этаж, где расположены спальни. На мой взгляд, это дома будущего на селе.

Р. Е. Рыбакова, пионервожатая Орудьевской школы. У нас в Дмитровском районе тоже идет большое строительство. Строятся и новые школы. Нашей, например, всего два года. Она всем хороша — и спортзал, и кабинеты. Но у нас есть претензии к тем, кто готовил проект. Нам очень нужен свой школьный трактородром и свой гараж. А это в проекте не было предусмотрено. Мы думаем, такие проекты уже устарели.

И. Т. Филин. Да, сейчас сельские ребята раньше вступают в трудовую жизнь — и дома работают, и в школе, и в колхозе. Поэтому, конечно, и школы на селе должны быть иными. Вашу школу строили не мы, это московские строители, но пожелания ваши и для нас важны.

Мы в своем министерстве решили идти двумя путями: строить школы и ПТУ. Именно здесь сельские ребята проходят подготовку к труду. Мы уже строим ПТУ с гаражами, трактородромами, всеми необходимыми помещениями для сельскохозяйственной техники. Все же большинство ребят именно в ПТУ получают профессию: школьнику до 17 лет не разрешают сесть за руль трактора, а в ПТУ он уже имеет это право.

Р. Е. Рыбакова. У нас семиклассники в учебных целях водят трактора. Так что полигон нужен и тем, кому четырнадцать лет.

И. Т. Филин. Верно, учатся ребята и в 14 лет, но права все же получают в 17. Согласен, что в проектах будущих школ надо предусматривать и такие площадки для обучения.

Ирина Анисимова. А что еще вы строите для ребят на селе?

И. Т. Филин. Кроме школ, детских садов, мы строим спортивные сооружения, бассейны, пионерские лагеря, Дворцы пионеров.

Когда строим клуб, стараемся, чтобы были помещения для занятий в кружках, читальни.

А какие новые здания, сооружения вы хотели бы увидеть на селе?

Лариса Кузнецова. Хорошо, если будут свои музыкальные школы и художественные. А то нам пока приходится ездить в город на занятия...

И. Т. Филин. Согласен. Пока мы такие школы строим редко, только по особым заказам колхозов-миллионеров. Наверное, те из вас, кто станут строителями, будут строить и новые школы с трактородромами, и музыкальные.

Светлана Логинова. Иван Тихонович, а какие появились новые профессии у строителей?

И. Т. Филин. Чтобы вы представили, как разнообразны строительные профессии, я могу вам сказать, что их сейчас насчитывается около двухсот.

Новые профессии возникают сейчас везде, где появляются машины и механизмы. Если раньше землекоп работал только лопатой, то сейчас землю копают экскаваторы. Маляр работает не кистью, а распылителем. Механизируется труд каменщика, плотника. На многих стройках вы уже не увидите штукатура — работает машинист штукатурной станции, не увидите маляра — работает машинист малярной станции.

За последние годы механизаторов в нашей отрасли стало больше на 10%, а число каменщиков сократилось. Мы все больше переходим к индустриальным методам строительства, все больше будем использовать машины и механизмы.

Игорь Данилов. А где можно выучиться на строителя?

И. Т. Филин. В нашей системе 275 профессионально-технических училищ, они готовят строителей по 50 специальностям. В большинстве училищ дается среднее образование. Окончив такое ПТУ, вы получаете аттестат зрелости и профессию — каменщика, штукатура, монтажника бетонных конструкций, отделочника и т. п. Причем уже с хорошим разрядом — третьим, четвертым или пятым.

При наших строительных трестах есть учебные комбинаты, где готовят в основном механизаторов, скажем, машинистов башенных кранов.

У нас 26 строительных техникумов, где можно получить строительное образование, стать техником-строителем. Во всех республиках (кроме Латвии и Эстонии) есть наши ГПТУ.

Виталий Фролов. Иван Тихонович, расскажите, как начиналась ваша трудовая биография.

И. Т. Филин. После школы я служил в армии, а затем учился в Московском инженерно-строительном институте. Мне посчастливилось с начала до конца участвовать в проектировании и строительстве Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. За участие в этой стройке награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Последние семнадцать лет работаю в Министерстве сельского строительства...

Мы все трудимся, чтобы жизнь наша становилась лучше, богаче, чтобы страна крепла. И строители — самые активные участники этого общего дела. Строители нужны стране!

Строительство идет огромное, и мы с нетерпением ждем нового пополнения, кадров нам все время не хватает. Ждем мы и вас — сегодня еще школьников, а завтра нашу смену, нашу надежду.

Хочу пожелать вам быть людьми честными, любить свою Родину, постараться так построить свою жизнь, чтобы принести наибольшую пользу. По своему жизненному опыту я знаю, что только труд, упорство в труде могут дать удовлетворение и уверенность, что жизнь свою ты не разменял по мелочам...

Я надеюсь, что вас заинтересует то, что я вам рассказал, и мы увидим вас в рядах строителей. Вам заменять нас и продолжать наше дело.

Литературная запись В. БЛИЗНЕНКОВОЙ.

От редакции.

Все, кто захочет принять участие в разговоре с И. Т. Филиным, задать ему вопрос, узнать о строительных профессиях, о делах строителей на селе, рассказать о знакомых строителях, о стройках, могут написать письмо в редакцию.

Наш адрес: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж, журнал «Пионер».

Рисунок В. ДУДКИНА.
Фотографии В. КРУПСКОГО.

Игорь МАЗНИН

Я для нее на все готов

Я для нее
Без лишних слов,
Как говорят,
На все готов:

Сбежать
За тридевять земель
И без пальто
Ходить в метель,

Нырнуть с моста,
Змею схватить,
С ее подружкою
Дружить...

Я для нее
Легко бы мог
Удрать в кино,
Сорвать урок,

Пройти
по краю крыши
И даже
Стать чуть выше...

Лишь выдать,
Что в нее влюблен,
Не смог бы
И за миллион!

Лось

Рассветный лес
И тих,
И нем,
Как будто нету в нем
Сегодня
Никого совсем,
А только —
Мы вдвоем,
Да этот
Робкий ветерок,
Листок
Катящий
Возле ног...

Но — чу!
Ты слышишь
Веток хруст:
Чащобою
Насквозь,
Неся рогов
Тяжелый куст,
К реке
Шагает лось.
Он так огромен,
Что привык
Ходить
повсюду
напрямик.
Прошел...
И сделалась
Слышна
В лесу рассветном
Тишина,
И оказалось,
Что совсем
Он не был пуст
И не был нем,
Что просто
И душе, и глазу
Жизнь
Открывается
не сразу.

Я склонился над цветком

Я склонился над цветком,
А цветок мне незнаком.
Понял я: к исходу дня
Позабудет он меня.

Как и этот — с певчей птицей —
Краснотал ли, чернобыл,
С кем я мог бы подружиться,
Да все чем-то занят был...

Возвращение

Закончился
Космический полет,
Корабль спустился
В заданном районе,
И вот уж целиной
Пилот идет,
Чтоб снова землю
Взять в свои ладони.

И в космосе
Он думал лишь о ней,
Из-за нее
Летал в такие дали,
И лишь о ней
Все двести долгих дней
Писал в своем
Космическом журнале!

Что нужно сделать, чтобы учиться хотелось?

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

УЧЕНЬЕ — ЭТО ЖИЗНЬ

Преодолевая высоту за высотой, ты и твой отряд шагаете маршрутами Марша юных ленинцев. Отряд ваш становится дружнее, самостоятельнее, организованнее, а каждый пионер выше и лучше в мыслях, делах, поступках. Новый этап Марша, который стартует 2 октября, посвящается 60-летию присвоения комсомолу и пионерской организации имени В. И. Ленина. Девиз: «Имя Ленина в сердце каждом! Верность партии делом докажем!»

Начинается новый учебный год. Всякий пионер понимает, что одно из самых важных его дел — учеба.

«*Ученье — это наша жизнь*,— пишет **Лена ОВЕЧКИНА**, юнкор пресс-центра «Родник» Феодосийского Дома пионеров.— *Меня беспокоит то, что некоторые ребята НЕ ЛЮБЯТ учиться, ходят в школу только потому, что так надо. Даже прогуливают уроки. И не понимают, что обкрадывают себя, потому что познание — это высшее наслаждение! Ученье — это работа мысли, в которой радость и захватывающая дух сила. Кто поймет это, тот внесет в ученье поэзию. Кроме того, ученье — это наш долг. Долг перед страной, которая нас учит, дает нам образование. Без ученья мы не сможем стать передовыми людьми своего века. Чтобы стать передовым, нужен широкий кругозор, а какой же кругозор без образования?*»

Ребята! Письмо ЛЕНЫ ОВЕЧКИНОЙ из г. ФЕОДОСИИ кажется нам очень серьезным и своевременным. Мы предлагаем ВСЕМ пионерам и ВСЕМ пионерским отрядам обсудить его на страницах «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

ВОПРОСЫ КО ВСЕМ для размышления и обсуждения:

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ХОТЕЛОСЬ УЧИТЬСЯ, ЧТОБЫ УЧИТЬСЯ РАДОСТНО?
КАКИЕ, ПУСТЬ САМЫЕ НЕБОЛЬШИЕ, ОТКРЫТИЯ УДАЛОСЬ ВАМ СОВЕРШИТЬ В ПРОЦЕССЕ УЧЕНИЯ, ПОЗНАНИЯ МИРА?
КАК РАСШИРЯЕТЕ ВЫ СВОЙ КРУГОЗОР, КАК ЗАНИМАЕТЕСЬ САМООБРАЗОВАНИЕМ?

Очень хочется, чтобы вы внимательно обдумали ответы на эти вопросы. Вспомнили, какую исследовательскую работу проводите вы в кружках, клубах, секциях. Какие олимпиады, конкурсы, викторины, турниры помогли узнать вам новое, интересное, увлекательное. О чем заставили вас задуматься хорошие книги? Встречи с какими людьми помогли вам почувствовать поэзию ученья?

А теперь прочитаем еще одно письмо. Оно пришло со станции Пластуновская Краснодарского края от **Ирины КОРОБКО.**

«*Я учусь в седьмом классе. Кажется, уже взрослый класс и все должны понимать, как важно хорошо учиться. Но порой убедить в этом ребят очень трудно. Учусь я сама на пятерки и четверки, и меня часто просят: «Дай списать!» Я всегда стараюсь объяснить, но списывать не даю. Ребята обижаются на меня за это. Сколько раз я им пыталась доказать, что списывать — вредить самому себе. Но они остаются к этому равнодушны. Разве мы учимся для того, чтобы ответить на уроке? Ответ на уроке только проверяет и закрепляет наши знания — так говорит наша учительница математики Нина Ивановна Дельфинова. А знания должны остаться в нашей памяти на всю жизнь. Потом, когда они понадобятся во взрослой жизни, не попросишь у кого-нибудь списать. Отвечать нужно будет самому*».

Друзья! Давайте обсудим и это письмо. Тут тоже есть о чем подумать.

ВОПРОСЫ КО ВСЕМ для размышления и обсуждения:

КАК ПОМОГАТЬ ОТСТАЮЩИМ?
КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НИКТО НЕ ПРОПУСКАЛ УРОКИ БЕЗ УВАЖИТЕЛЬНЫХ ПРИЧИН?
КАК УЧИТЬ УРОКИ, ЧТОБЫ В КЛАССЕ ВСЕМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО?
КАК УКРЕПЛЯТЬ УЧЕБНУЮ ДИСЦИПЛИНУ?

И снова обдумайте свой ответ неторопливо. Постарайтесь рассказать поподробнее об опыте работы вашего пионерского отряда, о своем личном опыте. Приведите примеры из вашей школьной жизни.

Мы просим всех родителей, учителей, пионерских вожатых, всех ВЗРОСЛЫХ, кто хочет и может помочь нашим младшим товарищам учиться с любовью и радостью, откликнуться на наше приглашение принять участие в РАЗГОВОРЕ.

Ждем ПИСЕМ. Будем читать их в первую очередь. На конверте просим делать пометку: «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

Как расширяете вы свой кругозор?

Всех ребят и всех учителей мы поздравляем с новым учебным годом! И открываем новую рубрику «УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ».

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Света ДЕМИЧЕВА, Люда КРЕСТЬЯНЦЕВА рассказывают о своей учительнице ЕВДОКИИ ФЕДОРОВНЕ КОРЧАШКИНОЙ.

«Евдокия Федоровна с детства мечтала стать учительницей. И, окончив училище, пятнадцать лет работала в своем родном селе Грачевка. В трудные годы Великой Отечественной войны Евдокия Федоровна стала старшей пионерской вожатой. Вместе со своими пионерами помогала она фронту, чем могла. Собирали лекарственные травы, вязали теплые вещи: носки, шарфы, варежки, шили кисеты, собирали махорку. Посылки отправляли на фронт, бойцам. Работали под девизом «Все для фронта! Все для Победы!».

В наш совхоз Евдокия Федоровна поехала по призыву партии, уже после войны, чтобы своим трудом помогать поднимать целину. В нашей Малозейской средней школе наша любимая Евдокия Федоровна учит ребят младших классов, и на ее счету уже пятнадцать выпусков.

Семилетними малышами переступили мы порог школы, и встретили нас добрые глаза и приветливая улыбка Евдокии Федоровны. Она стала для нас второй матерью, вывела нас в мир знаний, доброты и любви к Родине. У нас была веселая октябрятская жизнь, и мы никогда не скучали. Евдокия Федоровна научила нас писать и читать, а еще она научила нас быть честными и трудолюбивыми, научила нас дружить, уважать старших и помогать всем, кому нужна помощь. И сейчас, когда мы стали уже почти взрослыми, мы остаемся друзьями с Евдокией Федоровной, потому что она навсегда вошла в нашу жизнь и всегда будет для нас Учителем».

Оренбургская обл.,
Первомайский район,
с/з «Тепловский».

МЫ ПРОСИМ ВСЕХ РЕБЯТ РАССКАЗАТЬ О СВОИХ ЛЮБИМЫХ УЧИТЕЛЯХ и О ЛУЧШИХ, ЗАПОМНИВШИХСЯ НАДОЛГО УРОКАХ.
ВСЕХ УЧИТЕЛЕЙ, мы надеемся, что они читают журнал «Пионер», мы просим РАССКАЗАТЬ О СВОИХ УЧЕНИКАХ и тоже О ЛУЧШИХ, ЗАПОМНИВШИХСЯ НАДОЛГО УРОКАХ.

Это даст нам возможность подумать и обсудить, ОТ КОГО ЗАВИСИТ, ЧТОБЫ УРОК БЫЛ ИНТЕРЕСНЫМ, и КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ НА УРОКЕ НИКТО НЕ СКУЧАЛ — ни ученики, ни учитель?

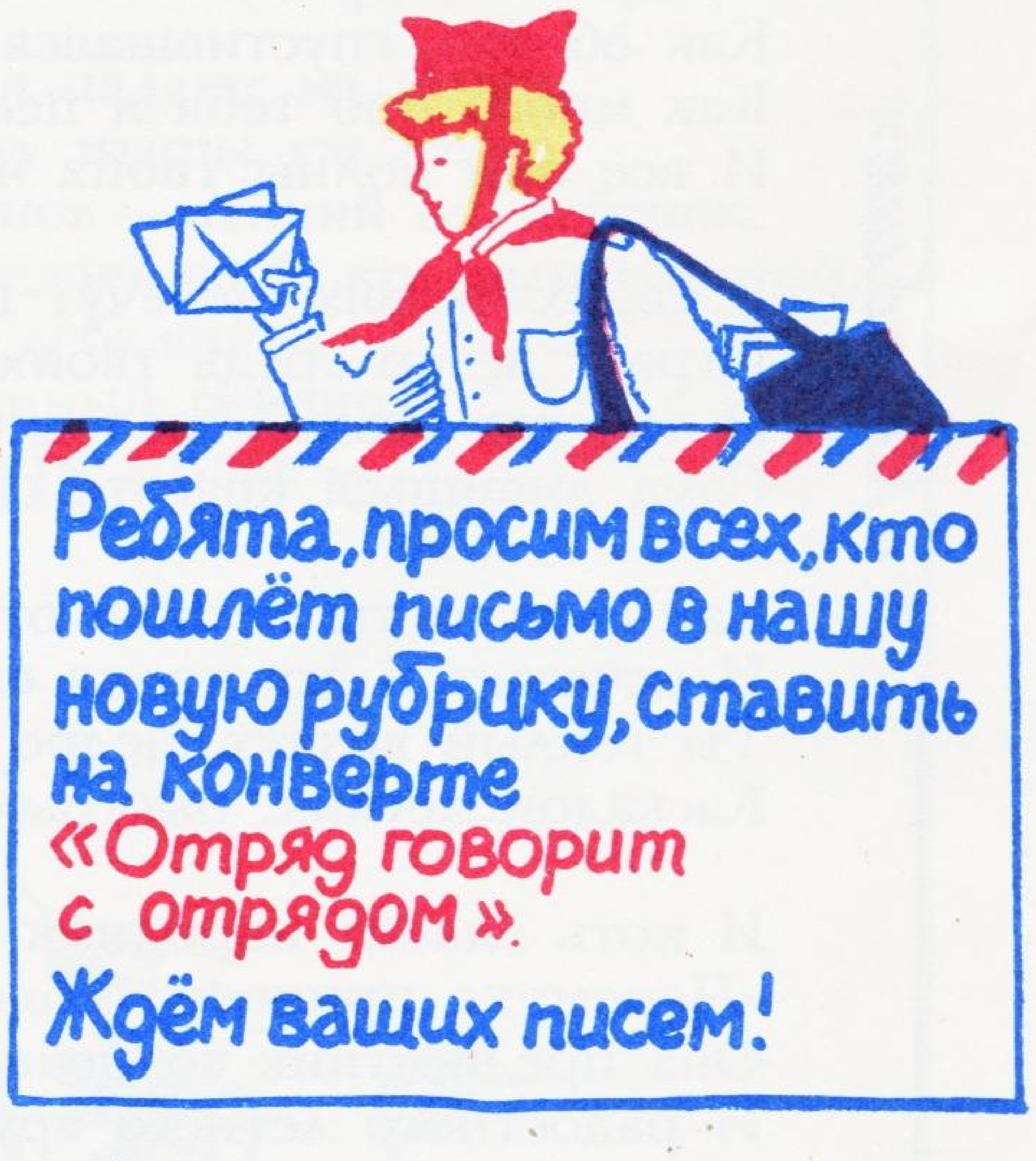
Ждем вашего письма!

Как занимаетесь самообразованием?

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Все ребята — участники сбора-поиска «Верность красному галстуку» рассказывают о пионерском детстве своих родителей, а мне хочется написать о своей сестре Галине Иванятовой. Она осталась верна красному пионерскому галстуку и пошла работать в школу старшей пионерской вожатой. Три года назад, когда Галя пришла в нашу школу, ей было очень трудно, но она не испугалась трудностей, потому что очень любит детей и ей всегда интересно с ними. Ребята это чувствуют и тоже тянутся к Гале. Галя все так устроила в пионерской комнате вместе с ребятами, что теперь туда всем хочется приходить, и в пионерской всегда много народу. Это штаб всех интересных замыслов и дел. А их очень много. Недавно Галю отправляли на семинар вожатых в город Павлодар, а ездили из нашего города туда всего только двое вожатых — лучших, Галя и Люда из 24-й школы. Я и вся наша школа гордимся нашей вожатой Галей. И я во всем хочу быть похожей на свою вожатую и свою сестру. Посылаю вам ее фотографию.

Света Иванятова,
г. Темиртау, школа № 16.



* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Лена ЮДИНА живет в Москве, учится в 8-м классе. Лена любит поэзию, пишет стихи и давно дружит с «Корабликом».

Деревья

Деревья дышат, и деревья спят
Зимой, когда снега лежат по пояс,
И шепчутся, когда ветра шумят,
И замолкают в полдень, успокоясь.

Они умеют плакать и стонать,
И радоваться, летний день встречая,
И, падая беззвучно, погибать,
Когда пила подпилит их, сверкая.

Прохожий! Когда вся природа спит,
Когда вокруг так тихо на рассвете,
Прислушайся, как дерево скрипит,
Пока в его ветвях гуляет ветер.

Черемуха

Воздушная черемуха лесная,
Как облако, спустившаяся в лес,
Как много про тебя я песен знаю,
И все они полны твоих чудес.

В твоих ветвях щебечут птицы звонко,
Играет ветер средь твоих ветвей,
И ты, как беззаботная девчонка,
Сама дивишься красоте своей.

Как быстро ты весною отцветаешь
И исчезает блеск твоих снегов!
Ты теплый воздух щедро наполняешь
Каскадом легких, быстрых лепестков.

И хоть гласит народная примета:
«Черемуха приносит холода»,—
Она предвестник солнечного лета
И радостного летнего труда.

Ире ДОРОШЕНКО 13 лет, живет она в Москве, учится в 8-м классе «Б» школы № 420.

Осень

Осень наступила. Красивая пора!
Гляжу, глазам не верю: вся в золоте страна!
Идешь по тропочке лесной,
Листва лежит перед тобой,
И реже солнышко смеется...
Все чаще ветру поддается,
Красиво блещет желтый лес,
Где много сказок и чудес!

Ручей

Бежит ручей, звенит ручей.
А чей ручей? А он ничей!
Свободен, быстр, как ветерок,
Журчит и песенку поет!

Ручей звенит, ручей поет
О том, как солнышко встает,
О том, как ласточки летят
Из теплых стран к себе назад.

О том, как весело бежать,
Звенеть, журчать, с листком играть,
Как хорошо на свете жить
И с этим ручейком дружить!

«ЛОШАДЬ НА ЛУГУ».
Рисунок Лиды КОСОВОЙ, 8 лет.

Старая школа

Давно не звенел здесь звонок
И школа стояла в печали.
Ответ на вопрос, ответ на урок
Давно уже здесь не звучали.

Все окна разбиты, все двери открыты,
И люди идут мимо школы сердито:
— И что ей стоять здесь? Давно бы пора
Убрать эту школу с такого двора!

А грустная школа стоит и молчит...
Вот мать из окна на мальчишку кричит,
Девчонки играют, мальчишки стреляют,
А старая школа себя вспоминает.

Здесь слышен был раньше шум голосов,
Веселые споры и хохот в сто ртов.
Ребята шутили, играли, смеялись,
Звонок — и по классам они разбегались.
То были счастливые самые дни,
И в памяти школы всплывают они.

Но вот размышленья печальные школы
Прервали старик и внучок его Коля.
— Смотри, в этой школе учился давно я,
Мне дорога эта старая школа...
Но, говорят, что снесут ее скоро.

Здесь будет красивая, новая школа.
Прохожие больше не будут ворчать,
Родители будут детишек встречать.
Здесь будет удобно, красиво и чисто,
Им солнышко пусть улыбнется лучисто:
Им надо учиться, им надо трудиться!
А я уже прожил, наверно, свой век...—
И грустно вздохнул пожилой человек.

«ПОГРАНИЧНИК».
Рисунок Алеши ДЕРГАЕВА из Москвы, 7 лет.

Лебеденок

Золотые листья падают на землю,
Полетели к югу птицы уж давно,
Только лебеденок — птичий он ребенок,
Тут остался, бедненький, круглым сиротой.
Не грусти ты, лебеденок,
Птичий брошенный ребенок:
У тебя здесь есть друзья —
Это он
И это я!

Лене ЖИГАЛКИНОЙ 10 лет, она учится в 4-м классе московской школы № 421.

Разные кошки

Разные кошки бывают на свете:
Серые, белые, черные дети.
Разным котятам жизнь дана,
У каждого котенка своя судьба.

Серому котенку — жить в подвале,
Белому котенку — сидеть на диване,
Рыжему котенку — ловить мышей,
Черному котенку — сторожить ершей.

Ирина СТРЕЛКОВА

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 7, 8.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Киселев

В понедельник Володя вышел из дома спозаранку, чтобы перехватить на автобазе Куприянова. Затем Володе предстоял визит в Двудворицкую школу, где канцелярия откроется не раньше десяти. Разрыв во времени примерно два часа. Можно бы забежать домой, но слишком дальний конец. Поэтому Володя решил сразу взять с собой блокнот Кости-джигита.

Спускаясь вниз по улице Лассаля, Володя размышлял о том, что два часа сегодня пропадут зазря. Расточительность времени — худшая из всех. Так говорил итальянский писатель Чезаре Канту. Человеку, который дорожит своим временем, необходимо иметь хотя бы какое-нибудь средство передвижения. «Хотя бы лошадь!..» — мелькнуло в голове, и сразу представилась сытая лошадка, запряженная в коляску на рессорах, в ту самую коляску, которая бог весть почему до сих пор хранится вместе с прочим хламом в бывшем каретном сарае во дворе музея.

«А почему бы и нет? — спросил себя Володя совершенно серьезно.— Зубной техник Галкин ездил на «Запорожце», теперь купил «Москвич». А я буду ездить на собственной лошади, это дешевле. Не так уж трудно запасти на зиму сена. У меня есть опыт, я держал козу и вполне справлялся...— Володя увидел дивную картину. Вот он утром запрягает свою смирную — непременно смирную! — лошадку и едет на работу. И другие едут на работу в дрожках, в колясках, во всяких прочих экипажах. В Путятине наконец-то оценили конный транспорт, самый дешевый и не загрязняющий атмосферу. Володя заезжает во двор музея, ставит свою смирную — непременно смирную! — лошадку в старинную конюшню. Потом на его лошадке привозят уголь, дрова.— Сколько удобств! Не надо обивать чужие пороги, выклянчивать машину. Все сами, на своем транспорте...» — В мечтах Володя не заметил, как дошагал до автобазы.

Он подоспел вовремя — из ворот выезжал голубой «ЗИЛ» Куприянова.

— Толково! — заявил Куприянов, выслушав Володино предложение.— Сделаю. Сегодня же. В самом лучшем виде.

Провожая взглядом тяжелый «ЗИЛ», Володя с особым вниманием остановил взгляд на могучих колесах. «Никакой лошадке с тележкой не справиться с тем, что сегодня сделает Куприянов на своем «ЗИЛе»...»

Деревенскими улочками Крутышки Володя вышел к городскому парку. Основательная прогулка по тенистым аллеям входила в его планы. При ходьбе мозг заряжается энергией, появляются блистательные идеи, каких вовек не дождешься, высиживая за письменным столом. Сначала Володя поразмышлял о своем вчерашнем разговоре с Валентиной Петровной: «Есть люди, которые избавляют нас от необходимости прилгнуть. Сами все прибавят и досочинят». Идучи к Валентине Петровне, Володя чувствовал себя неловко. Он не имел права доверять ей чужие тайны и не хотел выдумывать фальшивые причины своего интереса к ребятам из Двудвориц. В конце концов он составил уклончивую фразу: «Я познакомился с компанией подростков из Двудвориц, и мне было бы полезно знать, что о них думают в школе». Валентина Петровна тотчас взялась за телефон и стала звонить подруге, которая работает в Двудворицкой школе. «Создал бы ты, что ли, в музее кружок юных историков,— заметила Валентина Петровна, крутя пальцем телефонный диск.— Ну вот, опять занято! Да, кружок — хорошее дело! — Когда наконец Валентина Петровна дозвонилась до подруги, ее воображение превратило собственные благие пожелания в Володины планы работы с подростками из Двудвориц.— Ты ему покажи характеристики,— втолковывала она подруге.— Он кружок создает. Юные историки, очень увлекательное занятие для твоих трудных. Но с одними трудными он пропадет, дай ему на подмогу хороших девочек...»

Вспомнив рекомендации Валентины Петровны, Володя иронически улыбнулся. «Апачи и кружок юных историков? Ха-ха-ха! Несовместимо! Апачи не пойдут в музей. У апачей другие потребности. Их влечет запретность, опасность, риск, тайна, вражда. Апачей только отпугнет перспектива заняться чем-нибудь полезным — для них самих, для людей. Даже если создать в Путятине кружок конного спорта, члены которого будут не только кататься, но и ухаживать за лошадьми, чистить и кормить... Власть в этом кружке — как и в любом другом! — тотчас захватят старательные девочки. Они начнут борьбу с опозданиями. Будут прорабатывать нерях, которые плохо чистят закрепленных за ними лошадей. Установят самые строгие правила приема. И уже не подойдешь к лошади с двойкой в дневнике и с плохой школьной характеристикой.

— Вот именно! — вскричал Володя и остановился. Какая-то очень важная мысль рождалась в голове и требовала максимума сосредоточенности: «Они станут требовать школьную характеристику!.. Ха-ра-кте-ри-сти-ки! В школе одни, у Кости-джигита другие. Но и тем и другим свойственно тяготение к стандарту. Я могу их сравнить, сопоставить. Но это не должно стать простым вычислением среднего арифметического: сложить и разделить пополам. Есть другой путь. Не арифметика, а химия. Две безликие характеристики — это две пробирки с бесцветными жидкостями. Их надо слить в

Дверь распахнулась настежь,
и в кабинет вступила чинно и строго тетя Дена...

одну колбу. Что произойдет? Легкое помутнение? Или взрыв?..

Володя двинулся дальше, радостно потирая руки. «В каждом своем расследовании я стараюсь использовать оригинальный прием. Расследуя кражу четырех фотографических аппаратов, я изобрел метод фотографического воображения. Теперь у меня на вооружении химия. А она, как говорил великий Ломоносов, широко простирает руки свои в дела человеческие».

В Двудворицкой школе Володе выдали по его списку груду папок с личными делами. Он уединился в кабинете химии, под сенью таблицы Менделеева, в окружении шкафов, набитых пробирками, колбами и ретортами. Слева он положил школьные папки, справа — Костин блокнот.

Для начала Володя поставил простейший опыт. Чиба, он же Витя Жигалов. У Кости в блокноте: «Шатен, уравновешен, ловок, хороший семьянин». В школьной характеристике: «Ленив, на уроках невнимателен, в общественной жизни участия не принимает». Прекрасно. И тот и другой реактив абсолютно бесцветны. Володя поставил перед собой воображаемую колбу, приблизил к ее горлышку две воображаемые пробирки с бесцветными жидкостями. В колбу потекли две струйки. И вдруг внутри все забурлило, замутилось, стал выпадать хлопьями голубой осадок.

— Отлично! — Володя поглядел воображаемую колбу на свет. Чиба, он же Витя Жигалов, вовсе не пустой человек.

Дальнейшие опыты неизменно давали бурную реакцию. Жидкость в колбе окрашивалась то в синий, то в зеленый, то в оранжевый цвет, выпадали всевозможные осадки. И лишь однажды никакой реакции не произошло, бесцветные жидкости из двух пробирок мирно втекли друг в друга. Володя взбалтывал воображаемую колбу, ставил на воображаемую горелку. Никакого результата. Перед ним был классический пример приспособления

личности к двум различным формам человеческих отношений.

— Н-да...— пробормотал Володя,— стоит обратить внимание на Куру, ученика 8-го «А» Михаила Курочкина...

«А теперь внимание! — мысленно скомандовал он самому себе.— Максимум осторожности. Исследуется Андрей Бубенцов. Что у него в школьной характеристике? «Слабо развит, интересы ограниченные, в классе авторитета не имеет». А что в блокноте Кости-джигита? «Блондин, уравновешен, хороший семьянин, обладает сверхъестественными способностями...» — Володя поглядел на свет вторую пробирку. Жидкость в ней была словно бы подкрашена чем-то зеленым.— Что ж! Сливаем!» — Володя еле успел отшатнуться. Воображаемая колба в его руках разлетелась вдребезги. Да, это был настоящий лабораторный взрыв. Володя мог торжествовать. «Изобретенный мной метод химической реакции способен давать практические результаты. Я, конечно, не стану делиться полученными сведениями с Васькой и Костей-джигитом,— размышлял Володя, наводя порядок на своем воображаемом лабораторном столе.— И не знаю, стоит ли рассказывать о моих опытах Фоме. Он меня поднимет на смех, Фома — консерватор, он отвергает оригинальные методы расследования...»

Выйдя из школы, Володя не поленился обойти ее вокруг и самым внимательнейшим образом изучить настенные надписи и рисунки, сделанные мелом, углем, карандашами всех цветов. По опыту своего детства он знал, как много можно тут почерпнуть ценнейшей информации. Володя сам когда-то в приступе отчаяния нарисовал мелом на заборе мерзейшую рожу с огромными ушами и оскаленным ртом, а внизу начертал имя своего врага и с наслаждением вывел: «дурак». Множество таких рож глядело на него сейчас со школьной стены, с ближних заборов и стен домов. Володя обратил внимание на то, что все рисунки словно бы выполнены одной рукой. Разные мстители изображали разных своих врагов, но всюду скалилась одна и та же рожа с оттопыренными ушами и тремя волосиками торчком.

«Все это чем-то напоминает ритуальные маски,— подумал Володя.— Сколько лет мне было, когда я в злой обиде нарисовал такую же? Одиннадцать. А ведь в этом возрасте я уже рисовал вполне недурно, одну из моих работ — портрет Таньки на фоне цветущей сирени — взяли на областную выставку юных художников. И все-таки, когда дошло до мести, я изобразил на стене то же, что изобразил бы любой, не имеющий никакого понятия о линии и перспективе...»

Володя так увлекся своими размышлениями, что чуть не проглядел знакомое имя, нацарапанное на стене мелом, причем уже давно, потому что меловые линии раскисли от дождей. А вот и еще одна рожа с такой же подписью. И тоже мел изрядной давности: «Мусин дурак». Значит, очень крепко досадил кому-то в минувшем учебном году восьмиклассник Мусин, он же Костя-джигит.

Но именно о нем Володя до сих пор не знал почти ничего. Прозвище говорило о талантах наездника. Блокнот — о том, что вождь апачей сорганизовал ребят из Двудвориц не в уличную шайку, а в товарищество на паях. В школьной характеристике написано, что у Мусина способности средние, но учится он неплохо, потому что старателен и усидчив. Характеристика совершенно бесцветная, как и все прочие. Однако у Володи нет второй такой же бесцветной пробирки, чтобы произвести лабораторный опыт. Ведь в блокноте вождя апачей отсутствует характеристика Кости-джигита. «Так что мне известно только, что он брюнет. А вот насколько он отважен и уравновешен и какой он семьянин, тут все сплошная неизвестность. И насчет отношений вождя с Бубенцовым тоже. Хотя, возможно, разгадка тайны как раз в отношениях между этими двумя...» — Воодушевленный такой идеей, Володя с удвоенным рвением продолжил свое исследование настенных надписей и рисунков.

Однако, сколько ни искал Володя хоть какое-нибудь упоминание об Андрее Бубенцове, ему ничего найти не удалось. Зато ему удалось обнаружить на стене нового спортивного зала, пристроенного, как видно, совсем недавно к старому школьному зданию, весьма серьезное сообщение. Надпись была сделана карандашом на чистейшем силикатном кирпиче: «Курочкин предатель». Володя потрогал пальцем белые шелушинки возле букв. Карандаш совсем недавний. Кто-то узнал о предательстве Курочкина и решил известить других. «Но почему он решил сделать свою надпись здесь, на стене спортивного зала, где ее никто не увидит до первого сентября? — размышлял Володя, покидая необитаемый летом школьный двор.— Если я найду ответ на этот вопрос, мне очень многое станет понятным...— Володя призвал на помощь воображение и увидел школьный двор, битком набитый ребятами. Первоклассники с букетами и увесистыми ранцами. Старшие налегке, только мятая тетрадка за пазухой. Все в пределах заранее известного и предсказуемого. Но есть одна неожиданность. Какая? — Володя ожесточенно потер лоб.— Так что же там произойдет, в недалеком от сегодняшнего утра первом утре занятий? — И вдруг его осенила догадка.— Вот оно что... Кто-то не придет в школу первого сентября. И не придет тот самый ученик, который оставил надпись на стене спортивного зала. Он потому и написал сейчас, что первого сентября его здесь не будет. Надпись мелкая, но ее заметят. Другим непонятно, однако апачи поймут.— Володя в нерешительности остановился.— Не повернуть ли обратно? Не спросить ли, кто приходил на днях за документами? И какие привел объяснения своего ухода из школы? Возможно, его уход связан с последними происшествиями, со странным интересом некоего Беса к апачам, даже к похищению ружья. А может быть, он просто уезжает с родителями из Путятина и напоследок передает апачам важное сообщение. Пока жил здесь, боялся, а теперь разоблачает Курочкина...— Перебирая в уме возможные варианты, Володя не трогался с места. Ему не хотелось возвращаться в школу. В музее сейчас тихо, никого нет. На полках старинных книжных шкафов среди томов, переплетенных в кожу с золотым тиснением на корешках, стоят и труды по коневодству, каталоги и альбомы с фотографиями скаковых лошадей. Помнится, была там и папка с гравюрами... «Обучать — значит учиться вдвойне»,— говорил французский моралист Жозеф Жубер. Я должен знать о лошадях все. Стыдно щеголять перед мальчишками поверхностной эрудицией...»

Улицы Двудвориц, застроенные одинаковыми бревенчатыми домами в два этажа, навели Володю на размышления:

«Костя-джигит и Бубенцов живут в Доме Пушкина. Имеет ли какое-нибудь значение этот факт?»

В свое время Володя решительно принял сторону жильцов Дома Пушкина в их споре с литераторшей из Двудворицкой школы. По Володиному глубочайшему убеждению, самая темная бабка из дома № 20 была ближе и к Пушкину и к Опекушину, чем все умные дуры на свете.

«Нельзя быть в Двудворицах и не поклониться Александру Сергеевичу».— Володя свернул во двор Дома Пушкина, и его чуть не сбили с ног выскочившие навстречу Васька и Костя-джигит.

— Владимир Алексаныч! Ушел! — горестно вскричал Васька.

— Кто ушел?

— Буба!

— А кто мне давал честное слово? — строго спросил Володя.— Кто мне обещал ничего не затевать? — Под его взглядом Васька уныло съежился, зато вождь апачей держался невозмутимо. Володя понял, что слежка за Бубенцовым целиком Васькина затея и что Васька, возможно, присочинил, будто выполняет Володино поручение.— Я рад, что Бубенцову удалось от вас уйти! — продолжал Володя.— Мне все больше нравится Андрей Бубенцов, хотя я с ним незнаком.— Володя рассчитывал задеть этими словами вождя апачей, вызвать на разговор, но вождь стоял с каменным лицом. А вспылил и завелся Васька.

— Нравится? А вы знаете, чем он занимается? — И Васька с жаром выложил все, что ему удалось узнать.

С утра пораньше он и Костя спрятались под скамьей Пушкина и подслушали вылетавший через раскрытое окно громкий воспитательный разговор матери и бабушки с Бубой. Разговор содержал немало ценной информации. Оказывается, Буба связался со шпаной, не ночует дома, опять угоняет лошадей. Насчет угона лошадей вылетели из окна не только попреки, но и вещественное доказательство — самодельная уздечка.

— Во! — Васька вытащил из-за пазухи ремешки, украшенные накладками из насеребренного металла.

— Тонкая работа! — авторитетно объявил Володя, осмотрев уздечку.— С чего вы взяли, что это самоделка? Такую и в музее не стыдно выставить.

При слове «музей» Васька сделал охотничью стойку. Володе удалось воспитать в нем величайшее почтение к своим занятиям.

— Ну? — Васька выразительно глянул на вождя апачей: «Как? Отдадим в музей?»

Джульбарс уверенно взял след.

— Пожалуйста, берите.— Костя ухмыльнулся.— Буба себе другую сделает, еще лучше. Он в прошлом году, знаете, какую сделал! Из дедова офицерского ремня! Тоже мать и бабушка ругались. Память о деде. Буба им обещал больше не ходить с угонщиками. А сегодня они плачут, а он уперся: «Ходил и буду!» Орет на них. Раньше никогда не орал.

— Я не маленький! — проверещал Васька, явно подражая голосу Бубы.— Имею право сам выбирать своих друзей! — В Васькином эмоциональном исполнении речи Бубы звучали на редкость нагло и бессердечно.

«Я, кажется, поторопился выразить симпатии к этому Бубе,— подумал Володя.— И я опростоволосился с оценкой уздечки, уронил свой авторитет. Надо что-то предпринять, чем-то их удивить».— Володя предложил Ваське продолжить свой рассказ и стал слушать с особым вниманием, выискивая, за что бы зацепиться.

Наблюдатели видели, как ушли из дома мать и бабушка Бубы. Васька неслышно прокрался к дверям квартиры Бубенцовых на втором этаже и обнаружил на дверях огромный висячий замок. Наблюдатели пришли к выводу, что Буба подвергнут домашнему аресту. В Двудворицах эта мера наказания применяется часто. Васька и Костя-джигит не оставили своего наблюдательного пункта и сосредоточили внимание на окнах квартиры Бубенцовых, выходивших во двор. Время шло, но Буба не делал попыток выбраться из дома через окно. Васька еще раз подкрался к дверям квартиры Бубенцовых, чтобы подслушать, чем занимается Буба. И тут Ваську ожидал неприятный сюрприз. Огромный висячий замок исчез, окно на лестничной площадке, выходившее на противоположную сторону дома, оказалось полуоткрытым. Буба перехитрил наблюдателей и скрылся.

— Бежал через окно? — Володя мигом понял, что вот она, зацепка.— Нет,— сказал он сыщикам,— тут что-то не так...— И предложил им еще раз повторить все сначала. Когда они, перебивая друг друга, дошли до огромного висячего замка, Володя мысленно вскричал: «Эврика!»

— Вот что, Костя... Нет, лучше ты, Васька. Сходи-ка проведай заново квартиру Бубенцовых, и ты увидишь, что замок опять на месте. Обязательно дотронься до него, и ты убедишься, что, во-первых, он висит не в замочных петлях, а прикручен как-нибудь и, во-вторых, он не заперт.

Васька молниеносно исчез и немного погодя вернулся с вытянутой от изумления физиономией.

— Висит! Незапертый! Владимир Алексаныч, как вы догадались?

— Очень просто! — Володя специально натренировался в произнесении этой реплики. Жест смущения, слабая улыбка — и собеседники догадываются, что все было далеко не просто. А собственные наблюдения кажутся любому куда убедительнее чужих слов.— Да, очень просто,— повторил Володя с удовольствием.— Где ты, Васька, видел, чтобы двери квартир запирались в наше время на висячие замки? Такие замки предназначены для сараев и кладовок. Я уверен, что в дверях квартиры Бубенцовых есть внутренний замок. А висячий прицепил Андрей. Невинная хитрость! Андрей надеялся, что вы увидите замок и подумаете, что его нет дома. Но вам взбрело в голову, что Андрей посажен под домашний арест, и вы остались. Андрей наблюдал за вами из окна, он, очевидно, огорчился, что хитрость не удалась, и снял замок. Вот тут ты, Васька, подкрался к двери Бубенцовых второй раз, обнаружил, что замка нет, и поднял тревогу. Андрей увидел, как вы умчались сломя голову. Теперь он мог спокойно уйти. Причем не отказал себе в удовольствии опять прицепить замок на дверь. Он надеялся, что ты, Васька, туда наведаешься в третий раз. Ты именно так и поступил, но уже по моему совету...

Васька не сразу взял в толк Володины разъяснения, но, когда наконец понял, в чем состояла хитрость Бубенцова, покатился со смеху. Костя-джигит уяснил себе все с первых слов и, кажется, проникся к Володе заново большим почтением.

— Вот что...— Володя изобразил наивысшую строгость.— Чтобы больше никаких не согласованных со мною действий! Иначе я отказываюсь вам помогать. Даете слово?

— Даю! — веско промолвил вождь, и Володя догадался, что слово это дано не только за себя, но и за Ваську.

— Ну! — Васька вместил по своему обыкновению в один краткий эмоциональный возглас весьма основательную и прочувствованную речь: «Я больше не буду! Но уж вы, Владимир Алексаныч, не подкачайте! Я вас так расхвалил этим пустоголовым апачам».

По пути в музей Володя выведывал у Кости-джигита дополнительные сведения об апачах. Чем, например, может сегодня заниматься Чиба, Витя Жигалов? Тем же, чем всегда. Сидит дома, мастерит электрогитару. «Ага, вот что означают голубые хлопья в осадке,— подумал Володя.— Витя Жигалов умелец и конструктор».

— Ну, а, например, Курочкин? — Володя задал этот вопрос как можно равнодушней.

Вождь замедлил с ответом, и его опередил Васька:

— Он в кино пошел, Владимир Алексаныч!

Володя внутренне подосадовал на неуместную Васькину шустрость, но, делать нечего, излишний интерес к Курочкину может насторожить Костю-джигита.

...Музей по понедельникам был закрыт для посетителей. В вестибюле тетя Дена вязала носок. Володя прошел черным ходом во двор, поднялся по чугунной наружной лестнице в кабинет директора. Через минуту он уже унесся далеко отсюда, на просторы южнорусских степей, в знаменитый Хреновский конный завод, где граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский вывел новую породу лошадей, несравненного орловского рысака, красу России.

В этой толстенной книге упоминались все русские императоры, каждый из них был причастен к судьбе того или иного орловского рысака. Но в сравнении со знаменитыми рысаками, вписавшими свои имена в историю русского коневодства, императоры выглядели мелко и незначительно.

С восторгом прочел Володя страницы, посвященные великому, несравненному Крепышу. Поражение Крепыша в 1912 году на московском ипподроме стало черным днем для всех русских любителей конного спорта. На славу орловского рысака подло посягнул наездник-иноземец. Он придержал Крепыша и дал выиграть приз американскому рысаку Дженераль Эйчу.

«Черный день России. Каково?! — Володя задумался.— Я сейчас вычитал очень важную для меня подробность. Лошадь как предмет народной гордости. Создатели породы орловских рысаков гениально угадали, какая лошадь по всем своим качествам отвечает русскому вкусу, русскому характеру. Но ведь все эти годы, когда на конных заводах пестовали орловского рысака, по деревням крестьяне создавали своего, крестьянского, работящего коня.

Сколько наверняка существовало неписаных конских родословных. Знали ведь, чье потомство славится силой, выносливостью, неприхотливостью. Знали и упорно, последовательно отбирали. У каждого народа своя любовь к лошади, свои требования к ней. У кавказского горца — своя, у степняка-казаха своя. «Какой русский не любит быстрой езды»,— писал Гоголь, воспевший русскую тройку, птицу-тройку. Но превыше всех самых красивых и самых родовитых лошадей крестьянская лошадка, впряженная в плуг».

Теперь Володя знал, о чем ему надо говорить с апачами и с другими путятинскими лошадниками. Он прочтет им цикл лекций. Здесь, в музее. Их жестокость к лошадям — результат невежества.

Володины мечтания были прерваны гулкими шагами по ступенькам наружной лестницы. Двое торопливо поднимались в кабинет. Володя поднял голову и с любопытством посмотрел на дверь. Она распахнулась настежь, в кабинет вступила чинно и строго тетя Дена, за ней протиснулась бочком старуха, державшая в руке тонкую хворостину. Володя узнал «Дебринскую Анютку».

Фомин

В воскресенье утром, едва Фомин показался в горотделе, на него накинулся дежурный.

— Ты где пропадаешь? Полчаса тебя ищем! Срочно на полусогнутых к Налетову!

Петр Петрович Налетов и его заместитель Вадим Петрович Баранов беседовали с каким-то старичком.

— Садись и слушай! — сказал Налетов.— Товарищ из Ленинграда, слесарь с Кировского завода, приехал отдохнуть в родной деревне.

— Живу в своей деревне, привожу в порядок родительский дом,— рассказывал старичок.— Скоро пенсия, вот и подумываю, не перебраться ли сюда насовсем. Починил крышу, расчистил сад. Копаюсь помаленьку. Места дальние, глухие, ни одна душа в мою деревушку не заглядывает. Начинаю понемногу знакомиться с жителями соседних, таких же глухих деревушек. Они-то и предупредили меня, что в лесу появились подозрительные туристы. Ходят по деревням, что-то высматривают, лазят в заколоченные дома. И замечено, что кое-где из пустых домов исчезли иконы. Я проверил у себя в деревне — как будто все на месте, все цело. А вчера пошел в Ермаково за продуктами, возвращаюсь к вечеру, и вроде бы что-то не так, вроде бы у избы, что рядом с моей, доски, которыми окно заколочено, передвинуты. Дай, думаю, проверю. Подозрительного окна касаться не стал, распечатал соседнее. Заглядываю в избу — так и есть, красный угол ободран, икон нет. Хотел было бежать в Ермаково к участковому, но не решился на ночь глядя. Кто их знает, грабителей, может, они за мной подсматривали. А утром взял пестерь, будто бы по грибы, а сам прямиком в Ермаково,— смущенно закончил ленинградец.

Налетов встал и торжественно пожал руку старичку.

— Вы действовали точно и умело. Большое вам спасибо.

Фомин, слушая ленинградца, сначала приуныл. Не сбылась надежда, что нашлось наконец ружье. Ведь для Фомина главным было отыскать ружье, а не ловить угонщиков. Но потом он повеселел. Если позвали слушать старичка, значит, возьмут в группу по задержанию.

Возглавил группу сам Петр Петрович. В нее вошли Баранов, Фомин, участковый и еще проводник с собакой, с тем самым Джульбарсом, который обнаружил в монастырском подземелье украденные фотокамеры.

В обворованной избе Джульбарс уверенно взял след. Участковый по приказанию Налетова остался в деревне. Фомин бежал за проводником. Налетов и Баранов стали отставать.

«Нагло орудовали,— размышлял Фомин.— Никаких хитростей, чтобы сбить собаку со следа. Считали, что сделали свое дело аккуратно, окно заколотили, единственный — и к тому же временный — обитатель деревушки ничего не заметил... Или... Или они собирались сразу же удрать из своего лагеря. И катят сейчас по шоссе на тех самых желтых «Жигулях».

Джульбарс в азарте погони выскочил на знакомую Фомину поляну и обескураженно завертелся на месте.

«Так и есть! Ни палаток, ни машины!» — В ожидании, когда появятся Налетов и Баранов, Фомин решил повнимательнее осмотреть поляну.

«Вот здесь стояли «Жигули», и я исползал на карачках всю траву в поиске пыжей. Ну, а если предположить, что некто мне неизвестный пытался помешать отъезду похитителей икон? Он прострелил шины в ночь на субботу. Из-за неизвестного они проторчали на поляне лишних два дня, однако времени даром не теряли, продолжали шарить по пустым избам... Но что же мешало неизвестному пойти и заявить о похитителях икон в милицию? Только то, что он их поля ягода. Конкурент!..— Фомину пришла на память болтовня дяди Васи про схватку в лесу двух бандитских шаек.— А что, если Толя вправду проговорился дяде Васе о конкуренте или конкурентах, дал толчок фантазии умельца? Не исключено. А Кисель болтал разные глупости насчет интеллектуальной элиты и потом намеревался дать мне ценный совет, но я торопился и положил трубку... Что хотел сказать Кисель? Что он знает об этих туристах? О неизвестном, который украл ружье у спящих лошадников и прострелил шины?..»

Послышался треск сучьев, из лесу показались запыхавшиеся Налетов и Баранов. Бегло осмотрев покинутый лагерь, Налетов решил разделить группу на две.

— Ты, Вадим Федорович, двигайся обратно. Выйдешь к машине, свяжешься с ГАИ, узнаешь, что им известно о желтых «Жигулях», нас встретишь у моста через Медвежий овраг. Фомин, отсюда сколько километров ходу?

— Не больше семи.

— Засекаем время.— Налетов и все остальные поглядели на часы.— Выход на шоссе через два часа.

— Не много ли? — спросил Фомин.— Дорога хорошая.

— Прогуляемся, не спеша осмотрим дорогу, Джульбарс поработает. Они могли припрятать иконы где-нибудь в лесу. После происшествия с шинами их «Жигули» под особым наблюдением, это они знают. Припрятали иконы, уехали чистенькими, потом выждут срок и вернутся за иконами.

На лесной заросшей дороге переплетались три автомобильных следа. Самый широкий — от «ЗИЛа», на котором сюда заезжал Куприянов. Поуже — от «газика» ГАИ. Самый узкий и недавний — от «Жигулей». Впереди шел проводник с Джульбарсом на поводке, позади — Налетов и Фомин, внимательно осматривая каждый свою сторону дороги. Ничего подозрительного не встречалось.

Километра через три на дороге появился еще один автомобильный след. Кто-то на тяжелой грузовой машине разворачивался довольно бестолково. Заехал в лес, оставил на мягкой почве четкий рисунок протекторов, выехал на дорогу и отчего-то забуксовал на вполне сухом месте, долго тут бился и провертел колесами две глубоченные ямы.

Джульбарс заволновался.

— Они тут вылезали «Жигули» толкать,— пояснил проводник.

— Осмотри лес вокруг! — Налетов присел на корточки возле отпечатков шин на мягкой лесной почве.— А ведь тот же «ЗИЛ»! Щербатина на правом протекторе. Как думаешь, Фомин, почему Куприянов не доехал до них? Почему повернул обратно?

Фомин много чего успел подумать, разглядывая ямы, набуксованные на дороге. Он и про Киселева подумал — со злостью: «Куприянову такого в жизни не сообразить. Это Кисель! Опять лезет не в свое дело!» Но выкладывать такие догадки начальству? Ни за что.

— Кто его знает,— промямлил Фомин.— Если бы другая машина... Можно бы предположить, что шофер ошибся дорогой, на этом месте ему стало ясно, что он едет не туда. Развернулся и поехал обратно. А Куприянов?.. Его могли на этом месте встретить. Кто-то ему знакомый сел в кабину, и они поехали обратно.

— Возможно,— сказал Налетов.— Растешь на глазах.

«И еще кто-то... растет!» — чуть не сорвалось у Фомина.

Проводник вернулся и доложил, что, пожалуй, никто из преследуемых здесь не откололся. Двинулись дальше. Дорога виляла под уклон, ямы, пробуксованные сумасшедшим «ЗИЛом», становились все глубже, вокруг них валялся истерзанный хворост, втоптанные в грязь еловые лапы. Возле одной из ям Джульбарс облаял рваную брезентовую рукавицу, возле другой проводник поднял обнаруженную Джульбарсом кожаную пуговицу.

— Фирменная! Хозяин спасибо скажет.

— Ну, ты оптимист! — удивился Налетов.— Вам с

Возле машины на поваленной сосенке сидели спиной к лесу четверо.

Джульбарсом от жуликов спасибо? — И спросил Фомина: — К болоту идем?

— С километр осталось! — доложил Фомин. — Болото обширное, через него проложена гать. Давно прокладывали, сгнила. — Свои догадки относительно того, в каком виде сейчас гать, Фомин оставил при себе.

Проводник с Джульбарсом продолжали педантично прочесывать лес по обе стороны дороги. Никаких следов. Пассажиры «Жигулей» в полном составе упорно пробивались к шоссе.

Лес все больше редел, мельчал, обрастал седыми космами, тонул во мху. Наконец завиднелась меж деревьев яркая зелень болота, блеснуло оконце чистой воды.

— Р-р-р... — негромко предупредил Джульбарс проводника.

— Спокойно, — посоветовал псу Фомин. И пояснил проводнику: — У них там собака.

Он не ошибся в своих догадках. Куприянов постарался. Гати не было. На ее месте пузырилась черная болотная жижа. В сторонке приткнулись «Жигули». Возле машины на поваленной сосенке сидели спиной к лесу четверо.

— Останешься в лесу, — приказал Налетов проводнику. — А то твой Джульбарс с ходу опознает вора, испортит нам первую радостную минуту встречи. Ты, Фомин, подойдешь к ним как к добрым знакомым. Мы с тобой ищем не похитителей икон, а подростков-лошадников. Ясно?

— Ясно! — отозвался Фомин.

При его приближении вылез откуда-то золотой медалист Ральф и злобно рявкнул. Сидящие на дереве повернули головы. Никакого испуга в глазах, только ожесточение. Полюбуйтесь, мол, нашей российской расхлябанностью. Тем, что может натворить какой-то олух!

— Н-да, — посочувствовал Фомин, разглядывая ободранную сосну по другую сторону болота. — Онто себя на тросе вытянул, а вам как выбраться? До зимы придется ждать. Пока не замерзнет. — Среди четверых сидящих на поваленном дереве Фомин обнаружил новое лицо. Подросток в шикарных темных очках, делающих его похожим на заграничного гангстера. «Это, конечно, Безин. Тогда где же Толя?» — Фомин перевел взгляд на «Жигули» и увидел, что задняя дверца приоткрыта, из машины торчат ноги в грязно-белых шерстяных носках. Толя, конечно, повкалывал больше всех и теперь спит. — Петр Петрович! — крикнул Фомин Налетову. — Идите сюда, я старых знакомых встретил! — Налетов подошел, оглядел «Жигули», жалостливо поохал. — Лошадников ищем, — пояснил Фомин своим «старым знакомым». — Третий день. Вам они сегодня не попадались?

Вопрос остался без ответа. На лицах было нарисовано: «Иди ты куда подальше! И без тебя тошно». Ральф занервничал, наставил уши. Наверное, почуял неподалеку другого пса.

— Ваша собачка не укусит? — благодушно спросил Налетов.

Фомин приготовился. Сейчас Налетов скажет, что и с ними есть собака, позовет проводника, будто бы замешкавшегося в лесу, и Джульбарс укажет на вора... Но все испортил Безин. Вскочил, схватил спортивную сумку и кинулся бежать.

— Назад! — заорали на него три глотки. — Идиот!

Безин удирал без оглядки.

— Задержи! — бросил Налетов Фомину. — Сумку не прозевай.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

САМИ О СЕБЕ

Как мы с мальчишками подружились

Началось все в августе. Сначала мы крупно с мальчишками поссорились, потому что они не выполняли пионерские поручения, не приходили на трудовые часы, не сдавали макулатуру. Мальчишки говорили нам, что им некогда заниматься «девчоночьими делами». Мы долго на мальчишек дулись, но решили, что этим делу не поможешь, и начали сами работать. Собрали 912 килограммов макулатуры, а когда начался учебный год, начали переписку с родственниками героя, чье имя присвоили нашему отряду. Нашли много материалов о герое и сдали их в школьный музей.

А мальчишки только над нами подтрунивали: «Работайте, работайте, солнце еще высоко». И гоняли в футбол.

Тем временем прошел год, и настал тот сбор совета дружины, на котором подводили итоги учебного года. Наша вожатая Света встала на этом сборе и сказала: «Ребята! Большой вклад в пионерские дела нашей школы внесли девочки 5-го «Г» класса. Молодцы!»

Тут наши мальчишки покраснели, как помидоры, им стало очень стыдно. А нам вручили почетную грамоту и предложили поехать в соседний город. Но мы... отказались. Потому что, когда посмотрели на мальчишек, у них горели от зависти глаза. Мы решили никуда не ехать без них, а пойти просто всем классом в кино. Мальчишки оценили и наш отказ и наше предложение. Теперь наш класс всегда и везде вместе, теперь мы крепко дружим.

Р. САФИНА,
г. Казань.

Наша Мурза

Давно просили мы родителей, чтобы у нас жил котенок, и после долгих уговоров они разрешили. Наша Мурза — так мы с сестрой назвали котенка — была ярко-серого цвета с полосками на спине, а на одном ухе — рыжее пятнышко.

Мурза очень любила спать там, где мягко и тепло. На подушке, которую мы положили ей в углу, на папиных чувяках, у нас на кровати в ногах. Когда наступила осень и пришли холода, Мурза стала спать на батарее. Всю осень и зиму проспала там. А весной, когда отключили отопление, Мурза снова приспособилась. Под моей кроватью лежала вата для матраца, и Мурза стала ложиться в нее.

Однажды мы увидели, как Мурза перешла на соседний балкон, где сидела старушка и сушила на солнышке ковер. Мурза тотчас улеглась на мягкий ковер. Старушка согнала нашу Мурзу, и она, обиженная, вернулась домой.

Мурза прожила у нас целый год, а потом куда-то пропала. Может быть, отправилась путешествовать в более теплые края?

Вика ЧЕРКАСОВА,
г. Баку.

10 сентября 1973 года наш самолет взял курс на столицу Чили Сантьяго. Пассажирами были артисты знаменитого советского ансамбля «Березка». Они летели на гастроли в Аргентину. В Сантьяго их ждал самолет аргентинской авиакомпании.

Рейс был обычным. Правда, над Панамой встретила гроза. Но мощный «Ил-62», пилотом которого я был, легко ее проскочил.

После заправки горючим в Лиме до Сантьяго летели уже ночью. Благополучно приземлились в аэропорту Падауэль, где нас встретил представитель Аэрофлота. От него мы узнали, что обстановка в городе крайне напряженная. Во время предыдущих рейсов мы уже не раз видели уличные схватки между фашистскими молодчиками и сторонниками правительства Альенде. Однако никто из нас не предполагал, какая трагедия ждет чилийский народ.

Мы остановились в гостинице «Конкистадор». Под утро нас разбудил грохот танков и стрельба. Из окна я увидел людей, жавшихся к подъездам домов. На мостовой лежали трупы.

Появились вертолеты. Они вели огонь по окнам домов. Хунта предупредила по радио, чтобы никто из домов не выходил и из окон не высовывался... Несколько очередей попало и в нашу гостиницу.

В двенадцатом часу над президентским дворцом «Ла Монеда» взвились военные самолеты. Они бомбили незащищенный дворец. Из окон гостиницы (гостиница стояла в трехстах метрах от «Ла Монеды») мы видели, как он загорелся. Вскоре радио сообщило о государственном перевороте. Мы узнали, что власть в руках военной хунты и в стране введен круглосуточный комендантский час, закрыты все аэродромы.

Забегая вперед, скажу, что по этой причине не смогли своевременно вылететь из Сантьяго артисты «Березки». Они провели здесь целых шесть тревожных дней.

Всю следующую ночь в городе продолжалась стрельба. Это сторонники президента Сальвадора Альенде отражали атаки солдат. Два мощных взрыва потрясли наш квартал. Оказывается, в соседнем здании банка засели рабочие и служащие, отказавшиеся признать власть военной хунты. Мятежники подорвали здание банка.

Радио ежечасно передавало распоряжения хунты. Мы узнали, что хунта порвала дипломатические отношения с Республикой Куба, что иностранцы, проживающие в Чили легально или нелегально, должны явиться к властям...

Что делать? Решаем звонить в посольство.

После короткого разговора по телефону нам сообщили, что требования хунты пока к нам не относятся.

К вечеру позвонил представитель Аэрофлота. Он жил на окраине города и в разгар переворота пробраться к нам в центр не смог. Представитель Аэрофлота запросил у меня список членов экипажа с полным указанием фамилий, имен и отчеств. «Зачем?» — спросил я. «Нужно»,— ответил он и тут же повесил трубку. Через час он позвонил снова, передал распоряжение быть готовыми.

К чему? На этот вопрос пока никто не мог ответить...

Прошел еще день томительных ожиданий. В десять вечера новый звонок. Нас просят выйти в вестибюль. «Подойдет автобус,— объясняют нам,— и доставит вас на аэродром».

В автобусе — солдаты хунты. Автоматы наизготов-

ку, хмурые, настороженные лица. Конвой. Или охрана?

Едем медленно. Множество контрольных пунктов. Кругом слышны выстрелы, короткие очереди автоматов. Наконец мы в аэропорту. Среди пассажиров нашего самолета — члены посольства Республики Куба. Они полетят с нами до Гаваны.

Самолет освещен фарами четырех автомашин. Перед трапом полукругом стоят солдаты с автоматами. Через этот «эскорт» проходят кубинские дипломаты. Некоторые из них перевязаны — пришлось обороняться в здании посольства от мятежников.

Обстановка оставалась напряженной. Все вспомогательные наземные средства запуска двигателей оказались неисправными — так нас информировало начальство. Придется, значит, рассчитывать только на свои средства...

Самолет спешно готовился к полету.

— Из вспомогательного двигателя сильно течет топливо, — доложил бортинженер.

Странно, с чего бы двигатель стал течь?

С трудом удается исправить неполадку.

Впрочем, на исправление не было времени. Бортинженер обнаружил трещины на топливном коллекторе двигателя. Он зажал их руками и держал до тех пор, пока не заработали основные двигатели.

Старший бортпроводник докладывает, что пассажиры просят пить, а на борту всего три бутылки «боржоми».

— «Боржоми» только раненым и детям. Остальным вода из умывальников! И предложи раненым бортовые медикаменты. На взлете все, кто остался без места, пусть сядут на пол в проходах между кресел.

Когда в салон поднялся последний пассажир, мы увидели у трапа беспокойно прыгавшую овчарку. Кто-то из кубинцев стал горячо просить не оставлять в Сантьяго любимицу всего посольства. Но как ее взять, ведь по закону нужна ветеринарная справка, намордник... И все-таки мы взяли овчарку. Не время было для соблюдения формальностей.

— На всякий случай закройте ее в туалете, — прошу я бортпроводников.

Собаку на руках поднимают по трапу.

Экипаж занимает свои места.

— Погасить в салонах свет! Навигационные огни не включать!

Каждый взлетающий сейчас самолет в глазах альендевцев хунтовский, и случайный выстрел в лучшем случае может испортить обшивку, нарушить герметизацию... Взлетаем с погашенными взлетными фарами.

Летим в иссиня-черном небе с выключенными навигационными огнями. Лишь в пассажирских салонах включено дежурное освещение. Бортрадист работает только на прием. Собирает сведения о погоде. Любой выход в эфир запрещен. В случае нарушения «...за безопасность полета не отвечаем», — предупредили нас перед вылетом.

Штурман докладывает: пересекаем границу Перу. Выждав некоторое время, выходим на связь. Лима удивляется: о нашем полете там ничего не знают. Ладно, объяснимся после посадки. Пока же просим, чтобы нас встретили работники советского и кубинского посольств...

Рассвет застает над Панамой. Опять минуем мощный грозовой фронт. Летим над Карибским морем. Скоро Гавана. Оттуда несутся тревожные запросы: как пассажиры? Всех ли удалось вывезти?

Мне кажется, вся Гавана пришла встречать самолет. На земле, на балконах, на крыше здания аэропорта Хосе Марти — повсюду, куда ни бросишь взгляд, люди. Рейс окончен. Мы счастливы, что сумели вывезти кубинских товарищей, выполнить свой интернациональный долг. Но сколько добрых, честных людей осталось там, в руках хунты... От этой мысли на душе становится тревожно.

Тревога эта не покидает меня и сейчас, спустя десять лет с того памятного рейса.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Рахим ГАРАЙ

Кленовый лист

Сегодня в классе на уроке
Так долго музыка не молкла—
Про листопад мы песню пели,
А он швырял нам листья в окна.

Вдруг пятипалый лист кленовый
Впорхнул в открытое окошко.
В моей тетрадке приземлился
И мне раскрыл свою ладошку.

А я смотрел на лист кленовый—
В нем все прожилочки светились,
С ним песня пелась по-иному,
По-новому слова ложились.

Я видел, как уходит осень,
Торопится, теряет листья,
Горят все ярче и тревожней
Рябин оранжевые кисти.

И столько-столько красок разных...
Они видны любому глазу.
Но песни, что слагает осень,
Нам открываются не сразу.

Журавленок

Собирались в стаи журавли,
Уплывали, таяли вдали.
Лишь остался журавленок мой,
Жестяной,
но для меня живой.

Я его нашел на чердаке,
В пыльном, захламленном уголке.
Я его от ржавчины отмыл
И в гнезде забытом поселил.

А сегодня мы с ним заодно,
Смотрим в запотевшее окно—
Там, вдали, журавушки летят,
Окликая в небе журавлят.

Осень

В лесу осеннем видно далеко—
К зиме ведут сквозные коридоры,
Своей свободой ветер раззадорен,
Сдаются листья в плен ему легко.

То, как собаки, вслед за ним бегут,
Покорные, дорогу устилают,
Подпрыгивают, мечутся, стенают,
То, сбившись в стаи, медленно бредут.

Неужто лес и вправду так покорен?
Неужто листьев огневое море
Так сбить легко, и под ноги сложить,
И яркость красок разом приглушить?

Но нет, остались летние приметы:
Вон на осинке светлая монета
Из всей коллекции блестит одна,
Но держится за дерево она.

С ней рядом клен. Не клен, а стойкий воин,
Своих доспехов бронзовых достоин.
Его резные солнечные листья
Костром последним освещают выси.

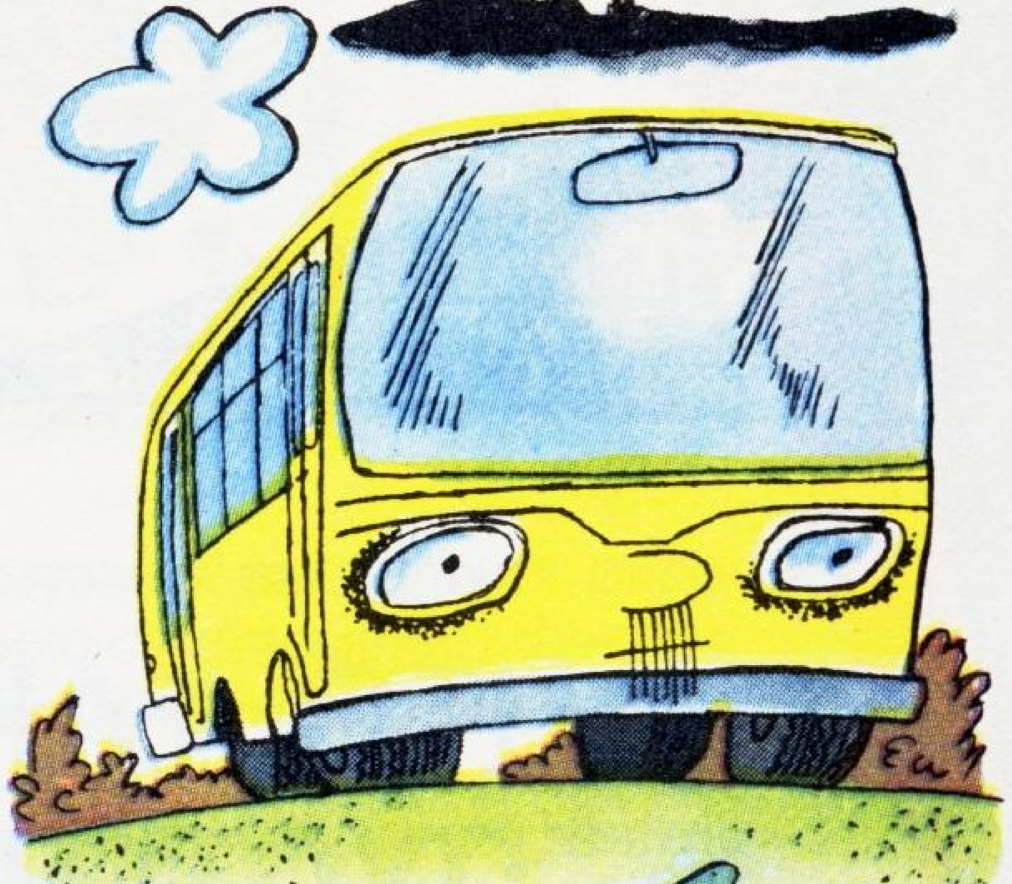
В них ветер бьет—никак не может сбить.
Ему их пыл не просто охладить...
Не все вокруг одной подвластно доле,
И ветер призадумался на воле.

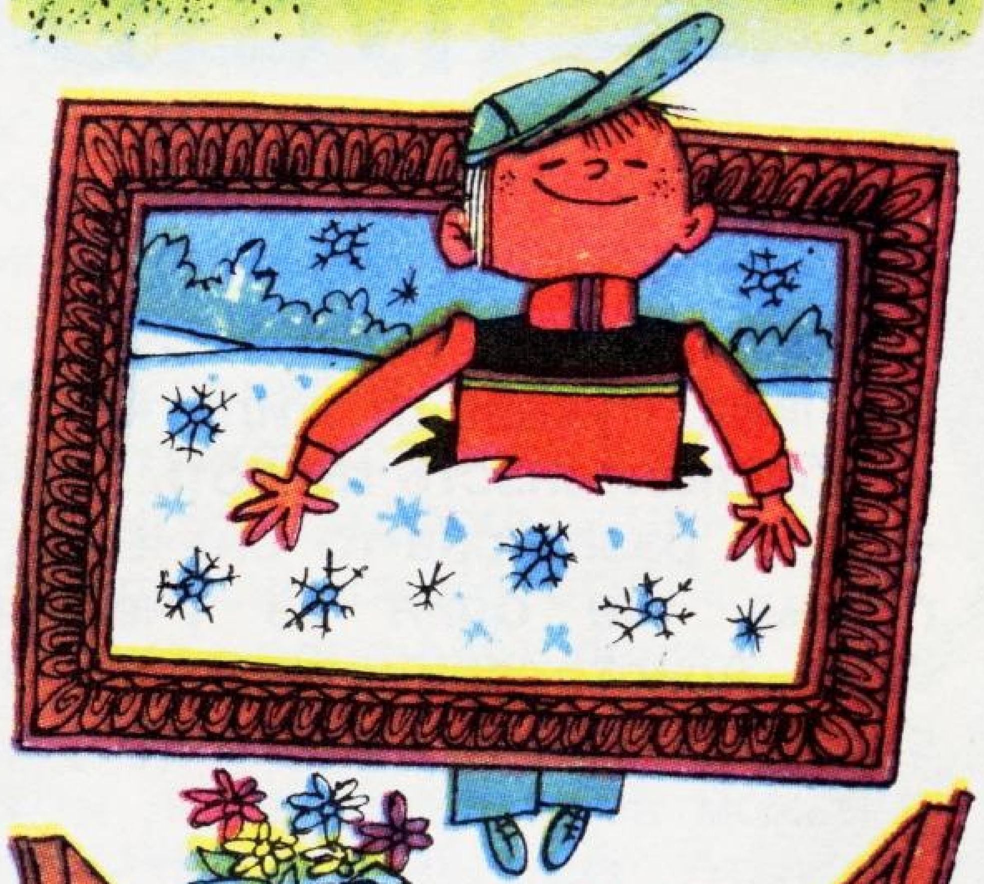
И он к земле склонился и примолк,
Обшарил лес, словно голодный волк.
И вот тогда сквозь тишины наплыв
Пронзил его неслыханный мотив.

В нем были голоса поникших трав
И отходящих к холодам дубрав.
Один из них покорен был и тих,
Другой был горд и бесконечно лих.

И легкою походкой, чуть дыша,
По лесу в первый раз
зима прошла!

Перевела с татарского Б. ЦЫБИНА.





Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Расскажи, какая сегодня погода?..
Ученик. Грязная...

Наташа Андреева
и Оля Сергеева,
г. Горбатов,
Горьковская область.

* * *

Учительница. Какие три состояния жидкости ты знаешь?
Ученица. Твердое, жидкое, дымящееся.

Галина Усова,
Софоново, Смоленская
область.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое ветер?
Ученик. Ветер — это когда воздух дует.

М. Артеменко,
поселок Корниловка.

* * *

Учительница. Расскажи об острове Гренландия.
Ученик. Когда наступает лето, по острову Гренландия плавают айсберги.

Дмитрий Фаворисов,
г. Орск, Оренбургская область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Кто такой Ян Жижка?
Ученик. Раздробленный феодал...

Наташа Туманская,
Гомель.

* * *

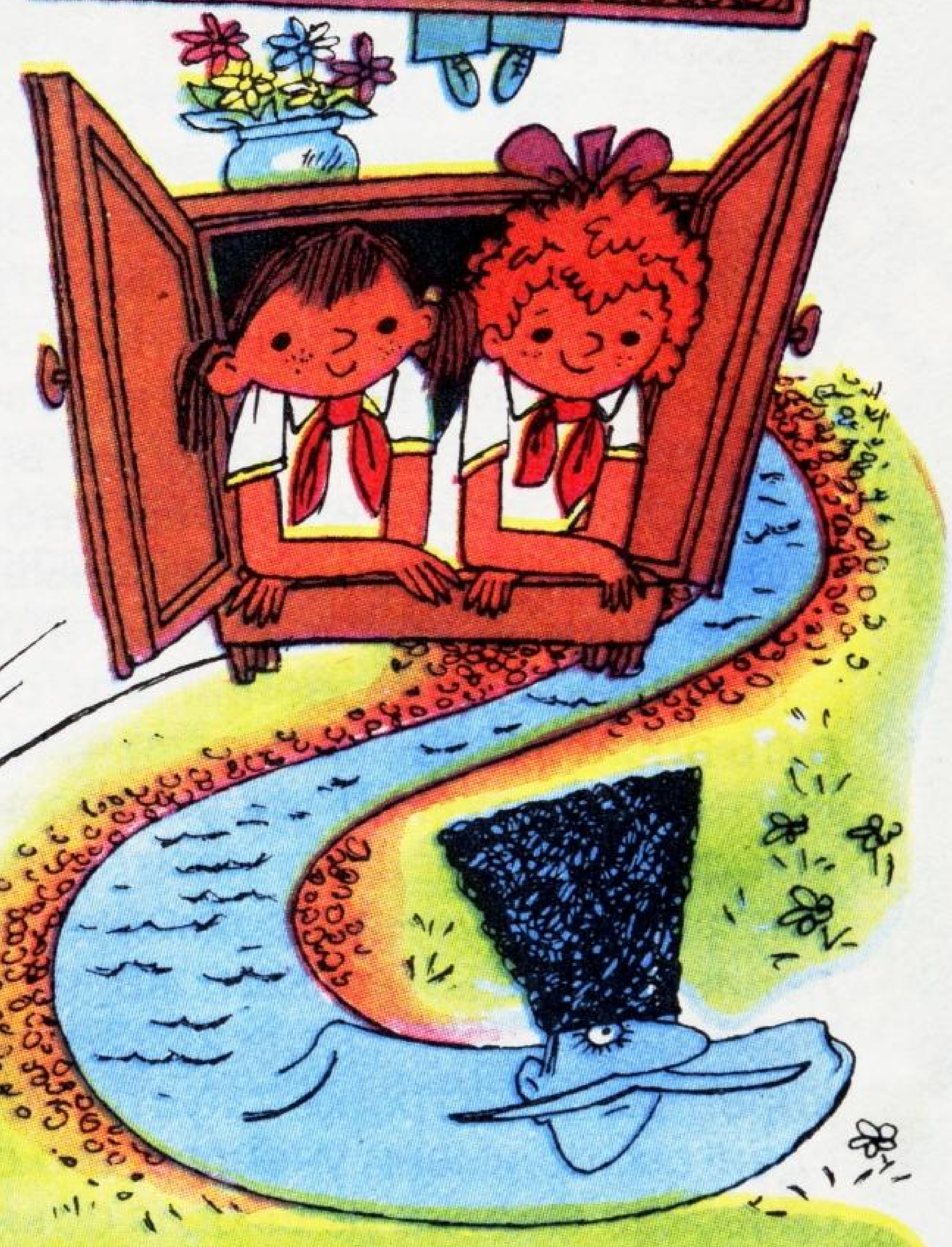
Учитель. Кто в Афинах не имел права участвовать в народном собрании?
Ученик. Туземцы...

Наташа Повсаева,
г. Москва.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Придумай предложение, в котором рассказывалось бы об осени...
Ученица. С голых деревьев падают желтые листья...

Галя Пехота,
г. Ташкент.



Из школьных сочинений

«Около города протекала тихая речка с горным характером».
«У Хлестакова в голове не помещался ни один царь».
«На балконе стояли мама, Вова и банка с вареньем».
«Ко мне по глиняному склону съехал мальчонка лет тридцати».
«На картине Крымова «Зимний вечер» снег очень глубокий, а в некоторых местах даже по пояс».
«Моя сестра парикмахер. Она перевыполняет все, что ей дают стричь».
«Мы с подругой жили в пионерлагере в одной тумбочке».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

На научной волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ЧТО ТАКОЕ ПУСТОТА?

Переливание из пустого в порожнее. Дырка от бублика. Рукава от жилетки. Так шутки подчеркивают бесполезность пустоты: ничего из нее не сделаешь, и разговора-то она вряд ли заслуживает. Но почему же один из ученейших людей древности — Аристотель — писал, что дело физика — рассмотреть вопрос о пустоте, существует она или нет, и в каком виде существует, и что она такое?..

Место, где ничего нет,— такой ответ сразу же приходит в голову при вопросе «что такое пустота?». Но чего же все-таки там нет? Все вещества сделаны из частиц: атомов, ядер, электронов. Значит, пустота — это то место, где нет никаких частиц? Только вот какую странную вещь подметили ученые почти полвека назад: в атоме водорода всего один электрон и абсолютно точно известно, что других частиц около ядра нет, а измерения показывали, что электрон на своем пути вокруг ядра на что-то натыкается.

Правда, столкновения эти очень слабые, так что путь электрона изменяется чуть-чуть, но все-таки это «чуть-чуть» можно уловить приборами. Получается: как самолету мешает лететь сопротивление воздуха, так электрону — сопротивление пустоты. Сопротивление пустоты — такая же нелепость, как горячее мороженое, но против фактов не поспоришь. Столкновение электрона с пустотой назвали Лэмбовским сдвигом, по имени ученого, его обнаружившего. Классическая физика не смогла объяснить этого наблюдения.

Зато это с успехом сделала квантовая физика. Дело в том, что, кроме вещества, есть еще и поля — с их помощью частицы вещества взаимодействуют. Все видели, как притягиваются друг к другу два магнитика, хотя видимых связей между ними нет,— это действует магнитное поле. Так же, но уже с помощью электрического поля притягиваются друг к другу заряды разных знаков. Поле тяготения не отпускает Луну от Земли, а Землю от Солнца. Поэтому, если быть совсем точным, надо говорить, что весь мир вокруг нас построен из частиц, соединяющихся при помощи различных полей. Электрон в атоме крутится вокруг ядра в электрическом поле.

В тот же год, как стали известны наблюдения Лэмба, известный теоретик Ганс Бете, лауреат Нобелевской премии, рассчитал, что электрическое поле может превратиться в ... частицу. Правда, очень ненадолго.

Представьте себе бурное море. Одна волнующаяся вода, и ничего больше. И вдруг среди волн появляется голова отважного пловца. Появится на мгновение и скроется. И снова перед глазами только волны. Так же, только на гораздо более краткий миг, появляются и исчезают частицы в пустоте. Вот на них и натыкается электрон в атоме.

Но если среди волн иногда появляется пловец, значит, в море есть и люди. Так и о пустоте нельзя сказать: «Это место, где нет ничего»,— там постоянно появляются самые разные частицы. Конечно, заметить их нелегко, потому что живут они миллионно-миллиардные доли секунды, но иногда это удается.

Иногда удается и более удивительное: разглядеть частички.

Представьте, что за пловцами послан вертолет с веревочной лестницей. Как только пловец выныривает из воды, он хватается за нижнюю перекладину. Тут-то вертолет его и вытаскивает. То же самое можно проделать и с частицами, только для этого нужны гораздо более сложные устройства, чем веревочная лестница.

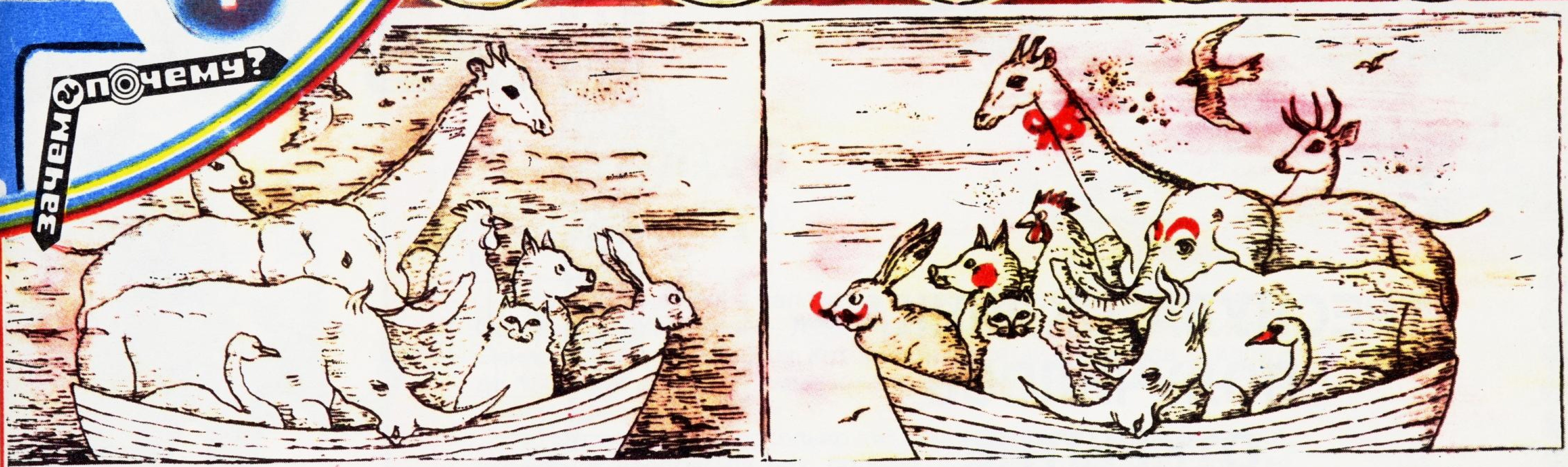
В роли лестницы выступает электрическая сила. Она должна быть очень большой — в миллиарды раз сильнее электрического напряжения квартирных розеток. Создать ее обычным способом — на динамомашине или генераторе — невозможно. Тогда экспериментаторы придумали вот что.

Чем ближе мы придвинем друг к другу два заряда, тем сильнее они будут отталкиваться. Иначе говоря, тем сильнее будет электрическая сила между ними. Если две элементарные частицы разогнать на ускорителе, то удается сблизить их на миллиардные доли сантиметра. При таком сближении электрическое отталкивание становится настолько сильным, что оно выталкивает из вакуума новые частицы.

Так и поступили на ускорителе в западногерманском городе Дармштадте два года назад: сблизили две заряженные частицы и зарегистрировали появление позитрона и электрона — вот они, вытащенные из моря-пустоты пловцы. Таинственные частицы, если их вытащить на белый свет, не отличаются от частиц обычных. Значит, пустота полна не призраков, а частиц, хотя пока не ясно, как они там существуют.

А. СЕМЕНОВ

Зачем и почему?



Портрет Мухи-Цокотухи

«Насекомые одного вида, например, муравьи, похожи, «на одно лицо» или нет?»
Оксана РИТТЕР, 7-й класс, г. Кустанай.

Разных людей мы узнаем в лицо почти мгновенно. А вот к близняшкам приходится сначала долго присматриваться, чтобы научиться их различать. В чем тут дело? Да в том, что у них очень многие признаки, по которым мы обычно распознаем людей, оказываются одинаковыми: цвет волос и глаз, форма носа и губ... Но в конце концов и у близнецов можно найти какие-либо индивидуальные особенности.

Точно так же нам сначала кажутся совершенно одинаковыми и все животные одной породы, возраста и окраски. А вот, скажем, доярки с первого взгляда различают своих подопечных коров, даже если их несколько десятков. И тут дело в том, что, общаясь с буренками каждый день, доярки находят у них малозаметные поначалу приметы.

А насекомые? Размеры у них крошечные, поэтому наблюдать каждого из них в отдельности очень трудно. Вот и кажутся нам все мухи просто мухами, все комары просто комарами, а все муравьи просто муравьями. Но ученым-биологам приходится долго и тщательно изучать подопытных плодовых мушек дрозофил. У этих насекомых они обнаружили множество характерных признаков, по которым дрозофил можно различать «в лицо» — по цвету и форме глаз, по форме и длине усиков, щетинок... В сочетании все эти признаки и могут служить такими же «чертами лица», как и у людей.

В. ХРАМОВ

Борьба под музыку

«Правда, что делать зарядку, выполнять физическую работу лучше под музыку?»
Алеша СЕНИЧКИН, 6-й класс, г. Ленинград.

Под музыку выступают акробаты, лихо отплясывают фигуристы. Этим никого не удивишь. Но борцам-то до нее какое дело? Во время поединка они заняты только противником, и понятно: отвлекись тут хоть на секунду, заглядись или заслушайся — вмиг будешь на лопатках. Но вот что оказалось...

Советский ученый Ю. Г. Коджаспиров установил: когда в зале, где тренируются борцы вольного или классического стиля, звучит музыка медленная, ленивая, расслабляющая, то и «работают» они с прохладцей. Бросают противников на ковер реже, чем на обычной молчаливой тренировке. А вот если играть им что-то быстрое, ритмичное, бодрящее, то броски только успевай считать — их число увеличивается на целых сорок процентов. И нисколько спортсменов звуки не отвлекают, наоборот, помогают, организуют ритм движения.

Так что очень советуем делать зарядку или мыть полы под веселую, быструю музыку.

П. САВКО

Знаешь?

Кольца Сатурна имеют толщину от 10 до 20 метров.

* * *

Человек быстрее всего узнает, определяет очертания предметов красного цвета.

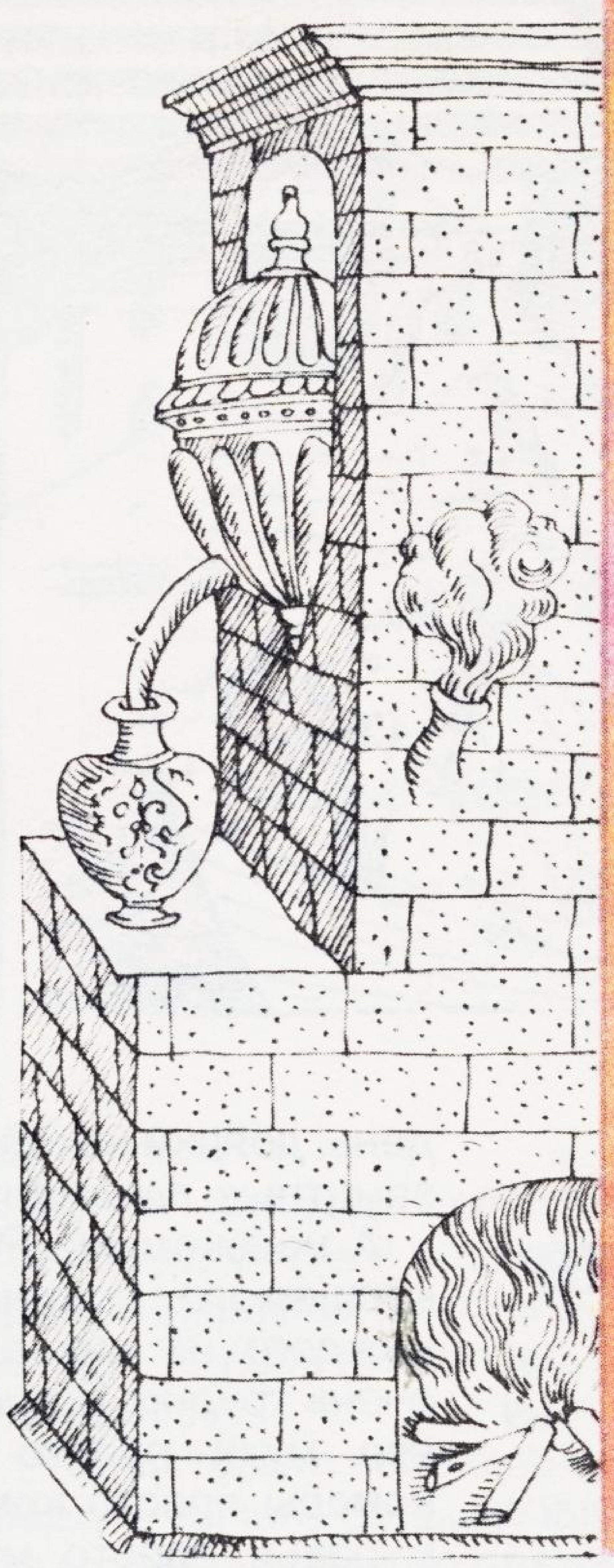
* * *

Частое использование стереонаушников приводит к ослаблению слуха.

* * *

Некоторые динозавры кормились осьминогами.

Кто что изобрел



ТРЕСНУЛА СКЛЯНКА — ПОЛУЧИЛОСЬ ОТКРЫТИЕ

Человек поставил на жаровню с раскаленным песком раствор в склянке. Склянка треснула, жидкость пролилась... Что хорошего может получиться из такого конфуза?

А получилось открытие. Потому что этот человек, молодой петербургский аптекарь Товий Егорович Ловиц, был прирожденным ученым.

В склянке он кипятил раствор лекарства — винной кислоты. Ловиц хотел выделить ее в виде белых кристаллов, вещество тогда становится чище, примеси, какие в нем были, остаются в жидкости.

Дело было почти два века назад, в 1785 году, но аптекари и тогда были великими мастерами по части очистки лекарственных препаратов, ведь примеси могут быть ядовитыми...

Когда раствор пролился, Ловиц не растерялся. Быстро слил жидкость с горячей жаровни, процедил ее через фильтр, чтобы убрать муть и песчинки, и с восхищением заметил, что кристаллы выпали из раствора удивительно белые и чистые. Между тем винная кислота боится перегрева. Он это отлично знал и ожидал, что осадок получится темный, испорченный.

Здесь-то в характере Ловица и проявилось то, что отличает настоящих ученых от прочих людей. Ловиц задумался: почему же эта авария оказалась такой удачной? Из-за песка, что ли, побелели кристаллы? Но потом обратил внимание: на жаровне лежит не только песок, попадаются и угольки. Ведь не было в XVIII веке ни электрических плиток, ни газовых — грели жаровни на дровах.

Взял тогда Ловиц немного древесного угля, нарочно насыпал его в раствор винной кислоты, прокипятил — и сразу получил кристаллы невиданной красоты.

Открытие!

Заурядный аптекарь сделал бы из удачной находки «секрет фирмы», стал бы торговать лекарством особой белизны. Глядишь, разбогател бы...

Но Ловиц-то был ученым! Свое открытие он не сделал тайной, а начал пробовать, не может ли древесный уголь очищать другие вещества. И открыл, что с его помощью можно доводить до высшей чистоты и камфору, и соли, и разные масла, применяемые в аптекарском деле. Да что там аптека... Селитру, главный стратегический продукт того времени (из нее делали порох), можно тоже очистить углем куда быстрее и лучше, чем другими способами. Питьевую воду (без нее корабли не могут совершать дальние плавания) можно хранить в бочках с углем, и она не портится долгие месяцы.

Успехи наблюдательного аптекаря не остались без награды: в тридцать шесть лет Ловиц стал академиком.

Научившись доводить до высшей степени очистки аптекарские препараты, взялся Ловиц за уксус, спирт, эфир... Эти вещества знали и до него, однако совершенно чистых, не содержащих ни воды, ни прочих инородных веществ, до него не держал в руках ни один химик.

Когда удалось изгнать последние следы воды из уксуса, получилась жидкость, замерзающая даже в прохладной комнате. Хотя водный уксус замерзал при температуре ниже −20°С. Уксус, известный еще древним грекам, оказывается, можно превратить в лед! До Ловица этого не знал ни один человек.

В старину ученые писали свои статьи затейливым слогом, витиеватым... Тем не менее, читая «мемуар» Ловица о замерзании уксусной кислоты, замечаешь, что он радовался своему открытию, как мальчишка. Замораживал ее то большим холодом, то малым, отогревал то на печке, то просто рукой, рассматривал ее кристаллы в лупу. Это тоже признак настоящего ученого: уметь искренне, от души радоваться тому, что увидел впервые...

Чистую, абсолютно безводную кислоту с легкой руки Ловица и до сих пор называют так: ледяная. Ее применяют для получения и лекарств, и пластмасс.

Ловиц работал дни и ночи. Это не преувеличение: в своих журналах Ловиц пунктуально отмечал, в какой день и час совершено то или иное наблюдение. Такая каторжная работа подорвала его здоровье. Да еще не было в те времена ни вентиляции в лаборатории, ни резиновых перчаток для опытов. Приходилось Товию Егоровичу дышать ядовитыми газами, перемешивать руками едкие растворы... К 43 годам он уже почти не мог работать. Умер в 47.

При жизни Ловиц был очень знаменит, но забыли его скоро, не сохранилось даже ни одного его портрета. Звание ученого в те времена было далеко не таким почетным, как теперь. Однако химики всего мира использовали и используют по сей день результаты его открытий. Как раз в те времена химия перестала быть занятием, почти не отличимым от аптекарского дела, и стала настоящей наукой. Но этого не произошло бы, если б не были разработаны способы удалять из вещества все лишнее, ненужное...

А одним из создателей этих способов был русский ученый Товий Егорович Ловиц.

В. ИНОХОДЦЕВ

Самый-самый!

ЧУДО-ЮДО РЫБА КИТ

«Если кит на слона налезет, кто кого сборет?» — допытывался Оська в «Швамбрании» Льва Кассиля. Наверное, все-таки кит. Синие, или голубые, киты, которые бывают до 33 метров длиной и до 160 тонн весом,— самые крупные из всех ныне обитающих на Земле животных.

Но вот вопрос: а насколько кит крупнее слона? В два раза или, скажем, в десять? Да нет, больше. Синий кит больше слона во столько же раз, во сколько человек больше кошки!

Тело кита состоит из 10^{17} клеток — это сто миллионов миллиардов. В теле человека клеток в две тысячи раз меньше. А самое мелкое из млекопитающих — землеройка, весящая 2 грамма, состоит всего из нескольких миллиардов клеток.

Все у кита самое большое, даже паразиты. Однажды китобои, разделывая тушу кита, извлекли червя сорока метров в длину. Вот гадость-то...

А. ИОРДАНСКИЙ

Домашняя лаборатория

Телефон для тебя и друзей

Ты, конечно, любишь мороженое? Хотя кто же его не любит. А знаешь, что можно сделать из двух бумажных стаканчиков из-под мороженого? Телефон. Настоящий. Действующий.

Стаканчик после мороженого нужно сполоснуть водой и высушить. Потом взять иголку и катушку ниток. В самом центре донышка проткнуть иголкой дырочку, пропустить сквозь нее конец нитки и закрепить нитку внутри стаканчика, привязав к ней кусочек спички. Теперь нужно отмотать от катушки нитку такой длины, какая поместится в комнате или коридоре, где будет использоваться телефон, и второй ее конец точно так же пропустить сквозь дно и закрепить с помощью спички во втором стаканчике. И все. Можешь позвать своего приятеля и разговаривать с ним по телефону. Возьмите каждый по стаканчику и разойдитесь как можно дальше, чтобы нитка натянулась. Один из вас будет говорить в стаканчик, как в микрофон, а другой слушать, приставив стаканчик к уху.

Так как линия связи только одна, говорить и слушать нужно по очереди. Для этого в конце фразы говорите: «Перехожу на прием». Так всегда поступают при связи, например, по радио.

Как же работает такой телефон? Так же, как и обычный. Колебания воздуха, которые возбуждают во время разговора голосовые связки, преобразуются в колебания мембраны — донышка стаканчика. В обычном телефоне колебания мембраны преобразуются в колебания электрического тока, и электрический ток переносит их по проводам к абоненту. В нашем телефоне колебания мембраны — донышка стаканчика передаются нитке и в виде удлинений и сокращений нитки бегут по ней.

На другом конце колебания нитки заставляют колебаться и приемную мембрану — дно второго стаканчика. Колебания мембраны передаются воздуху, и мы слышим звук.

Звук передается также и прямо по воздуху. Поэтому в комнате на расстоянии нескольких метров толку от телефона немного. А вот если выйти во двор и сделать нитку достаточно длинной — метров 20—30, то по телефону можно не кричать, а говорить нормальным голосом.

Колебания в воздухе довольно быстро затухают, а в нитке гораздо слабее, и звук слышен на большом расстоянии.

Вообще в твердых телах звук распространяется быстрее, чем в воздухе, и меньше затухает. Этим явлением пользовались еще наши предки. Прикладывая ухо к земле, они могли слышать топот копыт вражеской конницы за многие километры, когда по воздуху еще ничего услышать было нельзя.

Распространение звука в твердых телах широко используется в науке и технике. Изучая путь звуковых волн от взрыва или землетрясения в земной коре, ученые узнают состав и строение Земли на глубине, недоступной пока никаким другим методам исследований. С помощью звуков очень высокой частоты можно обнаружить внутренние дефекты в стальной отливке. Точно так же поступает и продавец, чтобы проверить, не треснула ли фарфоровая чашка или хрустальная ваза — легкое постукивание карандаша вызывает высокий и чистый звук, а если изделие с дефектом, вы услышите дребезжащий, глухой звук, по которому можно найти и место дефекта.

Г. СТЕПАНОВ

12 сентября — Всесоюзный день бегуна

Среди советских спортсменов есть немало олимпийских чемпионов — самых сильных людей на нашей планете и самых метких... А вот из марафонцев, бегунов на самую длинную дистанцию, еще никто олимпийским чемпионом не стал. Обидно!

Почему бег многим кажется неинтересным видом спорта? Может, оттого, что еще не пробовали в беге свои силы?

Занятия в пионерском спортзале ведет спортсмен-марафонец Г. ШВЕЦ.

МАРАФОН-СПОР ХАРАКТЕРОВ

Давайте разберёмся!

Многие считают бег скучным занятием. Куда увлекательнее футбол, теннис, баскетбол или, скажем, бобслей. А полеты на дельтаплане?! Стоп! Давайте разберемся...

Хороший футболист за два тайма, атакуя, защищаясь, участвуя в командных комбинациях, пробегает в общей сложности несколько километров. От того, в каком темпе бегают баскетболисты, зависит уровень их мастерства: победы в баскетболе даются быстрым. Бобслеисты, прежде чем занять место в своем сверхскоростном снаряде, разгоняют его. Для этого им надо пробежать около сорока метров — как бегунам-спринтерам. И на дельтаплане полет начинается с земли: скорость для взлета набирается на бегу. Шахматисты, пловцы, боксеры, фигуристы, гимнасты... для развития выносливости бегают. Вот и выходит, что не обойтись без бега тому, кто мечтает о спортивных достижениях. Кстати, это не только подспорье для других видов спорта. Бег — пожалуй, самое древнее физкультурное упражнение.

Есть легенда о том, как греческий воин Фенедикс принес соотечественникам радостную весть о победе над персами. Ему пришлось пробежать от местечка Марафон, около которого происходила битва, до Афин почти сорок километров. Крикнув на финише: «Ликуйте! Победа!»,— Фенедикс упал замертво. В память о его воинском подвиге люди стали проводить состязания в марафонском беге.

На первой Олимпиаде современности в 1896 году греческий бегун Спиридон Луис пробежал сорок два километра от Марафона до Афин за 2 часа 58 минут. И стал первым олимпийским чемпионом в марафонском беге. Сегодня лучшие марафонцы пробегают такую же дистанцию почти на час быстрее. Средняя скорость их бега — двадцать километров в час. Попробуйте пробежать один километр ровно за три минуты. Таков темп мастеров-марафонцев, и они не теряют его на протяжении всего двухчасового состязания. Как это удается?

Бег — соревнование в скорости. Кажется, чем выше будет темп бега, тем лучше: скорее придешь к финишу. И так непросто удержаться, чтоб не обогнать соперника. Но дистанция-то, она вон какая длинная — сорок два километра сто

девяносто пять метров! Обгонишь на одном отрезке пути, на другом сохранить ту же скорость сил уже не хватит. Кроме выносливости, в марафоне необходимы выдержка, умение рассчитывать силы и... терпение. Так что марафон не только спор быстрых ног, это прежде всего борьба характеров.

Новый доктор Айбалит

С бегом можно дружить всю жизнь. В других видах спорта успеха, как правило, добиваются молодые люди. В марафоне чемпионами становятся и те, кому за тридцать и за сорок. Даже восьмидесятилетние бабушки и дедушки могут справиться с марафонской дистанцией, если они и до восьмидесяти лет бегали, конечно. Один из клубов любителей бега в нашей стране называется «Урал-100». Здесь занимаются те, кто хочет прожить никак не меньше ста лет.

Марафонцы хорошо знают Михаила Михайловича Котлярова. Он легко пробегает марафонскую дистанцию, хотя ему уже семьдесят шесть лет. А сорокапятилетний Александр Комиссаренко установил высшее всесоюзное достижение в довольно необычном забеге: он за сутки пробежал больше шести марафонов сразу. Это двести шестьдесят шесть километров пятьсот двадцать девять метров!

Раньше считалось, что марафоном можно заниматься с шестнадцати-семнадцати лет. Для ребят пионерского возраста дистанция ограничивалась пятьюстами метрами и очень редко достигала километровой длины. Но, как оказалось, это не предел.

В подмосковном городе Калининграде на Всесоюзном дне бегуна в прошлом году проходил марафонский пробег. Рядом со взрослыми по трассе бежали десяти — двенадцатилетние мальчишки из клуба любителей бега «Муравей». Дистанция у «муравьев» была, правда, поменьше, чем у взрослых марафонцев. Но, признайтесь, не многим из вас хватило бы сил и выносливости одолеть десять километров. А юным калининградским физкультурникам такие расстояния по плечу.

Если ты позанимаешься бегом без перерывов два-три месяца, если не будешь делать себе поблажек в ненастные дни, обязательно почувствуешь огромный прилив сил. С любыми делами справляться станет легче, ты научишься четко распределять свое время и увидишь: то, что казалось раньше невозможным, на самом деле просто и доступно. Недаром на высокой скале в Элладе выбиты такие слова: «Если хочешь быть сильным — бегай, хочешь быть красивым — бегай, хочешь быть умным — бегай!»

А ты? Разве ты не хочешь быть умным, сильным, красивым? Тогда не откладывай старт на ближайший понедельник, на первое число следующего месяца, а начинай пробежки прямо завтра.

Завтра-старт

Хорошо, конечно, заниматься вместе со взрослыми в клубе любителей бега. Такие клубы есть почти во всех крупных городах. Но можно и самим собрать команду: во дворе или в классе. Вовсе не обязательно сразу пробегать без передышки пять, десять, пятнадцать километров, а тем более марафон. Вполне хватит ежедневных двух-трехкилометровых пробежек.

Прежде всего определите дистанцию. Тренироваться лучше на стадионе. Длина круговой дорожки на стандартных школьных стадионах — двести пятьдесят метров, а на «взрослых» — четыреста. Первую неделю пробегайте не больше пятисот метров, а потом увеличивайте с каждой неделей дистанцию на сто метров.

Держитесь группой, не бегайте наперегонки. А темп бега выберите такой, что по силам самому слабому. Тренировки на стадионе научат вас ориентироваться в расстоянии. Но интереснее, конечно, бег по пересеченной местности. Даже опытные стайеры стараются почаще менять место тренировок. Их трассы проходят в парках, скверах, в лесу и на проселочных дорогах. И маршрут они выбирают с препятствиями — кочками, подъемами, спусками, песчаной почвой... Спортсмены не случайно усложняют тренировки: преодоление препятствий развивает самые разные группы мышц и связки.

Например, трасса проходит в лесу. Пробежал полкилометра — чуть сбавь темп. Теперь подпрыгни и ухватись за прочную ветку. Подтянись на ней. И так за тренировку двадцать — двадцать пять раз. Скоро ты почувствуешь, как мышцы рук наливаются силой. Современные специалисты научно доказали верность слов, высеченных на скале в Древней Элладе. Бег действительно помогает людям стать всесторонне развитыми, дарит им здоровье и долголетие.

Рисунки Д. БАРАБАША.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1—8.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава десятая

Двухэтажная сыроежка

В последнюю неделю августа то и дело сорили дожди. Начнет чуть проясняться, а с запада уж наползают продымленно-сизые космы, спеша замутить эмалевую синь неба. И снова задождит, злющий ветер затреплет макушки деревьев.

«Скорее бы в школу»,— твердил про себя Валерка, не зная, чем заняться.

Принялся строгать доску для новой птичьей кормушки, да палец порезал. Пришлось все бросать.

Глядел уныло в окно, осыпанное мельчайшим бисером, и думал, то и дело вздыхая: «Закатиться бы сейчас на велосипеде в любимые рыбные места! Подергать бы на удочку карасиков! Да куда в такую мокреть сунешься?»

Сентябрь пришагал на диво кротким, солнечным. Пронзительная синева была разлита всюду: и над притихшими полями, и над удалой ватажкой бронзовеющих кленов, прибежавшей на лобастый взгорок погреться на солнышке, и даже над задумчиво тихой, остекленевшей Соней.

А тут и бабье лето в гости пожаловало — великодушно ласковое, как бы последняя улыбка августа.

На завалинке под любимым Валеркиным окном грелись в полдень шмели. Опустятся на теплые тесины с янтарно-смолкими сучками, растопырят слюдяные крылышки и замрут, точно неживые. Шмелиный солярий, да и только!

И ребятне не сиделось за партами, неведомая сила тянула их на волю. Едва кончались уроки, как Валерка с Петькой наперегонки мчались в лес, на речку.

Вот и сегодня приятели лишь на какой-то миг заглянули домой, чтобы прихватить лукошки.

В березовой роще, накапливающей золото, неуемно галдели скворцы. Их было видимо-невидимо! Они тучами носились над рощей. Наверное, со всей округи собрались на сходку, чтобы обсудить свои неотложные дела перед дальней дорожкой.

Валерка даже приостановился, вглядываясь зорко в пролетавшую мимо черномазую стайку, ровно пытался разглядеть своих скворушек, всю весну живших в домике у сарая. Да где там, разве узнаешь!

— Дедушка сказывал днями,— сказал Валерка, надкусывая краснобокое яблоко,— самая пора собирать грибы у болотин, за речкой. Чуть правее, где мы летом мальков спасали. Вот кукушки, жалко, откуковали.

— А зачем тебе кукушки?

— Если пойти на кукушкин голос, то непременно у грибного места очутишься.

На опушке мальчишек встретили три прехорошенькие осинки, разодетые в цветастые сарафаны. Одна — в нежно-соломенный, другая — в камышово-зеленый, а третья — в пунцовый.

После затяжных августовских дождей речушка Соня стала полноводнее. А песчаные пролысины и рыжие глинистые бочажки наполнились водой. Правда, многие из них еще не соединились друг с другом. И эти тихие студеные озерки казались дорогими зеркалами. В них засматривались кусты прибрежной бузины с тяжелыми — никому-то не нужными — кумачовыми гроздями.

В левобережной пойме дружки разбрелись в разные стороны, условившись нет-нет да и «аукаться».

Под ногами Валерки мягко пружинились ядовито-зеленые мхи. Он то и дело раздвигал вымахавшие метра в два кусты иван-чая с сиротливо лиловеющими худосочными метелками.

Грибники посхлынули, и в лесу было безлюдно, глухо. Лишь изредка где-то прощально посвистывала иволга да на болотинах покрякивали нагулявшие жир утки. А высоко-высоко в небе с появившимися в зените седыми кошачьими хвостами нудно ныл самолет.

Выбравшись на узкую прогалину, Валерка сразу же присел у елочки-малышки, доверчиво протянувшей ему навстречу свою лапку.

Приподнял Валерка нежную эту лапку и увидел веселый гриб подосиновик в сдвинутом набекрень оранжевом берете.

Не успел еще срезать под корень крепенький грибок, как что-то пружинисто шевельнулось рядом в траве. Посмотрел, а тут второй гриб.

«Доброе начало»,— подумал радостно Валерка, срезая один гриб за другим. И зычно, нараспев прокричал:

— Пе-етька! Ау-у-у!

— Ау-у-у! — донеслось в ответ.— Я белый наше-ол!

Приятель, похоже, бродил где-то совсем неподалеку!

«Ишь ты, какой прыткий: уж беляка сцапал! — усмехнулся про себя без зависти маль-

Плетушки были полные.
Солнышко же все ниже садилось за деревья.
Решили выбираться из чащобы на тропу.

чишка.— А может, и прихвастнул, чтоб меня раззадорить».

Чуть погодя Валерка напал на целую колонию черных груздей. Отсиживались грузди среди елок и старых берез. Здесь им было вольготно: и тепло и светло. Валерка еле успевал орудовать складным ножичком.

Но вот что-то заставило его насторожиться.

«Кап! Кап!» — послышалось за спиной. А секунду спустя — «Кап! Кап!» — раздалось сбоку.

«Дождя еще не хватало»,— проворчал про себя Валерка. Поднял голову — небо чистое, безоблачное.

А позади снова: «Кап! Кап!»

Присмотрелся повнимательнее к стоящей перед ним березе с почерневшим снизу стволом. От легкого, неуловимого дуновения трепетали на дереве лимонно-желтые листики, вращаясь то в одну, то в другую сторону.

Вдруг оторвался крупный золотой кругляш, еле слышно треснув: «Кап!» А показалось, на сухую траву упала увесистая дождинка.

Зачарованно слушал Валерка прощальный разговор падающих с березы листьев. В это время и вынырнула из-под елки махонькая зеленовато-рыжая пташка с белесой грудкой. Подскакала безбоязненно к Валерке. И уставилась с любопытством на мальчишку: «Ты кто такой? Добрый или злой?»

Где-то настойчиво «аукал» горластый Петька, а Валерка боялся рот раскрыть. Внезапно пеночка-трещотка вспорхнула и, весело попискивая, устремилась к дальнему вязу.

В ложбинке, за ельником, Валерке повстречались сыроежки. На бугорке высился огромный гриб, опутанный снизу белой пряжей. Его вогнутая вовнутрь шляпка была с чайное блюдце. И в ней поблескивала чистая, что тебе слеза, обжигающе холодная водица.

Валерка не тронул перезревшую сыроежку: пусть птахи утоляют жажду из лесного блюд-

ца! И без этой великанши вокруг было предостаточно и румяных сыроежек и торчащих гвоздиками подберезовиков.

Когда же он собрался пойти искать Петьку, посчастливилось наткнуться на... двухэтажную сыроежку!

У брусничного куста на виду у всего света красовалась диковинная сыроежка. На розовый плоский ее зонтик как бы взгромоздился второй гриб-малолетка. Эта сыроежка приросла к взрослой своей сестрице белой шляпкой-пуговкой, задрав к небу тонкую ножку.

— Ой! — вскричал от изумления Валерка, не зная, что ему делать: оставить чудо-сыроежку в покое или срезать, взять с собой?

«Если я не принесу сыроежку домой, мне в жизни никто не поверит, что я видел этакое диво!» — подумал мальчишка.

Осторожно, чтобы не сковырнуть нечаянно малютку, он срезал гриб и водрузил его в плетушку на видное место.

— Пе-етька-а! — закричал, сложив рупором руки.— А-у-у! Пе-еть! Я тебе что покажу-у!

Петька появился вскоре, весь опутанный седыми ниточками тенетников. Торопясь на зов друга, он продирался через колючий чапыжник.

Увидев Валеркину находку, недоверчиво спросил:

— А ты не приклеил маленькую сыроежку к большой?

И скороговоркой прибавил:

— Зато я... зато я восемь белых, шесть подберезовиков — здоровущих-здоровущих!.. А сыроежки даже не считал!

У того и у другого плетушки были полные. Солнышко же все ниже и ниже садилось за деревья. Решили выбираться из чащобы на тропу.

И тут издали послышались какие-то неясные трубные звуки. Они все нарастали и нарастали. А потом из-за макушек елей, стоящих по ту сторону поляны, появился волнистый, точка за точкой, косяк журавлей.

«Нынче всего лишь двадцатое число,— подумал Валерка, опираясь локтем о сухую кочку,— а журавушки на юг заспешили». Пристально, не мигая, смотрел на высокое, под вечер так поблекшее небо. А косяк все тянулся нескончаемой лентой из-за островерхих елей. Журавли курлыкали тоскливо, прощаясь до будущей весны с матерью-родиной.

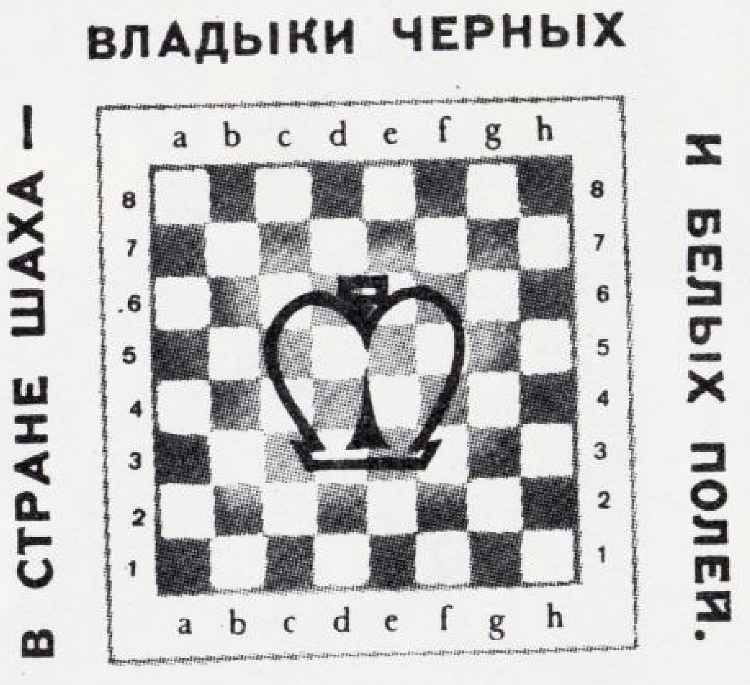
Встрепенулся наконец и Петька. Он вскочил на ноги, приложил к глазам козырьком ладонь.

— Улетают,— сказал со вздохом.

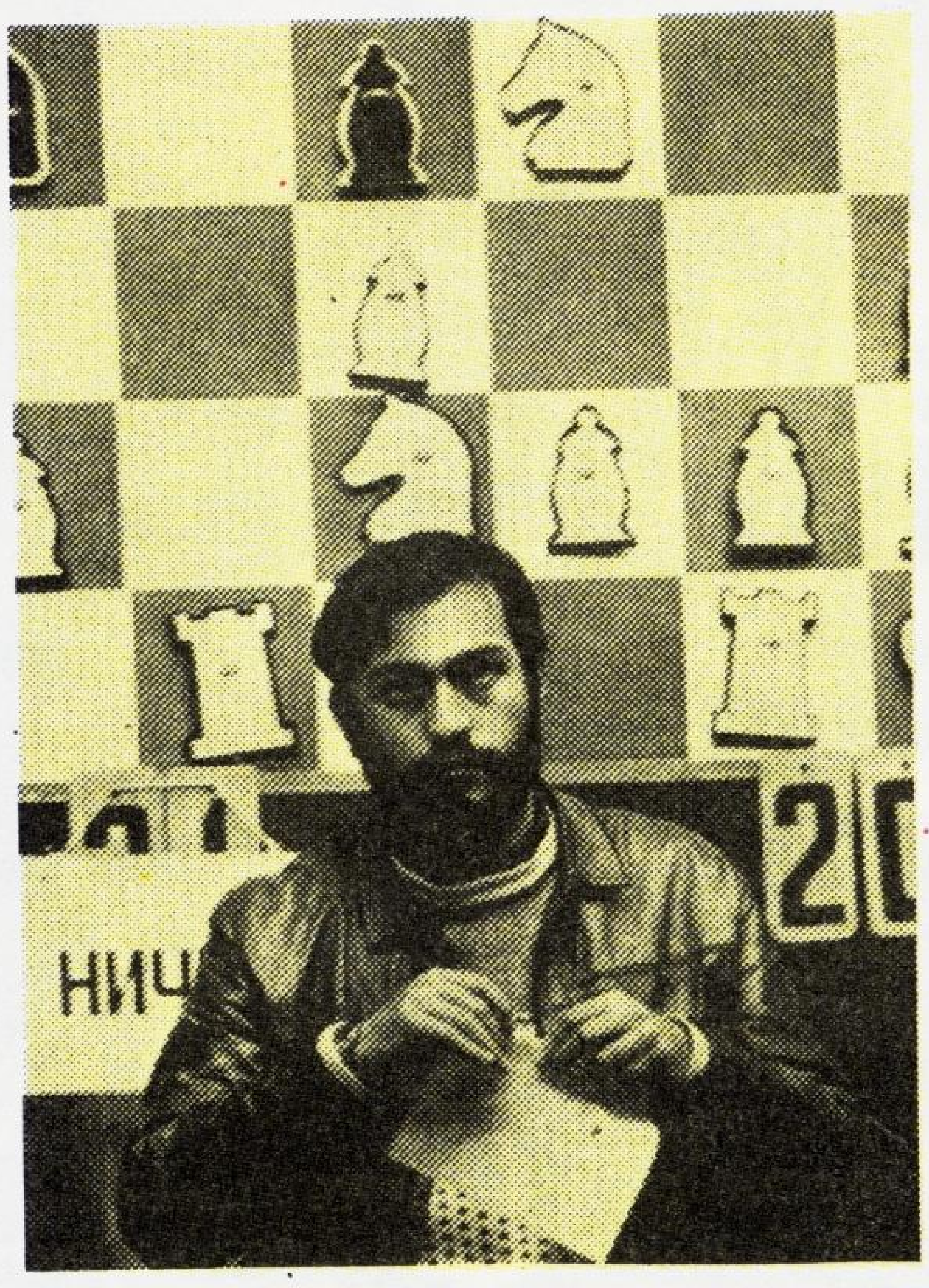
Валерка тоже поднялся с земли. Замахал рукой.

Все дальше, дальше и дальше удалялись журавли, все глуше доносилось их прощальное курлыканье. А когда смолкли последние звуки, мальчишки, не сговариваясь, подхватили свои плетушки и побрели в Марфинку.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Пьедестал «Белой ладьи»



Не удивляйтесь: этот бородач на фотографии имеет к турнирам «Белая ладья» самое прямое отношение. Зураб Азмайпарашвили — студент Тбилисского института физкультуры. Недавно он дебютировал на 50-м юбилейном первенстве Советского Союза, и ему удалось нанести поражение чемпиону мира Анатолию Карпову. А начинал свой шахматный путь мастер Зураб Азмайпарашвили на первых соревнованиях клуба «Белая ладья». Тогда он был еще октябренком, но тоже сумел добиться большого успеха — получил специальный приз журнала «Мурзилка» за лучший результат самого юного участника. Было это в 1969 году. Тогда по инициативе любимого всеми ребятами писателя Льва Кассиля впервые были организованы турниры юных шахматистов на призы ЦК ВЛКСМ и нашего журнала.

С тех пор на высшую ступеньку пьедестала «Белой ладьи» трижды поднимались московские школьники и трижды — ре-

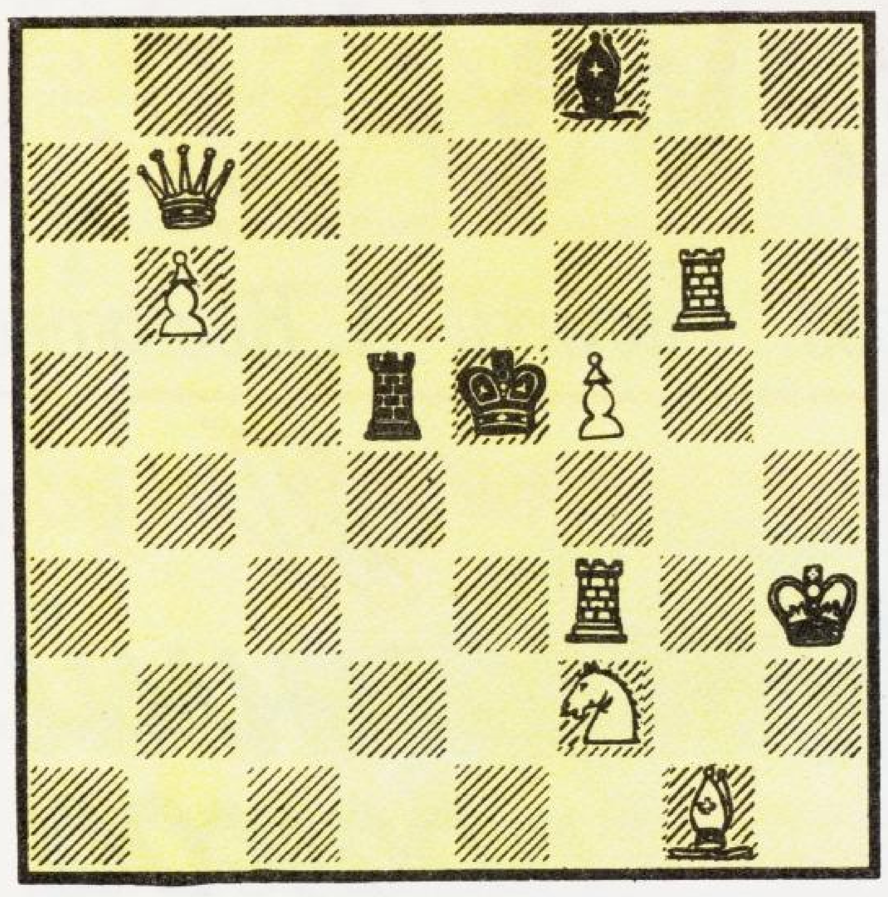


Диаграмма № 1.

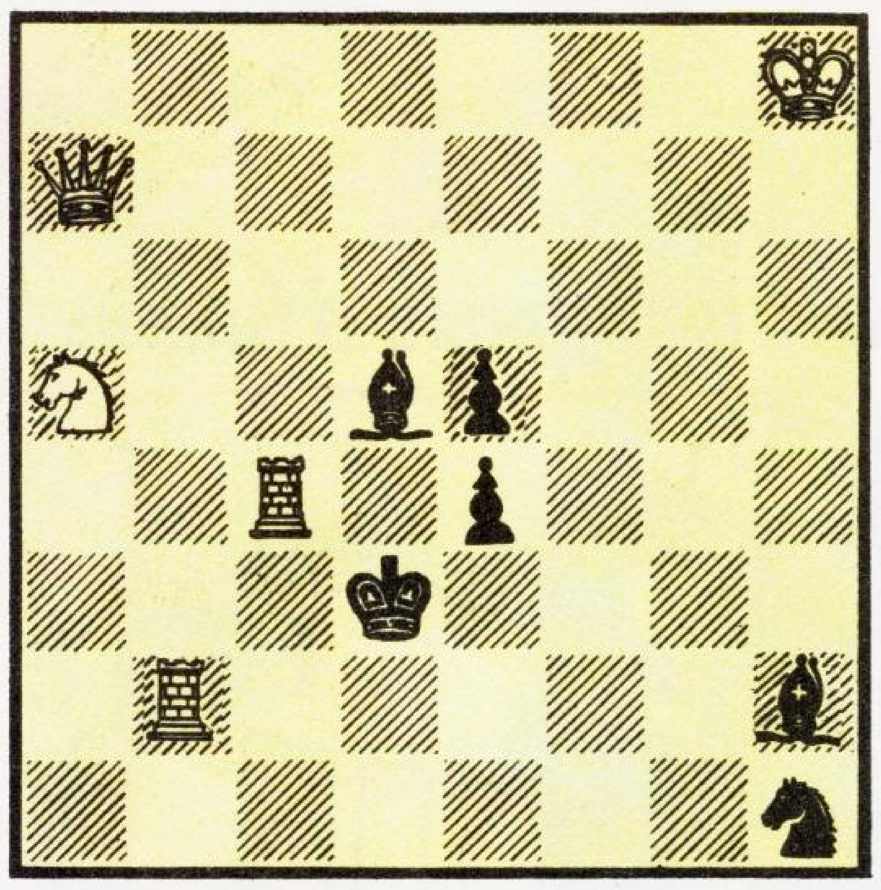


Диаграмма № 2.

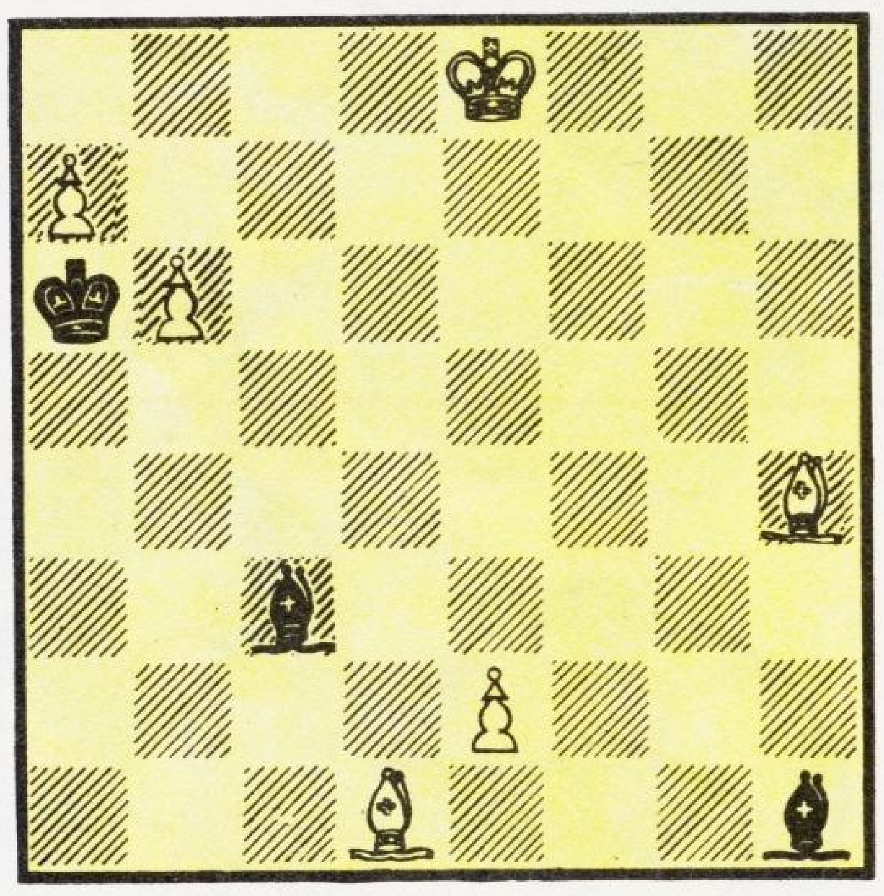


Диаграмма № 3.

бята из Кишинева, два раза чемпионами становились юные тбилисцы. На тринадцатом финале победы добились пионеры школы № 92 города Пермь, а в прошлом году лучшие результаты показала команда челябинской школы № 10.

Этим летом в украинском городе Ивано-Франковске проходил пятнадцатый финальный турнир клуба «Белая ладья». О шахматных поединках, которые разгорелись между шахматистами, мы еще обязательно расскажем. Кто знает, может быть, среди имен сегодняшних чемпионов «Белой ладьи» — имена будущих чемпионов мира? Анатолий Карпов, например, считает: «Не участвуя в этих пионерских соревнованиях, сейчас невозможно стать настоящим мастером».

Новый конкурс

Главный приз нашего нового конкурса — книга первого русского чемпиона мира Александра Алехина «На путях к высшим шахматным достижениям». Чтобы войти в число победителей, надо правильно решить две задачи, один этюд и ответить на два вопроса. Срок отправки ответов — месяц после получения журнала. *(Диаграмма № 1)*

Мат в два хода. В этом и двух других заданиях игру начинают белые. *(Диаграмма № 2)*

Мат в три хода. *(Диаграмма №3)*

У белых большой материальный перевес, но пешки a7 и b6 погибают. Наиболее вероятен ничейный исход борьбы. И все же белые могут добиться победы. Каким образом?

Этот остроумный этюд составил в 1932 году башкирский мастер Лев Кайев. Талантливый шахматист погиб в 1941 году в боях с фашистскими захватчиками.

Кто из вас знает, когда появились специальные шахматные часы? Назовите первый турнир, на котором их применили. Кому из советских шахматистов было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств»?

Кто победитель

В наших заочных соревнованиях отличились Лена Усова (г. Обнинск, Калужская область), Леня Беляев (г. Куйбышев), Олег Долгий (г. Антрацит, Донецкая область), Фуад Гасанов (г. Баку), Костя Постриган (г. Барнаул), Дима Брезицкий (г. Актюбинск), Толя Абалтусов (г. Ижевск), Сережа Коровин (г. Ташкент), Владик Тенсин (г. Новосибирск), Витя Потапов (г. Петропавловск), Виталий Рожин (ст. Вижай, Пермская область), Вячеслав Решетько (г. Кемерово) и другие ребята. Все они награждены грамотами журнала и шахматными книгами.

Грамотой журнала награжден шахматный коллектив Дома пионеров имени Гагарина. Живут эти ребята в поселке Морки в Марийской АССР. Интересно, кто станет победителем нашего нового конкурса?

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

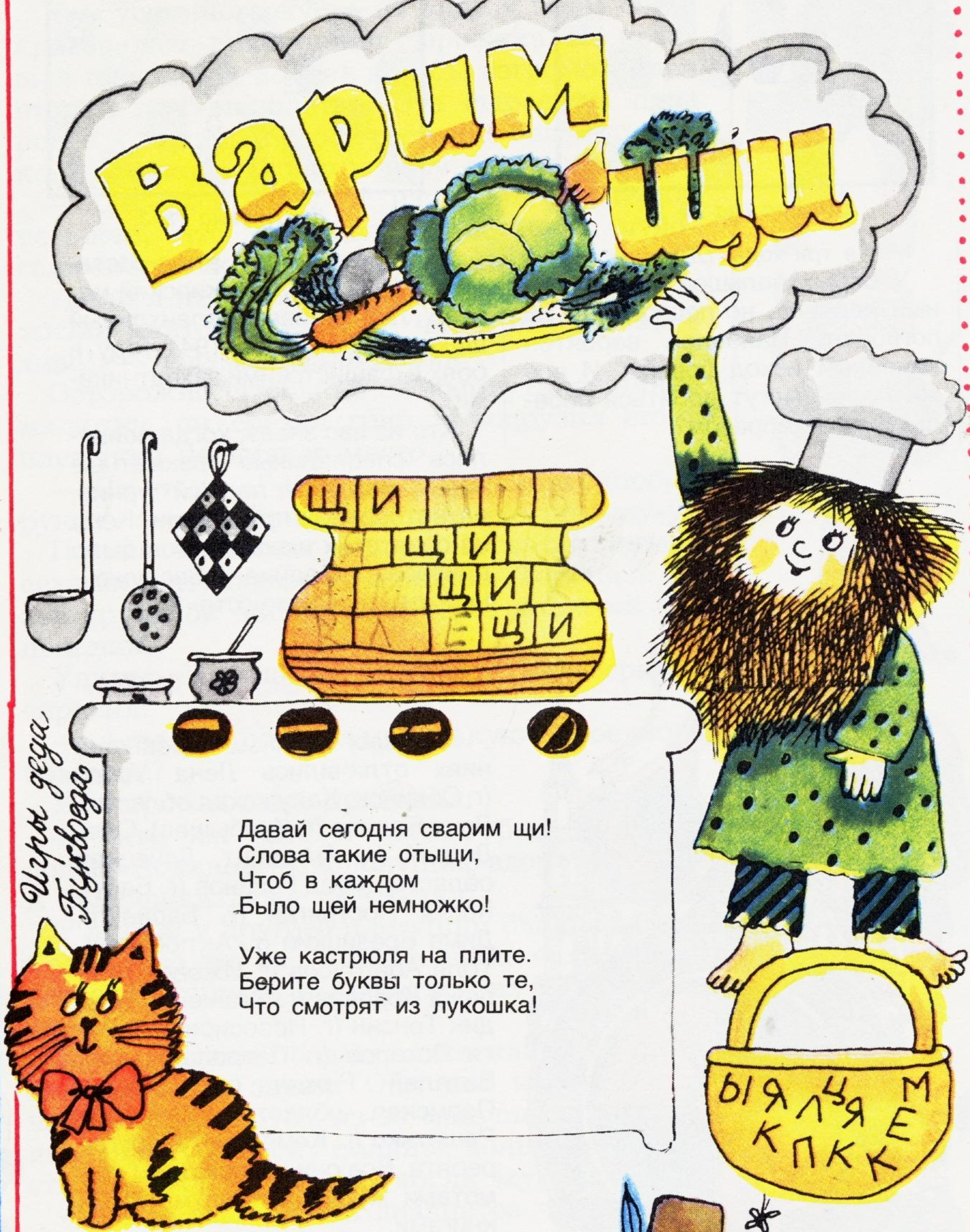
Фотография В. КРУПСКОГО.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Варим щи

Игры деда Букведа



Давай сегодня сварим щи!
Слова такие отыщи,
Чтоб в каждом
Было щей немножко!

Уже кастрюля на плите.
Берите буквы только те,
Что смотрят из лукошка!

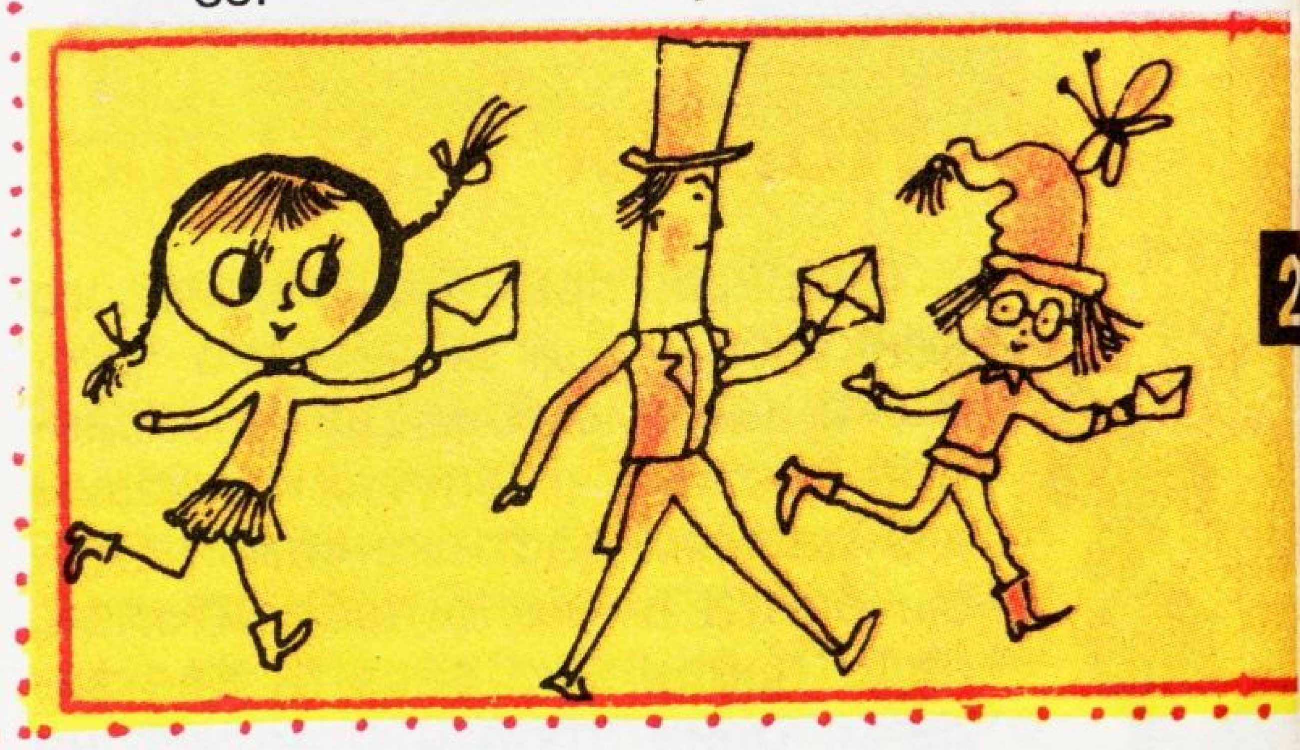
Игры Лупы и Пинцета

Правильный подход

На красивой редкой марке
Африканский бегемот.
Но к нему — такой характер! —
Нужен правильный подход.

Разглядеть поближе хочешь?
В том задачи соль и суть,
Чтобы точно — очень точно! —
Рассчитать до марки путь.

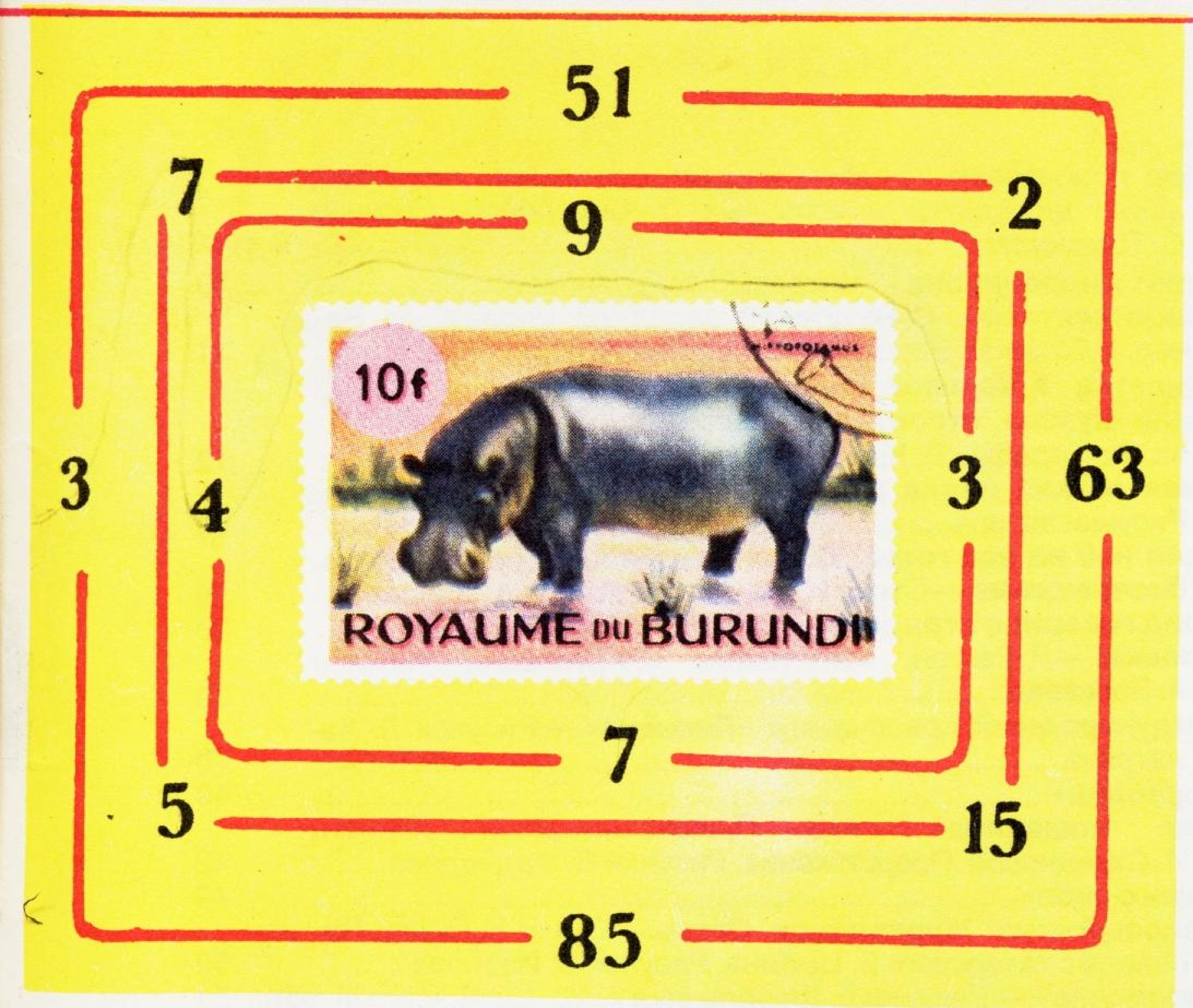
Примечание: на пути к марке ворота с числами. Если вы входите в какие-нибудь ворота, то должны взять с собой стоящее в них число; если выходите, то вычитаете из собранной вами суммы число, стоящее в этих воротах. Ваша задача — найти такой маршрут, чтобы вы могли остановиться около марки, набрав ровно 10. Входить и выходить через любые ворота можно сколько угодно раз. Найдите правильные подходы, поочередно начиная путь ото всех четырех ворот большой рамки — 3, 51, 63, 85.

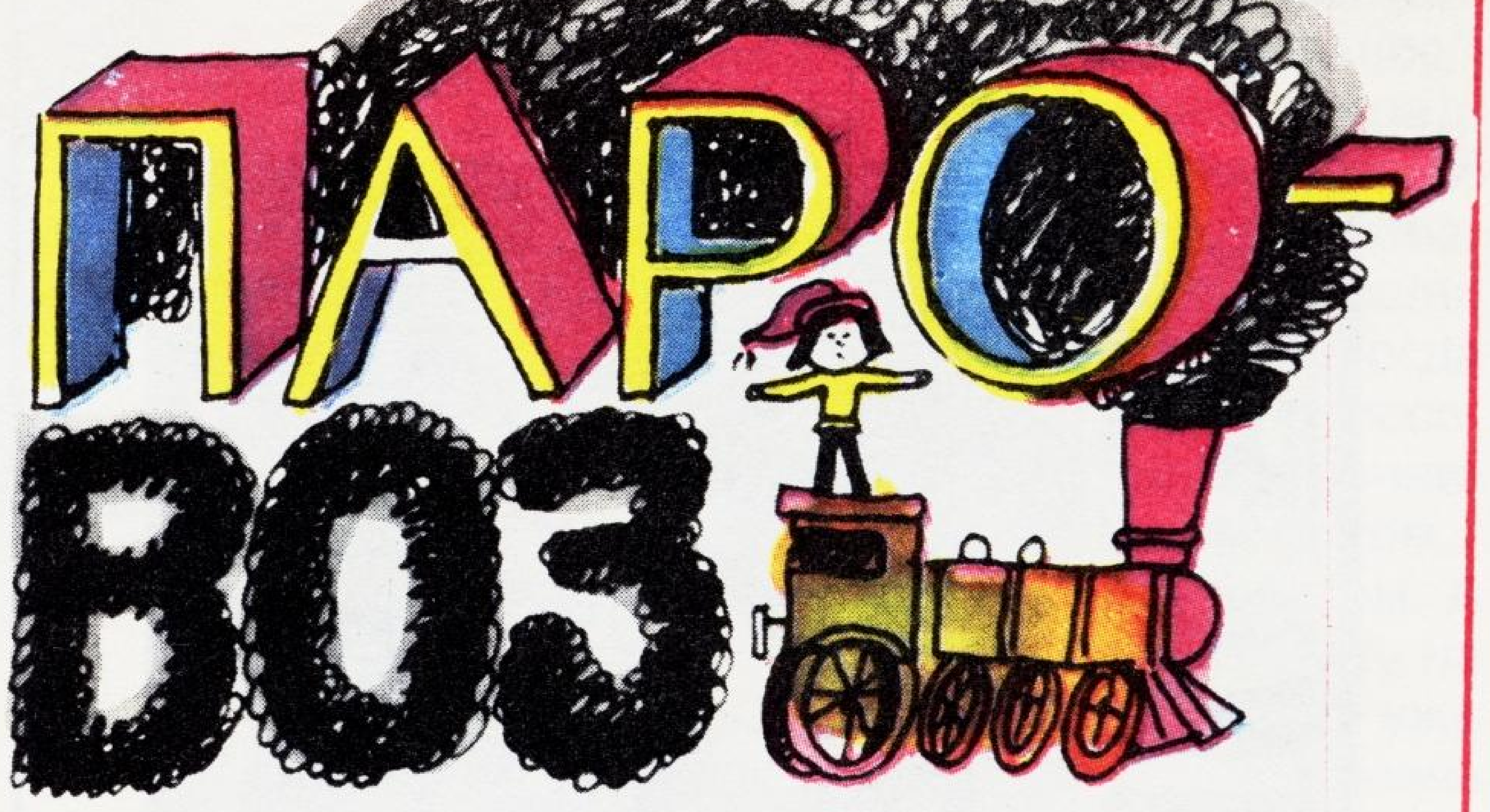


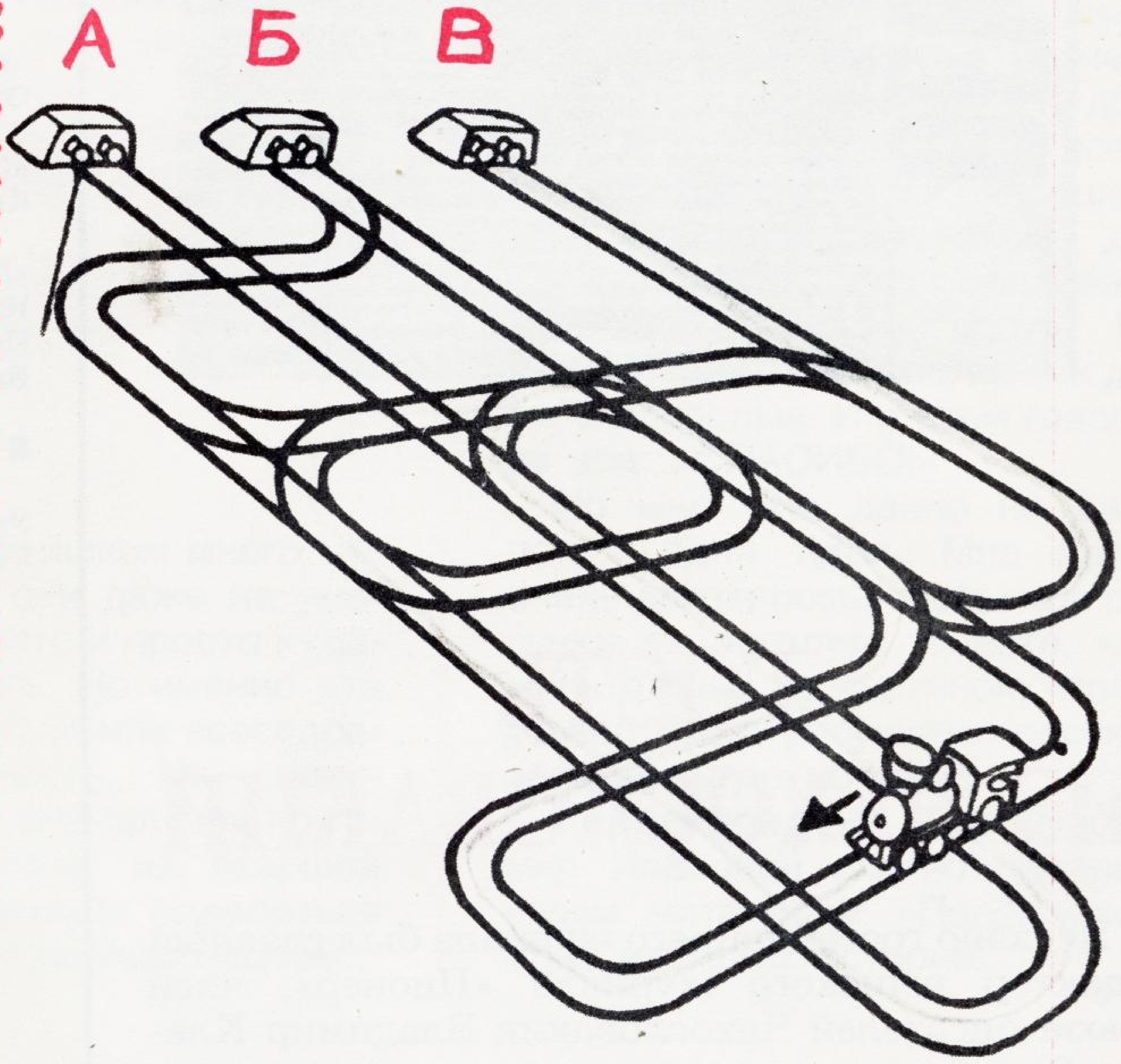
Капитан Перо ищет помощника

Буйный ветер

Ужасный ветер! Что творится?!
Пришлось руками в шляпу вцепиться!
А ветер пуще завывает,
С людей что только не срывает!







Вот совсем простой вопрос:
Если этот паровоз
Будет двигаться вперед
(Позабудь про задний ход!),
То каким путем — найдите —
Он до пункта В дойдет?

Живживка.

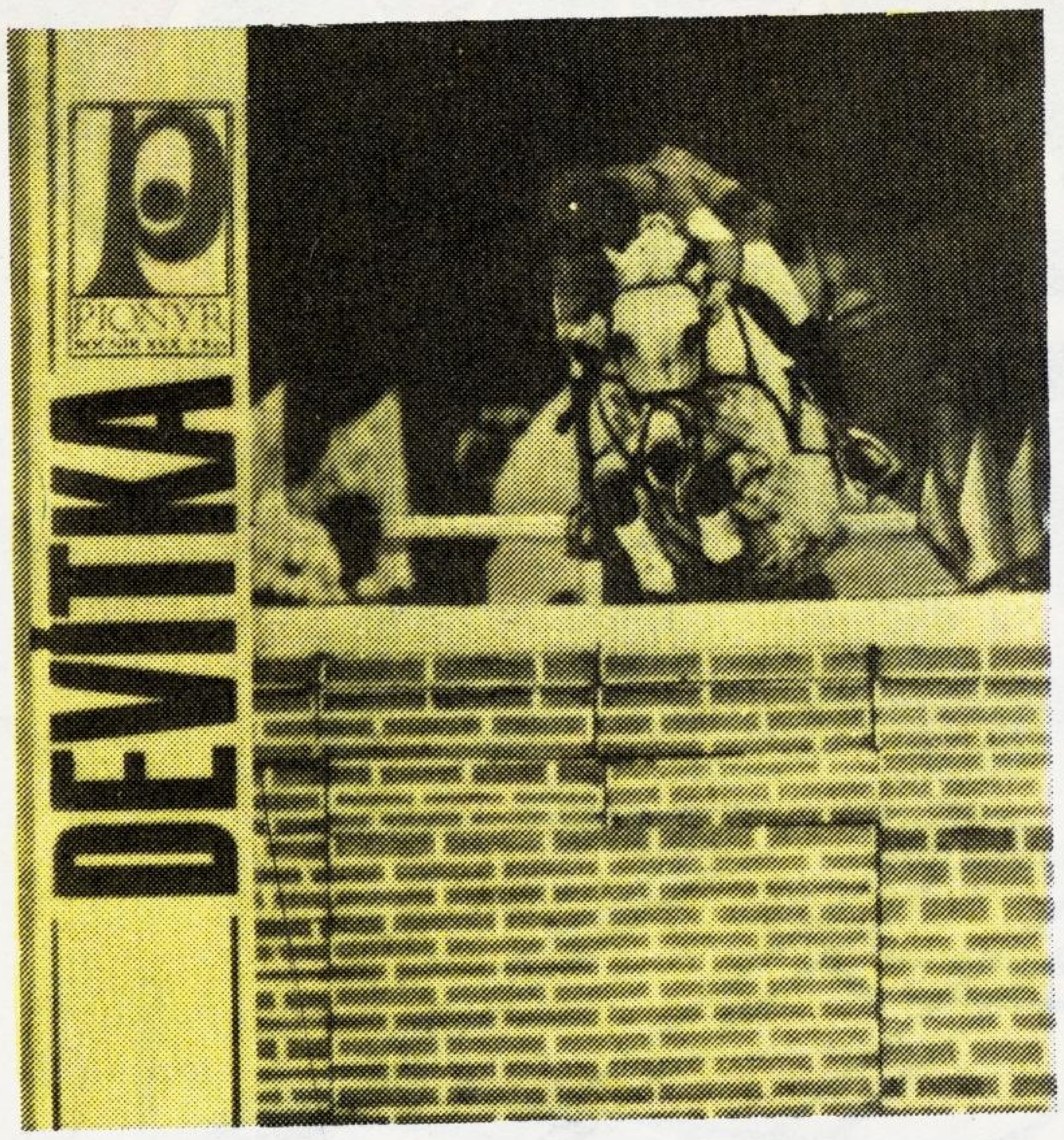
Ответы на задачи из №8

Игры Деда Буквоеда

Пролив отважных. Трудность, эскалатор, грифель, смельчак, замысел.

Капитан Перо ищет помощника

По пещерам и по гротам. 7, 6, 1, 9, 4, 2, 5, 6, 0.



ГОСТЬ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Недавно гостем нашего журнала был главный редактор чешского журнала «Пионер», член Союза писателей Чехословакии Владимир Клевис. Он рассказал о журнале чешских пионеров, который в следующем году будет отмечать свое сорокалетие, познакомил с наиболее интересными публикациями, появившимися на страницах журнала в последнее время.

Чешский «Пионер» имеет давние и добрые традиции по воспитанию у детей любви к прекрасному, бережного отношения к культурному наследию своей страны. Недаром самыми популярными стали странички о кино, живописи, музыке. Большое внимание журнал уделяет детскому творчеству. Всегда в редакции желанные гости — юные художники, поэты, музыканты.

Владимир Клевис совершил поездку во Всероссийский пионерский лагерь «Орлёнок», где встретился с советскими ребятами. «Эти встречи,— сказал он,— надолго останутся в моей памяти. Никогда я не видел такого интересного лагеря. «Орлёнок» можно по праву назвать Пионерской Республикой: здесь хозяева — ребята, и живут они по пионерским законам. Можно только позавидовать, что у советских детей есть такие Республики».

Прощаясь с нами, Владимир Клевис оставил адрес журнала чешских пионеров:

Редакция журнала «Пионер»,
Радлицка, 61, 150 00,
Прага, 5. Чехословакия.

Если кто-то из вас, ребята, захочет подробнее узнать об этом журнале или задать вопрос Владимиру Клевису и его товарищам, напишите в Прагу.

СОДЕРЖАНИЕ

Добро пожаловать.— Главы из документального повествования для детей и взрослых Л. Симоновой. Рисунки С. Трофимова .... II обл.
Секрет Андроникова.— Интервью А. Друяновой 10
Первое сентября. С мудреной задачкой управясь... Вечер.— Стихи М. Бородицкой. Рисунок А. Борисова 11
Пятилетка, в которой работать тебе
Стране нужны строители! — Записала В. Близненкова. Фотографии В. Крупского. Рисунок В. Дудкина 12
Самая легкая лодка в мире.— Повесть-сказка Ю. Коваля. Рисунки автора 15
Я для неё на все готов. Лось. Я склонился над цветком. Возвращение.— Стихи И. Мазнина. Рисунок А. Гришина ... 29
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой 30
Полвека! — Л. Разгон. Фотографии В. Крупского. Рисунки А. Борисова 32
Международный пресс-центр «Пионера».— Рисунок Л. Хачатряна 38
«Кораблик» 40
Одна лошадиная сила.— Приключенческая повесть И. Стрелковой. Продолжение. Рисунки Е. Медведева 42
«Сами о себе» 49
Кленовый лист. Журавлёнок. Осень.— Стихи Р. Гарая. Перевела с татарского Б. Цыбина. Рисунок С. Иванова 50
«Переменка».— Рисунки Е. Шабельника .... III обл., 51
На научной волне 52
Путешествие в Спортландию 56
Валеркин календарь.— Повесть В. Баныкина. Продолжение 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— М. Юдович 60
Ума палата 62
Гость из Чехословакии 64

На обложке:
В школу.— Рисунок В. Дудкина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 30.06.83.
Подписано к печати 18.07.83. А 02732. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 2106. Заказ № 1050.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Переменка» получила письмо от пионервожатой Екатерины Васильевны Харжавиной из Томской области. Она признается, что с детских лет собирает открытки, а в последние годы ее особенно увлекли веселые открытки художника В. Четверикова. Вместе со своими пионерами она часто рассматривает симпатичных, обаятельных, озорных зайцев, собак, медвежат, и ребята спрашивают ее о незнакомом им художнике.

Мы попросили нашего корреспондента ***Людмилу Бурову*** *встретиться с художником* ***В. ЧЕТВЕРИКОВЫМ.*** *Свой рассказ Владимир Иванович начал с самого детства.*

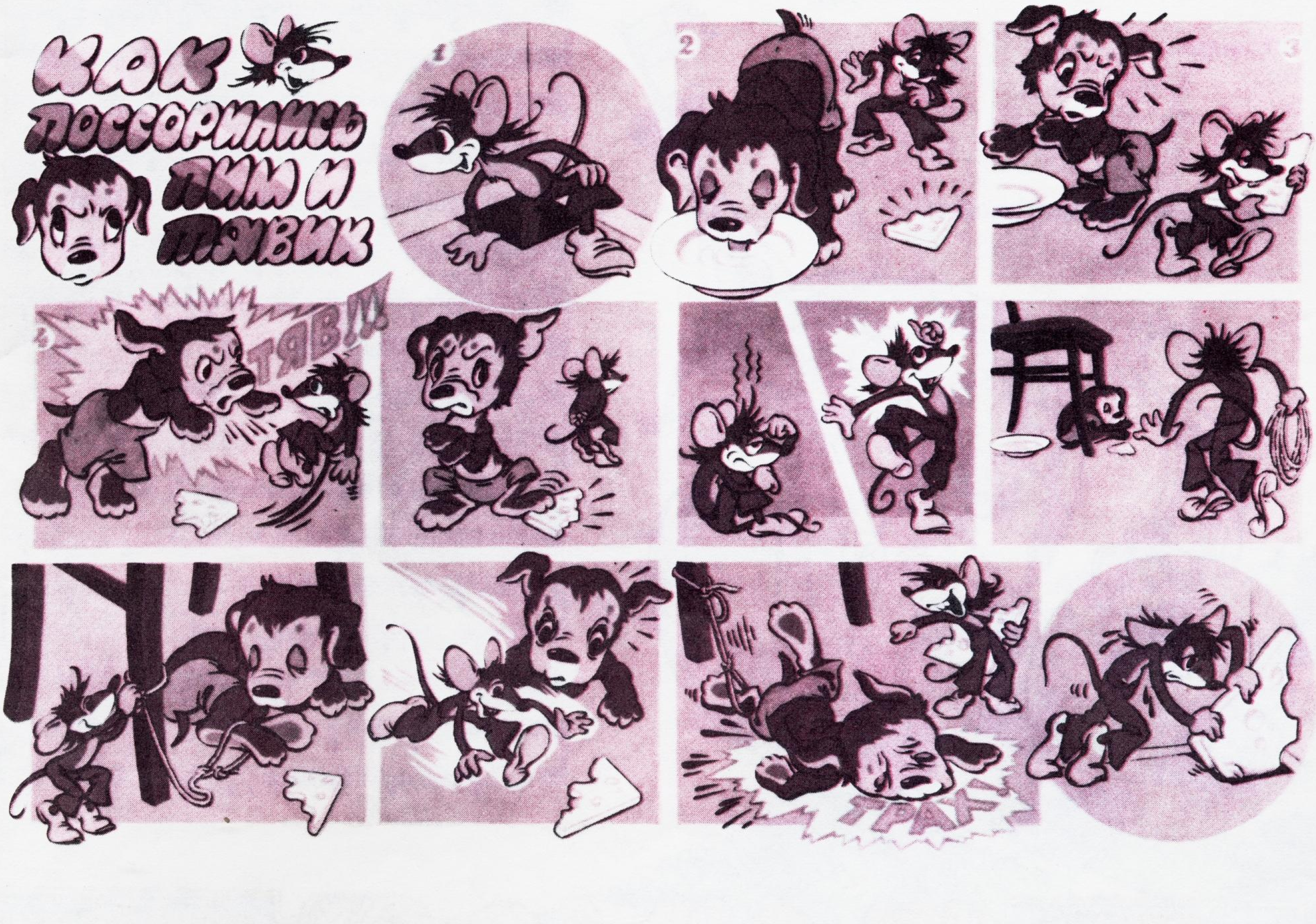
Четвериков. Со мной произошло невероятное: я родился вундеркиндом. Да, да, не смейтесь. Моя первая персональная выставка была, когда мне исполнилось пять лет. Она состоялась летом в детском саду. На выставке было много картин, которые мне самому очень нравились, а одна очень не нравилась: на ней было слишком много мотоциклистов, они даже не уместились на листе и просто куда-то сваливались. Но именно эта картина принесла мне всесадовскую известность. На следующий день ко мне пришли почти взрослые ребята из старшей группы и попросили поделиться моим художественным опытом...

Корреспондент. Эта выставка и определила ваше будущее?

Четвериков. Только в представлении моих родителей. Я же, наоборот, никакому рисованию учиться не хотел, а решил стать моряком. И поэтому, когда учился в школе, усердно посещал клуб юных моряков, речников и полярников. А потом... стал еще дельтапланеристом. А после школы пошел работать на знаменитый завод ЗИЛ. И уже позже вдруг понял, что очень люблю рисовать. Я кинулся нагонять упущенное время, учился взахлеб, рисовал круглосуточно, рисовал и радовался... и очень хотел передать эту радость другим. А для этого лучше всего подходили открытки. Игрушечные зверушки, забавные, добрые, помогали мне передавать теплоту, нежность, шутку. На них откликнулись многие — и дети, и взрослые. И я всем говорю за это: «СПАСИБО!»

Но мне уже давно не дает покоя одна идея. Мне вдруг очень захотелось, чтобы мои рисунки задвигались. Знаете, как мультфильм из картинок, чтобы можно было рисунками рассказать веселую историю...

Корреспондент. ...и Владимир Иванович охотно подарил юным читателям «Переменки» одну из таких историй...



Вперед, ладья!

81

Стихи Ильи **ЛЯХОВА.**

Музыка **Ю. ЧИЧКОВА,**
лауреата премии Ленинского комсомола.

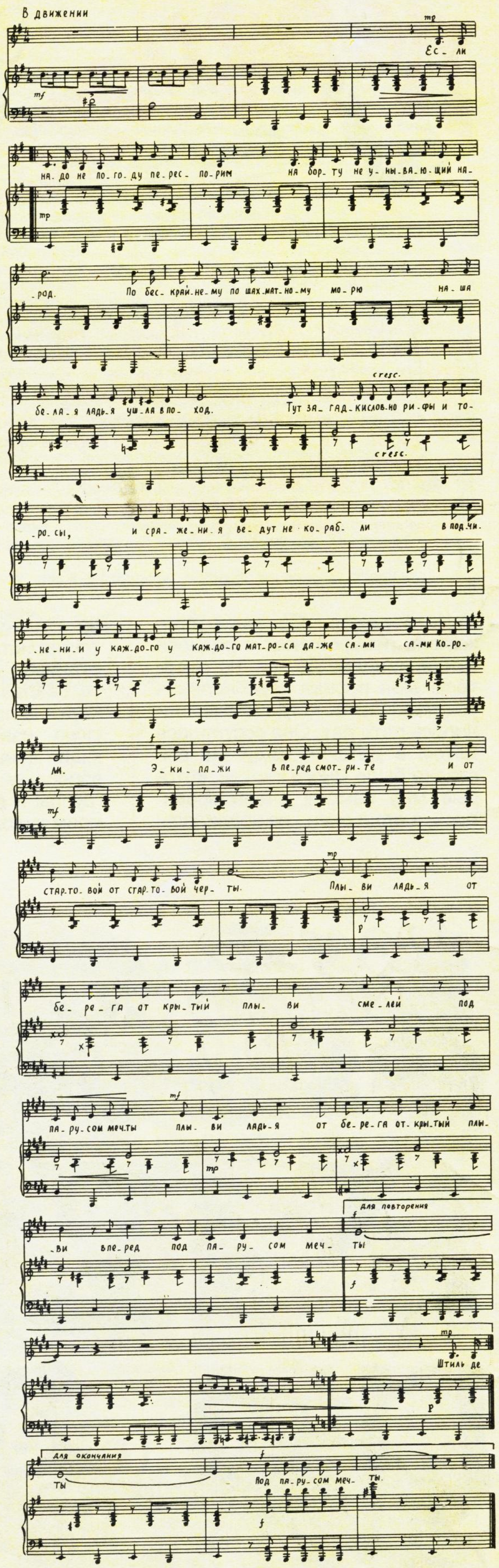
Песня шахматного клуба
ЦК ВЛКСМ и журнала «Пионер» «Белая ладья»

Если надо, непогоду переспорим,
на борту — неунывающий народ!
По бескрайнему по шахматному морю
наша «Белая ладья» ушла в поход!
Тут загадки, словно рифы и торосы,
и сражения ведут не корабли:
в подчинении у каждого матроса
даже сами,
сами короли!

Припев: *Экипажи, вперед смотрите!*
И от стартовой черты
плыви, ладья, до берега Открытий
под парусом Победы и Мечты!
Плыви вперед под парусом Мечты!

Штиль дебюта и цейтнота ураганы...
Но гроссмейстерские дали впереди,
значит, с курса не собьются капитаны
нашей Белой удивительной ладьи!
И тогда по морю клеток черно-белых
ты отправишься в невиданный поход,
надо только быть уверенным и смелым,
надо только сделать главный ход!

Припев.

Рисунок **Н. ДОБРОХОТОВОЙ.**

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.